

дит важных различий между V-2 и V-3 и считает их одной, неварской частью хроники.

До полной научной публикации текста часть его (транскрипция листов 22b–29a) была опубликована в приложении к книге Л. Петех⁵, были также предприняты две попытки издания его транскрипции на деванагари⁶. Оба издания изобиливали многочисленными ошибками. Полное издание текста (факсимиле и транскрипции на деванагари), перевода и словаря GV, впервые подготовленное Дх. Ваджрачарьей и К.П. Малла в 1980–1981 гг., было дополнено публикацией транскрипции более поздней «краткой» версии хроники (так называемый «Kaiser Shumsher Library fragment of Vamshavali») и готовилось с учетом еще одной более поздней версии GV, рукопись которой была найдена Дх. Ваджрачарьей в Горкхе (последней из дат в этой рукописи был 1847 г. по эре Викрама, 1790 г. н.э.).

Ряд ценных наблюдений относительно особенностей текста был отражен в предисловии издателей к его публикации. Было отмечено, что текст, который считается древнейшим в своем роде и стал, по-видимому, важнейшим источником для последующей традиции «вамшавали» (родословий) и еще более поздней традиции местных погодных записей «тхьясапху», сам очень неоднороден. Разделяя его на две части, санскритскую (V-1) и неварскую (V-2), авторы отмечали тот факт, что хронологически они накладываются друг на друга. Причем период этого наложения не случайно относится ко времени Шивадевы, или Симхадевы (1099–1126), выдающегося правителя, известного введением новой монетной системы и активной политикой государственного строительства. С восхваления этого царя как инкарнации Камарупа Бхайравы (Шивы) начинается текст V-2. По мнению К.П. Мала, именно время правления этого царя стало для традиционной непальской историографии связующим звеном между полулегендарным «прошлым» и настоящим и, в частности, между санскритской и неварской частями GV.

Говоря о существовании более поздних текстов типа «вамшавали» в Непале,

К.П. Малла упоминает разделение таких текстов С. Леви на «буддийские» и «брахманские» (С. Леви в качестве примера приводил буддийскую хронику, переведенную на английский язык Шива Шанкар Сингхом и Гунандой и изданную Д. Райтом в 1877 г. в Оксфорде, и брахманскую хронику, написанную в 1834 г. Сиддхи Нараяна Шармой из Деопатана, которую он использовал в своих работах). Однако К.П. Малла признает более корректной систематизацию Л. Петеха, разделявшего тексты «вамшавали» на ранние (скомпилированные до конца XIV в., включая «рукопись Бендалла» и «фрагмент из библиотеки короля Шумшера», который лег в основу книги Киркпатрика⁷), и поздние, которые записывались до конца XIX века.

К.П. Малла отмечает вслед за работавшими с поздними «вамшавали» Бхагванламом Индраджи, С. Бендаллом, С. Леви и Л. Петех, что для этой группы текстов характерна значительно большая, по сравнению с ранними текстами, вольность в изложении истории страны, которая вела, по выражению Л. Петех, к «искажению и запутыванию исторической традиции», к ее «полному расхождению с реальностью»⁸. К.П. Малла считает одной из причин такой эволюции или деградации памятников «вамшавали», которые с течением времени все чаще интерполировали различные легенды и мифы, оформление в XV–XVI веках и широкое распространение знаменитых «Шива-пураны» и буддийской «Свямбху-пураны», иных произведений пуранической литературы, текстов типа известных «Непал Махатмья»⁹, «Химават-кханды» и иных сборников местных легенд и преданий, которые авторам ранних «вамшавали» просто не были известны. Вместе с тем он отмечает случаи, когда, например, текст «вамшавали», последней датой которого является 1890 г., в описании ранней истории не только строго соответствует GV, но и содержит более подробную информацию об этом времени, разъясняет отдельные неясные и запутанные фрагменты GV. Поэтому главной задачей дальнейших исследований он видит последовательную реконструкцию непальской исторической традиции, детальное исследование инфор-

мации «вамшавали» с учетом эволюции этой литературы, сведений иных нарративных текстов и эпиграфики.

Среди иных особенностей литературы «вамшавали» К.П. Малла обозначает ее *тенденциозность* в интерпретации тех или иных мифов или событий *соответственно буддийской или брахманистской ориентации авторов*, а также телескопирование, когда генеалогическая часть подвергается изменениям для обеспечения ее большей компактности, сохранности и жизнеспособности. Считая телескопирование характерным для непальской историографии и ссылаясь на аналогичное мнение Р. Тхапар¹⁰ относительно сходных особенностей индийской исторической традиции (в результате чего, в том числе, в текстах появлялись «краткие» версии списков правителей реальных индийских государств), К.П. Малла подразумевает под такой особенностью преимущественно «сокращение» генеалогической части. Однако очевидно происходит и обратное, повторение упоминаний одного и того же царя в разных местах последовательного перечисления правителей Непала. Так, например, К.П. Малла отмечает, что Шивадева I упоминается здесь дважды (на листе 21b как преемник Васантадевы, а на листе 22b – как предшественник Амшувармана). Поскольку между этими упоминаниями идет речь о шести иных правителях, то те, кто рассматривает списки линейно, должны были бы считать, что речь идет о двух разных царях. В тексте встречаются и иные повторения. С точки зрения рационалистически мыслящего исследователя, такая непоследовательность авторов GV как будто бы свидетельствует о недостоверности источника и невозможности его использования. Однако по сути это неправомерно. Авторы считали своей задачей сохранение информации о прошлом страны, той, которая имела в их распоряжении, в том числе в виде комплекса легенд, преданий, мифов, связанное изложение в рамках одного текста информации из разных по характеру доступных им источников. И строили они это изложение в такой форме, которая была им более привычна и следовала из развития санскритской литературной традиции.

Санскритская часть GV, о которой пойдет речь далее (первая ее часть, связанная с изложением ранней истории Непала до конца правления Личчавов, листы 17–24), сама имеет сложную структуру.

Легенда о появлении первых мудрецов в Непале, с которой начинается изложение в дошедшей до нас версии GV, после чего в стране появилось множество храмов, формально связывается с историей появления здесь царей Гопалов (букв. «пастухов коров»), давших название и всему тексту. Выкопав «знак Шивы», найденный в земле на берегу Багмати на том месте, куда в качестве «жертвоприношения изливала молоко легендарная корова Бахухи», пастух по имени Непа, как говорится в тексте, построил знаменитый храм Пашупатинатх и дал начало первой династии правителей страны. Значительная часть последующих событий в GV прочно связывается с этим храмом, известнейшим шиваитским святилищем долины Катманду и всего Индостана в древности и средневековье, который именуется «господин Пашупати».

Восемь перечисленных далее правителей имеют традиционные санскритские имена, оканчивающиеся на «гупта» («защитник») – Джаягупта и другие. На смену Гопалам, победив их, пришли правители из иного рода, носившие титул «Махишاپала» («пастух буйволов», в тексте прямо говорится – это царский титул, *gāyapada*). Имена их имели характерное санскритское окончание «синха» («лев») – Варасинха и др. Победа Махишاپалов не привела к исчезновению Гопалов, сохранивших свою власть. Поэтому покоривший позднее долину Катманду род царей Киратов, чьи основные владения находились на территории восточного Непала¹¹, как свидетельствует GV, смог занять здесь доминирующее положение лишь после победы над Махишاپалами и Гопалами, что вполне можно понимать как свидетельство только их подчинения. Гопалы правили в Непале и значительно позже.

Последующее перечисление царей Киратов привлекает внимание тем, что большинство их имен явно несанскритского происхождения, хотя перед каждым таким

именем стоит эпитет «Шри». Полемизируя с теми, кто считает, что авторы GV «придумали» длинный список царей Киратов, чтобы заполнить промежуток в причудливой хронологии «вамшавали», С.Р. Тивари¹² впадает в иную крайность. Он противопоставляет Киратов и несанскритские названия, язык, на котором говорило основное население долины, Личчхавам, их «двору» и санскриту, упрощенно расценивая санскрит как «придворный» язык Личчхавов, язык завоевателей. Поэтому он сам заводит себя в тупик, будучи вынужден связывать Гопалов одновременно и с санскритом, и с протоневари. Хотя, по мнению С.Р. Тивари, процесс распространения санскрита начинается с приходом Личчхавов, он вынужден датировать проникновение вишнуизма, шиваизма и буддизма в долину Катманду значительно раньше этого времени. Принципиально важный вопрос о роли и о соотношении санскрита и местных языков, которые прямо никогда не отрицали друг друга, не находились в конфликте, не может решаться столь упрощенно и требует специального внимания. Он сходен с проблемой взаимоотношений и роли санскрита и праkritов в Индии.

Затем однообразное изложение текста прерывается. Начало «родословия» Личчхавов сопровождается изменением стиля, который является характерным только для этой части хроники. Именно здесь и только здесь перечисление царей действительно приобретает генеалогический, т.е. с указанием родственных связей, характер (по типу: «Сын Бхагиратхи был Какустха. Сын Какустхи был Рагху» и т.д.). Во всех иных случаях указания на родственные связи правителей в списке отсутствуют, вместо них чаще всего даются цифры (по типу: «царь Шри Дхаскем – 37 лет, царь Шри Валумча – 31 год 6 месяцев» и т.д.). Все исследователи понимают последний вариант однозначно: как указание на срок правления царей.

Изложение «родословия» Солнечной династии и Личчхавов предваряется характерным эпическим введением *от первого лица*: «Теперь я расскажу о происхождении рода Сурьи» (GV 18b.2), присутствующим только в этой части текста. Это свидетельствует

о том, что авторы GV вполне осознанно интерполировали известный им кусок текста, излагающего «родословие Солнечной династии», возможно, из эпоса или из соответствующего раздела известной им пураны. Само изложение родословия распадается на три части. В первой приводится эпическое перечисление легендарных царей Солнечной династии от Вишну и Сурьи, сына Ману, до Куши и Лавы, сыновей Рамы (всего 40 поколений). Это, как говорится в GV, «(род) царей Айодхьи». Во второй – перечисляются 12 поколений правителей Вималанагари (от Вишалы до Викакшина), причем остается неясным, каким образом Вишала был связан с родом Икшваку, Солнечной династией. И, наконец, в третьей части родословия хроника, меняя «пуранический» стиль на стиль «списка царей с указанием срока» (их правления?), переходит непосредственно к непальским Личчхавам. При этом в тексте не только не обозначается связь основателя рода Личчхавов с царями из Солнечной династии, но даже не упоминается он сам: «Затем, победив царей Киратов благодаря могуществу [рода] Сурьи, в Непале род [царя] Личчхави появился. Его [царя Личчхави] сыном был Шри Нимиттакала, [который правил] 50 лет» (GV 19b.2–3). Список царей в GV не совпадает с родословием из надписи Джаядевы II, где говорится, что Личчхави был восьмым после Дашаратхи, отца Рамы. Возможно, причиной этого было то, что GV следовала «сокращенной», а надпись Джаядевы II «пространной» редакции родословия Личчхавов. Во всяком случае, надпись упоминает 12-м от Личчхави царя Супушпу (в GV это имя у 4-го и 18-го царей после Личчхави), Джаядеву – через 20 поколений от Супушпы (в GV он 8-й после Личчхави и 4-й после Супушпы). Лишь на последнем этапе списки совпадают (11 царей от Джаядевы до Вришадевы).

Изложение сведений о непальских Личчхавах более пространно. С их именами, очевидно, связывались не только мифы и легенды, зафиксированные в литературных источниках и эпосе, но и информация, которую авторы GV могли использовать из надписей или из храмовых записей. Существование последних не зафиксировано, но

в пользу такого предположения свидетельствует сам стиль GV (называемый К.П. Малла «телеграфным»). Повествуя о ранней истории Непала, текст ясно дает понять, что связь с Пашупатинатхом, «блажие» поступки царей по отношению к этому и иным храмам становятся важнейшим критерием их «добродетельности». В этих сведениях нет ничего специфически мифологического. Они выглядят как краткая фиксация «духовных» и «светских» заслуг того или иного правителя. В первую очередь говорится о различных пожертвованиях в Пашупатинатх (постройка, перестройка, поднесение даров с различными названиями). Как «духовные заслуги» царей, и это очень важно, перечисляются также их действия по обустройству буддийских вихар и святилиц. Чаще всего о таких «буддийских» достижениях царей говорится после изложения их «индуистских» заслуг, хотя есть и исключения из этого правила. Можно привести для примера случай, связанный с вполне достоверной историей правления одного из предшественников Манадевы, Вришадевы, который, как это зафиксировано в GV и иных источниках (в том числе в надписях), был буддистом¹³. Такая картина позволяет с сомнением воспринимать ту точку зрения, что текст GV является чисто механистической тенденциозной компиляцией. Борьба, столкновение, взаимоотрицание и противопоставление буддизма и индуизма, буддийских и индуистских организаций никак не фиксируются в ранних непальских источниках. И текст GV, и надписи Личчхавов вполне толерантны. Хотя, конечно, религиозная тенденциозность исторической традиции не могла не существовать в раннем обществе. Но она не основывалась на отрицании очевидных для современников фактов. Поэтому форма ее проявления была именно такой – соответствующая взаимная иерархизация и инкорпорация святых, легенд, достижений и духовных заслуг «буддийского» и «индуистского» толка. В качестве прекрасного образца такой толерантности можно привести пример из непальского текста IX в. «Непал-махатмья» («Прославление земли Непала»), который считался частью шиваитской Сканды-пураны. Уже в первой главе одним из первых

богов, пришедших в Непал для прославления Шивы, назван «Вишну в образе Будды» (!), далее говорится о том, что к нему пришла Парвати (супруга Шивы) в образе Ваджра-Йогини (одна из важнейших богинь в непальском буддизме). Говоря о том, что в этой стране «даже шиваиты практикуют буддизм», она призывала его: «Будь шиваитом и воздвигни лингам в месте слияния рек Багмати и Манимати», что Будда и сделал¹⁴.

Ничего сверхъестественного нет и среди перечислений «светских» достижений Личчхавов. Здесь мы встречаем вполне привычную по иным санскритским литературным текстам и надписям информацию – «общую» и более частную. Так, например, о Супушпе, пятом после Личчхави царе, говорится, что он «установил в стране Непал систему четырех варн»¹⁵, установил «закон»¹⁶ для всех подданных, согласно которому все они вместе с их собственными землями должны быть защищены¹⁷.

При перечислении «заслуг» царей встречается и более конкретная информация. Так, например, о Ганадеве говорится: «При его правлении на земле Непала в течение трех лет была засуха. Дождь [был вызван им], когда с желанием вызвать дождь, с любовью к Шри Пашупати Бхаттараке [сокровище] «маханага» им было достигнуто (и предоставлено в качестве дара в Пашупатинатх). В связи с авторитетом [этого царя] вклад был совершен по имени Ганадева. В результате этого пожертвования великий дождь был достигнут [и] подданные были обрadowаны» (GV 21a.4–5).

Большая часть сведений GV не выглядит «мифологическими» и недостоверными, закономерное сомнение вызывает лишь их «рамка», последовательность перечисления имен царей и цифры, которые воспринимаются как указание на время правления царей. Даже когда говорится о времени одного из наиболее известных царей Личчхавов, Манадевы, деятельность которого зафиксирована и в надписях, в GV отражена особая версия генеалогии Личчхавов, не совпадающая уже со сведениями надписи самого Манадевы из храма Чангу-Нараяны от 464 г. н.э. и генеалогией Личчхавов из надписи Джаядевы II от 733 г. н.э. Нельзя

объяснять этот факт «забывчивостью» или «путаницей» авторов GV, так как тексты эти сохранились до нашего времени и не могли быть недоступными для авторов GV. Изменение семейной генеалогической традиции в упомянутых надписях, которые умалчивают также и о факте отцеубийства Манадевы, можно объяснить только их шиваитской тенденциозностью, стремлением отделить царя-буддиста, т.е. отступника, от одного из наиболее известных и значительных царей-завоевателей, шиваита, положившего основание их царству в долине Катманду. Важно подчеркнуть, что «буддийская» версия исторической традиции, о чем можно судить по «Истории», опубликованной Д. Райтом, сохранила такой же порядок перечисления предков и потомков Манадевы, что и GV.

В ряде случаев создается впечатление, что авторов GV меньше всего беспокоило соответствие их произведения европейским представлениям об обязательной линейности изложения сведений хроники, единой стройной генеалогии и, тем более, хронологии. Иногда источники сведений авторов GV представляются вполне очевидными – дарственные и иные надписи, которые в великом множестве можно встретить в Индии и Непале и которые связывали имя того или иного царя с его деянием: сооружением храма, его перестройкой, дарением земли, золота, сооружением статуй, иными «благими» поступками. При изложении такой информации надписи давали иногда слишком мало для восстановления непрерывной исторической картины развития страны. Длинные списки царей в надписях, даже в усеченном виде, не сравнимом с подробными легендарными родословиями эпоса и пуран, все же явление очень позднее и эпизодическое. Поэтому мы встречаем «противоречия», когда правители, как это зафиксировано в надписях, как *правившие одновременно*¹⁸ после Амшувармана, помещены в тексте GV как после, так и до упоминания Амшувармана, то есть как *правившие в разное время*. Цари Шивадева I и Нарендрадева упоминаются дважды, занимая разные места в списке. Такую непоследовательность можно объяснить только тем, что сама традиция «всеобъемлющей» генеалогии

в древности просто не существовала. Даже вариант генеалогии Личчхавов времени последнего крупного царя из этой династии Джаядевы II можно считать условным, так как вся она укладывается в два «блока» царей, существование которых закреплено в надписях. При этом не включенным в список оказывается самый известный царь Личчхавов, Амшуварман. Возможно, полная подробная генеалогия Личчхавов («династическая традиция») так и не была окончательно сформулирована и закреплена в каком-либо тексте. Мы можем достаточно уверенно судить о причинах возникновения этого феномена, который основывался на особенностях социально-политического устройства общества, но рассматривать эту проблему в данной работе не представляется возможным.

Недостоверность «единой» последовательности правителей Непала безусловна и очевидна (что показывают и подсчеты исследователей, наивно складывавших цифры, приведенные в тексте, что вело их к фантастическим результатам). Это легко показать на «исторической» части хроники, где можно привлекать для сравнения надписи. Упомянутые здесь цари могли быть просто членами семьи или править различными частями царства. Строго говоря, нельзя утверждать даже то, что мы вообще имеем дело с «генеалогией и хронологией царских династий». Указания на родственные взаимосвязи царей уникальны – все «списки» построены по схеме «царь–имя–количество лет». В тексте санскритской части ни разу не говорится о том, что обозначает указанная цифра. Даже в более поздних частях GV, где появляются даты по эре NS, обычно приводится год рождения царя, указывается, скольких лет от роду он умер, и только один раз (!) указывается на то, сколько лет он правил. О невозможности существования единой хронологии свидетельствуют и сами надписи – только Личчхавы использовали два основных и еще два дополнительных варианта исчисления хронологии, используя датировки по эре Шака (78 г. н.э.) и по эре Манадевы (576 г. н.э.).

«Единая генеалогия и хронология», которую обычно навязывают GV и иным

текстам «вамшавали», – результат ошибочной интерпретации смысла текста, цели его создания и его структуры, его задач и места в рамках непальской и общей литературной традиции Индийского субконтинента. Подход представителей европеизированной или рационалистической историографии, на основании недостоверности такой генеалогии и хронологии отказывающейся в доверии всему источнику, является таким же ошибочным, как и подход местной историографии, буквально воспроизводящей мифическую историю становления царства Непал, относя его появление к III–II тысячелетиям до н.э.¹⁹

Сходную картину, свидетельствующую, к сожалению, о том, что современная историография и санскритология мало продвинулись в этой области по пути понимания санскритских текстов, мы наблюдаем на примерах исследований шастр и «Артхашастр», которые первоначально рассматривались в европейской историографии как «сборники законов» и «трактат о государственном управлении». Закономерно, по причине сложности и специфики, исследование этих текстов перешло главным образом к санскритологам, литературоведам и лингвистам, использующим соответствующий инструментарий, которые по многим причинам не могут и не должны (что следует подчеркнуть) ставить вопрос об исторической достоверности исследуемого текста. В результате мы имеем две сходные взаимоисключающие точки зрения, которые можно понимать и как обозначение общих тенденций в историографии, аналогичные двум основным точкам зрения исследователей GV. В работах исторического характера и учебной литературе нередко воспроизводится все та же абсолютно некритическая версия ошибочной интерпретации свидетельств шастр и «Артхашастр». Санскритологи же приходят иногда к выводу об «искусственности» таких текстов и недостоверности дошедших до нас памятников санскритской литературы, их сведений. Причем некоторые из них в исследовании древних текстов даже апеллируют к здравому смыслу, искренне не понимая, что логика древнего автора могла просто быть иной, отличной от логики современного челове-

ка, а организация древнего общества и государства, его жизнедеятельности, система ценностей, приоритетов и т.д. были просто иными. В равной мере обе указанные тенденции отражают отрицательный результат работы, непонимание текстов и их информации. Такое непонимание неминуемо отражается и на качестве переводов самих текстов. Можно вспомнить сходную суть бесконечных дискуссий в Индии в 60–70 гг. XX века о достоверности знаменитого эпоса, которая очень емко была отражена в названии одного из главных сборников, опубликованных в результате этих дискуссий: «Махабхарата – миф или реальность?» По нашему глубокому убеждению, такого разделения и противопоставления нет и быть не должно.

Применительно к нашей теме вопрос о достоверности источника в целом не имеет и не может иметь однозначного ответа. Основываясь на исследовании текста, при известной осторожности, сравнивая с информацией из иных источников, можно судить о достоверности конкретных сведений GV. И подробных исследований такого рода нам пока, к сожалению, почти не известно. Ниже, в качестве примера, мы представим новую реконструкцию одного из фрагментов ранней истории Непала.

Некоторые вполне «исторические» сведения GV, которым никогда, по моим сведениям, не придавалось значения и которые с легкой руки исследователей объявлялись фантастическими, требуют особого внимания. Непальская историческая традиция сохранила очень мало свидетельств о контактах непальских правителей с государствами за пределами Непала. Даже о контактах с ближайшим соседом, Тибетом, говорится глухо и неопределенно. И это имеет место, несмотря на то, что Личчхавы были современниками основателя и одного из наиболее известных правителей Тибетского государства, могущественного Сронцзан-гамбо. Глухо и неопределенно идет речь в тексте о контактах с другими индийскими известнейшими современниками Личчхавов – Харшей, Маукхариями, иными соседями Непала в VII в. н.э. Ничего не говорится о взаимоотношениях с Гуптами, хотя материю основателя державы Гуптов, Самудра-

гупты, была Кумарадеви Личчхави, и именно этот государь впервые в индийской эпиграфике упоминает Непал в своей Аллахабадской надписи при перечислении «окраинных» царств, ему подчиненных. Учитывая такую особенность подбора информации в GV, особо примечательными и необычными выглядят сведения о царе Личчхавов Бхаскарадеве.

В GV 20a 1–3 говорится: «Царь Шри Бхаскарадева [правил] 74 года. Им был предпринят длительный аскетический подвиг в храме Шри Пашупати, [после чего] три сокровища были подарены [этому храму]. Благодаря этому дарению... получивший, достиг [он] южного океана, [где] державу Канчинагара победив, был почтен многими сокровищами, [которые] в храм Шри Пашупати Бхатгарака были пожертвованы. [Это дарение] получило имя Канчи».

Недавняя находка скульптуры кушанского типа с надписью царя Джаявармана, датированной 207 г. эры Шака (285 г.н.э.)²⁰, рядом с поселком Малигаон, где, по мнению исследователей, находился древнейший дворец Личчхавов, Манагриха, и неподалеку от которого археологами были найдены ряд иных памятников времени Кушан, подтвердила существовавшую ранее точку зрения²¹ о том, что царство Непал существовало, как минимум, еще до Самудрагупты, впервые упомянувшего Непал в надписи.

Р. Габрини, следуя Д.В. Ваджрачарье, считавшему Джаявармана основателем династии Личчхавов, справедливо²² указал на то, что значительно различающиеся «списки царей» в GV и в надписи Джаядевы II – при перечислении правителей после Джаявармана (Джаядевы)²³ – совпадают, насчитывая 11 поколений от этого царя до Вришадевы, одного из предшественников Манадевы. И, хотя доказательство его основного тезиса (достоверность списка царей Личчхавов после Джаядевы/Джаявармана в GV) весьма условно, существенным здесь представляется то, что историчность царства непальских Личчхавов до Манадевы не вызывает сомнений. Их царство было создано после победы над Киратами и изначально располагалось за пределами долины Катманду²⁴.

Датировка похода «к южному океану» в GV, даже если Габрини и Ваджрачарья правы, остается очевидно недостоверной – он не мог быть совершен за 19 поколений до Вришадевы (середина V в. н.э.). Правитель Непала, даже если бы он решился на столь длительный самостоятельный поход, учитывая историческую обстановку в центральной и южной Индии в I–II вв. н.э. (если следовать очень условной датировке времени правления Джаявармана концом III века, считая 150 лет для правления 15 поколений царей), должен был неминуемо столкнуться со значительными трудностями и не мог избежать столкновения с могущественными царствами, прежде всего с царством Сатаваханов. Однако это не отрицает возможную достоверность самого «южного похода».

Ключевым здесь является упоминание «державы города Канчи» (*Канчинагараманда*), которую можно идентифицировать только с царством Паллавов. Оно возникло в середине III в. н.э., а в последние десятилетия III в. подчинило своей власти царство Икшваков, правивших в Андхре в III в. н.э. Один из царей Паллавов, Гопала, упоминается Самудрагуптой в Аллахабадском панегирике как царь, побежденный в «южном походе» в первой половине IV в. После этого возможность похода и победы Личчхавов над Канчи еще менее возможна, так как они должны были преодолевать в этом случае земли державы Гуптов.

Именно в это время (конец III – начало IV в. н.э.), после распада державы Сатаваханов и до завоеваний Самудрагупты, для центральной Индии была в особой степени характерна политическая нестабильность. В северной Махараштре появляется царство Абхиров²⁵, возможно, распространивших свою власть в последней четверти III в. и на царство Икшваков²⁶, вскоре после чего и произошло завоевание Андхры Паллавами.

Информация о правлении на территории Непала клана Абхиров сохранилась и в непальской традиции. Издатели GV прямо называют первых легендарных правителей, Гопалов, которые правили в долине Катманду и в последующее время, Абхирами. Имеется надпись от 540 г. н.э., в которой

говорится о дарении двух участков поля «абхиркой», матерью Бхаумагупты, который впоследствии становится ближайшим «сподвижником» Шивадевы I. Гопалы-абхиры правили Непалом и в последующее время.

Вряд ли правитель Непала отважился совершить поход до Канчи по собственной инициативе и цель похода (Канчинагара) была избрана им независимо. Скорее всего, в рассматриваемом свидетельстве GV можно видеть воспоминание о соучастии правителей Непала либо в столкновении Абхиров и Паллавов в последние годы III в. н.э. в Андхре, либо об их участии в качестве союзников Самудрагупты в его южном походе в IV в. Если сведения GV имеют под собой историческое основание (а события эти представляются нам вполне вероятными), то единственной проблемой остается выбор между двумя высказанными нами предположениями. Датировка же времени южного похода, который связывается в GV с предшественником Джаявармана, должна быть соответствующей.

О сохранении в непальской исторической традиции предания о походе на Канчипурам, о победе над государством Паллавов позволяет судить и своеобразная буддийская версия этого события.

Царь Бхаскараварман из «лунной» династии Сомавамша предпринял значительные завоевания «по всем четырем сторонам света», дойдя до океана, т.е. до Сетубандха Рамешвара (место, где Рама построил мост, соединявший материк с Цейлоном во время легендарной войны с Раваной, ставшей основой сюжета Рамаяны). С помощью мантр он подчинил множество стран и привез огромное количество золота, которое посвятил Пашупати. Он дал возможность Пашупати купаться в воде, содержащей золото, которая истекала из р. Багмати. Он увеличил размеры Деопатана (местечко у Катманду, где находится Пашупатинатх), основанного царем-кшатрием Девапалой, последователем царя Ашоки, от деревни до города. Он поручил исполнение ежедневных ритуалов и соответствующих церемоний домовладельцу Ачарье, буддисту. Правила и церемонии, которые должны были исполняться по его

приказанию, были зафиксированы на медной пластинке, которую он отдал на сохранение бхикшу, проживавшим в вихаре Чарумати. Он посвятил город Суварнапури Пашупати и славил бога, просил у него наследника, но не имел детей. Поэтому он назначил своим преемником Бхумивармана, кшатрия из рода Солнца, который был одним из поклонников Будды и оставался в Непале после ухода учителя²⁷.

Сохраняя упоминание успешного грабительского царского «дальнего похода» на юг, который привел к значительным дарам золота в Пашупатинатху, авторы буддийской версии «Истории» по-своему ее пересказывают, дополняя указаниями на то, какую роль играли в жизни храма Пашупати буддисты (Деопатан был основан буддистом, последователем Ашоки, церемонии в Пашупатинатхе исполнялись под руководством буддиста, даже правила, зафиксированные на медной таблице, хранились не в Пашупатинатхе, а у бхикшу в вихаре Чарумати). Вполне конкретное упоминание державы Канчинагара заменяется на более широко известное и общее эпическое Сетубандха Рамешвара (смысл его появления – «далеко на юге»).

Однако само воспоминание о Канчи, связанное с ранним периодом правления царей, победивших Киратов, в буддийской версии все же сохраняется, хотя и в причудливом варианте. В первой главе этого текста говорится, что по прошествии тысячи лет правления династии Киратов в Непале, в правление Санку, царевич по имени Дхармадатта был рожден в Канчи. Однажды он встретил в Каши пилигрима, который много ему рассказывал об этой стране, говоря: «Сваямбху и Гухешвари присутствуют здесь в форме негасимого пламени, Брахма и другие боги пришли сюда, чтобы защитить и поддержать последователей Манджушри, Махадева (Шива) присутствует в форме оленя». Выслушав обильное славословие земли Непала, царь Дхармадатта передал управление городом Канчи Балкету, одному из десяти своих сыновей, а сам отправился вместе с остальными сыновьями и министром Буддхикшемом в страну Пашупати. Там он поклонялся Багмати в Сундара-тиртхе,

которая дала ему благословение, благодаря которому он подчинил царя киратов Санку и завладел страной²⁸.

Примечания

¹ *Wright D.* History of Nepal. Cambridge, 1877 (нами использовалось репринтное переиздание, New Delhi 1990); *Levi, Sylvain,* Le Nepal. V. 1–3, Paris, 1905–1908.

² The *Gopālarājā-vaiṣāvalī*. Ed. by D.V. Vajracharya and K.P. Malla. Wiesbaden, 1985.

³ *Regmi D.R.* Inscriptions of Ancient Nepal. Vol. 1–3. New Delhi, 1983–1985; *Vajracharya D.V.* Lichchhavi Kāl Ka Abhilekha. Kathmandu, 2003 Vir Era; *Joshi H.R.* Nepāl Ko Prāchīn Abhilekha. Kathmandu, 2003 Vir Era.

⁴ Catalogue № 1: 1583, микрофильм В 18/23 микрофильмирован в рамках непало-германского проекта по сохранению рукописей, копия находится в распоряжении автора статьи.

⁵ *Petech L.* Mediaeval History of Nepal. Rome, 1958, p. 219–224.

⁶ *Yogi Naraharinatha.* Gopala-Vamshavali. In *Himavatsanskrit. V. 1, No 1, p. 9–34; Regmi D.R.* Ancient and Medieval Nepal. Kathmandu, 1952.

⁷ *Kirkpatrick, Colonel.* An Account of the Kingdom of Nepal. London, 1811.

⁸ *Petech L.* Op. cit., p. 9. Корректность противопоставления «вамшавали» и пуранической традиции представляется сомнительной.

⁹ The *Nepala-Mahatmya* of the Skanda-purana. [Text, translation and introduction of *J. Acharya*]. New Delhi, 1992.

¹⁰ *Thapar R.* Ancient Indian Social History. Delhi, 1978, p. 280.

¹¹ См подробнее: *Лелюхин Д.Н.* Путь переселения клана Личчхавов в долину Катманду и история становления их государства в Непале // Вопросы эпиграфики. Вып. 2. М., 2008, с. 14–23.

¹² *Tiwari S.R.* The Ancient Settlements of the Kathmandu Valley. Kathmandu, 2001, p. 7, 8, 17, 26–27.

¹³ *Лелюхин Д.Н.* Возникновение царства Личчхавов в Непале // Индия и Тибет. Текст и вокруг текста. М., 2005, с. 142–168.

¹⁴ The *Nepala-Mahatmya*. 1.59–65.

¹⁵ Смысл этой идеологемы можно интерпретировать как обязательство царя поддерживать традиционное социальное общественное устройство.

¹⁶ *sakala-gāya-marijādā (=mariyādā)*. Марьяда – правило, обычай. Поскольку распространяется на все царство, возможен перевод этого термина как «закон». Смысл может быть интерпретирован лишь как декларативное обязательство царя по поддержке традиционного социального устройства.

¹⁷ *svasvasvakīyena bhūmi*. Считать это указанием на «введение» царем норм «частного землевладения» представляется значительным преувеличением. Фразу эту можно рассматривать лишь как свидетельство существования в Непале частного владения землей наряду с коллективным, поддержка которого включалась GV в декларацию комплекса мер по «защите» традиционного порядка. Это подкрепляется эпиграфикой времени Личчхавов.

¹⁸ Джишнугупта/Дживагупта, Вишнугупта, Бхумигупта, Дхрувадева, Удаядева и Бхимарджунадева. См., подробнее: *Лелюхин Д.Н.* Феномен «двоецарствия» в Непале // В Индию духа... М., 2008, с. 228–246.

¹⁹ В 2006 г. один из таких исследователей показывал автору статьи атлас, в котором присутствовали «исторические» карты Непала от времени Гопалов до ранних Личчхавов. Атлас планировалось использовать и в учебных целях.

²⁰ Существует также точка зрения, что дату следует читать «107 г. эры Шака» (185 г. н.э.).

²¹ Р.Ч. Маджумдар, автор главы по истории Непала в многотомной «Всеобщей истории Индии», также считал Джаядеву первым историческим царем Непала, примерно определяя время его правления – ок. 160 г. н.э. (*Comprehensive History of India. V. 1, p. 212*).

²² *Castro, Angel Andrea Di and Garbini, Riccardo.* An Inscribed statue of year 207 from Maligron, Kathmandu // *East and West (Rome: ISIAO)*, 46: 1996, 3–4 (December), p. 299–317.

²³ В GV и надписи Джаядевы II – Джаядева. О его принадлежности к роду Личчхавов ничего не говорится, поэтому некоторые считают, что это просто имя легендарного якиши. Но датировка и эпитет «завоеватель» (*vījayin*) позволяет с большим доверием относиться к первой точке зрения.

²⁴ *Лелюхин Д.Н.* Путь переселения клана Личчхавов..., с. 14–23.

²⁵ Пураны приводят список из десяти царей Абхиров, определяя время их правления в 67 лет (*Dynasties of Kali Age*, p. 47–49), что, по мнению Р.Ч. Маджумдара (op. cit., v. 1, p. 147), является ошибкой, которую он исправляет на 167 лет. См. также: Ваю-пурана, 99.359. В известной надписи III в. из Насика упоминаются два царя Абхиров, Шивадатта и его сын, царь Ишварасена. Десятым годом правления последнего датировано частное дарение буддийской общине.

²⁶ Д.Ч. Сиркар подробно обсуждает это в статье, предваряющей публикацию надписи из Нагарджунанконды, которая датирована временем царя Абхиров Васушены. См.: *Epigraphia Indica*, v. XXXIV, p. 197.

²⁷ *Wright D.* Op. cit., p. 113.

²⁸ *Ibid.*, p. 89–93.

Ю.А. Аверьянов

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ БРАТСТВА БЕКТАШИ В XVI–XVII вв. В ИСТОЧНИКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ

Изучение источников по истории суфийского братства *бекташии* (Турция) было начато немецким ученым Георгом Якобом¹, который, основываясь, главным образом, на антибекташском трактате Ходжи Исхака-эфенди «Кашиф аль-эсрар», сделал вывод о том, что истоки данного братства восходят к христианским течениям поздней античности, чьи традиции сохранялись в Анатолии (азиатской части Турции) в течение почти двух тысячелетий.

Турецкий историк Фуад Кёпрюлю также обратился к истории братства *бекташии* (бекташи) в поисках истоков турецкой духовной культуры. По его мнению, их нужно было проследить в культуре Средней Азии (Туркестана)². Опору для своих взглядов он находил в том, что основатель этого братства – Хаджи Бекташ Вели (XIII в.) – был странствующим суфием, пришедшим на территорию Румийского султаната из Хорасана. По мысли Ф. Кёпрюлю, Хаджи Бекташ проповедовал, в основном, среди тюркских и монгольских кочевников, переселившихся из Средней Азии в Малую. При этом происходил постепенный переход этих племен от шаманистских верований к исламу, усвоенному в форме суфийских учений. Однако Кёпрюлю и его школа преувеличивали роль среднеазиатских суфийских братств в истории и культуре Анатолии и слишком часто затушевывали различия между суфизмом, с одной стороны, и шаманством тюркских племен, с другой. В суфийской литературе он стремился подчеркнуть национальные элементы, которые служили бы доказательством того, что она буквально пропитана «тюркским духом».

После Ф. Кёпрюлю исследования анатолийского (и вообще османского) суфизма развивались по двум направлениям: 1) исследование полуполюгендарных жизнеописаний османских суфиев, сложившихся на основе устных преданий в эпоху становления Османского государства (XIII–

XV вв.); 2) изучение архивных данных, сохранившихся в архивах Османской империи и относящихся к более позднему периоду (как правило, не ранее начала XVI в.), однако позволяющих спроецировать некоторые модели развития и для более ранней эпохи (до завоевания Константинополя).

Исключительно важными источниками для изучения социально-экономического положения суфийских братств и, в частности, братства бекташи в Османском государстве служат налоговые и кадастровые описи (*тахрир дефтерлери*, *тану каиделери*), пристальное внимание на которые было обращено благодаря работам Омера Лютфи Баркана³. Он ввел термины «дервиши-колонизаторы» (*kolonizatör dervişleri*), чтобы охарактеризовать значение суфийских сообществ в освоении завоеванных османами территорий (речь шла в первую очередь о землях запустевших или брошенных прежними хозяевами, на которых возводились суфийские обители и организовывалось хозяйство). Это касалось земель Анатолии и балканских стран. Исследовательница румынского происхождения Ирен Бельдичану-Штайнерр проследила тот же самый процесс на примере конкретной обители братства бекташи в греческом городе Диметока (Дидимотихон) – *завийе* Сейида Али Султана⁴. Тот же подход был использован турецким ученым А.Я. Оджаком при изучении документов из обители Эмирджи Султана, расположенной в окрестностях города Йозгат в Центральной Анатолии⁵. В данном случае, в отличие от обители Сейида Али Султана, основанной военным предводителем, который, возможно, придерживался обета безбрачия, речь шла о целом родовом объединении (клане), переселившемся в Анатолию вместе со своим духовным отцом – шейхом Эмирджи Султаном. По всей вероятности, он был младшим современником Хаджи Бекташа Вели.

Документы по ранней истории обители Эмирджи Султана сохранились, а по истории обители Хаджи Бекташа – нет, но можно предположить, что в обоих случаях ситуация была примерно сходной.

Наиболее значительной на сегодняшний день работой, посвященной социально-экономическому положению обителей братства бекташи в Анатолии, является книга Сурайи Фароки, профессора университета Людвига Максимилиана и директора Института тюркологии в Мюнхене, под названием «Орден бекташи в Анатолии»⁶. Она рассматривает экономический базис обителей бекташи, вопросы, связанные с землевладением и институтом *вакфа*, административным управлением и взаимоотношениями с властями. Обители бекташи являлись, по мнению исследователя, важным звеном в поддержании устойчивого баланса между османским городом и деревней. С. Фароки считает себя представителем не «литературного», а «социально-исторического» направления в изучении бекташи. Хронологически ее монография охватывает весьма продолжительный период (с конца XV до начала XIX в.).

«Литературные» истоки братства бекташи стали предметом рассмотрения большого числа ученых, как турецких, так и зарубежных. Наибольшее значение имеют работы классика турецкого суфиеведения Абдюльбаки Гельпынарлы⁷. В настоящее время крупнейшим представителем «культурологического» направления в изучении братства бекташи в Турции является Ахмет Йашар Оджак, чьи работы фактически также стали классическими⁸. Эти исследования концентрируются на феномене «народного ислама», который зачастую предстает антиподом ислама «официального», «государственного».

Западноевропейские авторы, начиная с Франца Тэшнера, придерживались более традиционного для западной науки «исторического» метода, пытаясь вычленивать из легенд о святых персонажах «подлинные» исторические факты и, используя в качестве дополнительных данных сведения эпиграфики, сконструировать исторические биографии тех или иных святых-суфиев. Однако в последнее время и европейские

ученые стали больше внимания уделять не личностям, а «феноменам» и, соответственно, обратились к вопросам о влиянии братства бекташи на духовную жизнь населения Анатолии, выразившемся в распространении секты *кызылбашей* («красноголовых»). В настоящее время секта охватывает по разным данным от 10 до 20 % жителей Турции и известна больше под названием *алевиты*.

Изучение проявлений «народных религий» в Анатолии было начато английским археологом и антиковедом Ф.В. Хаслуком и великим российским востоковедом В.А. Гордлевским. Труд Хаслука посвящен обителям бекташи, которые были описаны европейскими путешественниками и востоковедами; сам автор восточными языками не владел. Хаслука интересовали случаи одновременного почитания одного и того же святилища представителями разных религий (в основном, мусульманами и христианами)⁹. Он установил, что именно бекташи содействовали этому процессу и направляли его. С Хаслуком во многом полемизировал турецкий ученый Хикмет Таниу, занимавшийся вопросами турецких народных верований¹⁰. По его мысли, завоеватели-турки психологически едва ли были расположены к тому, чтобы почитать «святые места» покоренных народов. Их святые показали якобы свою «слабость» – не смогли защитить их от нашествия иноземцев и потери своей государственности.

Наиболее полно «народная религия» бекташи и алевитов рассматривается в трудах французской исследовательницы Ирен Меликофф, посвятившей этому практически всю свою жизнь¹¹. В отличие от Ф. Кёпрюлю и Г. Якоба, она склонна видеть в бекташизме не столько порождение иных культур, пересаженных на анатолийскую почву, сколько собственно анатолийский феномен, тесно связанный с религиозными явлениями на территории Курдистана и Западного Ирана. Османские власти пытались поставить себе на службу возникшие в том регионе еретические течения или, по крайней мере, нейтрализовать их, и в этом братство бекташи стало их незаменимым помощником. В свою очередь взгляды кызылбашей проникали в среду дерви-

шей-бекташи и способствовали все большему отклонению этих дервишей от суннитского правоверия.

Что касается самого института суфийских обитателей (*завийе, текке*), их роли в истории Османской империи и вопросов их функционирования, их социального и педагогического значения, а также повседневной жизни их обитателей-дервишей, то стойкий интерес ко всему этому наблюдается у европейских исследователей, начиная с Ханса Йоахима Кисслинга. Он использовал и сведения, полученные из жизнеописаний суфиев, и данные официальной османской агиографии (*тезкире* Ташкёпрызаде и других авторов).

Наиболее полная обобщающая работа по братству бекташи на сегодняшний день значительно устарела – это книга Джона Кингсли Бирджа «Орден дервишей бекташи»¹². Написанная более семидесяти лет назад, вскоре после запрета на деятельность суфийских братств в Турции, монография Бирджа включила в себя много материалов «из первых рук», которые автор почерпнул, общаясь с еще живыми и здравствующими дервишами (*баба*) братства. Автор ввел периодизацию истории бекташи: первый период – от смерти Хаджи Бекташа до назначения главой братства бекташи Балым Султана (1501 г.); второй период – от эпохи Балым Султана до периода гонений на братство (так называемое событие *Вака-йи шеррийе*, 1826 г.); третий период – с 1826 г. вплоть до роспуска братства при Мустафе Кемале в 1925 г. Бирдж не имел доступа к османским архивам, которые в его время еще были закрыты для ученых. Проблемы общественной жизни обитателей бекташи не слишком интересовали английского исследователя, и он ограничился лишь некоторыми замечаниями на эту тему.

Достаточно полное описание обитателей бекташи на территории бывшей Османской империи содержится в шестом томе обширного труда главы братства бекташи Бедри Нойана¹³. Книга отражает представления самих членов *тариката* бекташи и содержит массу интересных сведений, собранных автором за долгие годы его подвижнической деятельности по возрождению наследия бекташи и его популяриза-

ции в современной Турции. Однако приводимые данные часто носят непроверенный характер и излагаются довольно несистематично. Автор не ставит перед собой задачу отделить легендарные сообщения от того, что принято считать историческим, и, не будучи профессиональным историком, не подвергает критическому осмыслению перечисляемые им факты. Его работа может служить скорее источником для будущих исследований.

Как показали данные, полученные из османских описей XVI в., проанализированных известным специалистом Колин Имбер¹⁴, существовала определенная связь между усилением преследований со стороны османских властей в отношении кызылбашей и распространением обитателей бекташи в Анатолии. Крестьяне и кочевники, которые составляли движущую силу секты кызылбашей, в условиях гонений вынуждены были, по всей видимости, искать поддержку в обителях бекташи, которые служили одновременно прикрытием для их сборищ. При этом обители бекташи не теряли связи и с городским населением (обычно они располагались вблизи небольших городов). В больших городах, где концентрировались медресе и богословы-улемы, «выжить» для бекташи и их организаций было труднее.

Завийе бекташи создавались, по словам С. Фароки, «между городом и деревней»¹⁵. Обители бекташи владели земельными наделами и участвовали в распределении доходов от земледельческого производства. Подобные данные сохранились полнее всего в отношении обители Абдала Мусы в селении Теккекёй, расположенном в долине Эльмалы, и были проанализированы С. Фароки. В последнее время стараниями турецких ученых были опубликованы также многие документы, касающиеся истории главной обители (*астане*) бекташи – «Дома пира» (Пир-Эви) в селении Хаджибекташ, находящемся в провинции Невшехир. Но многое в истории братства до сих пор не выходит из области догадок и более или менее вероятных предположений.

Лишь с конца XVII в. у историков появляется более или менее удовлетворительное число документов, позволяющих судить об

отношениях обитателей бекташи как между собой, так и с центральной властью. Были выявлены многочисленные попытки шейхов центральной обители бекташи в селении Хаджибекташ установить контроль над другими завийе и текке, что обосновывалось полномочиями, полученными от султанской администрации. При охлаждении османской власти к представителям братства бекташи, которое наступило с приходом к власти реформатора Махмуда II (1808–1839), братство в силу ряда внутренних и внешних причин оказалось неспособным к сколько-нибудь активному сопротивлению и в 1826 г. стало жертвой султанского произвола. Эти гонения имели и экономическую подоплеку: за ними стояла попытка султанской администрации «наложить руку» на собственность вакфов, в особенности тех, которые принадлежали суфийским братствам.

Источником для установления географии обитателей бекташи в XVII в. является, в первую очередь, многотомный труд знаменитого османского путешественника Эвлии Челеби «Сейахат-наме»¹⁶. Во втором томе этого сочинения рассказывается о путешествии автора по Северной Анатолии (из Стамбула через Токат в Эрзурум). В третьем томе описывается путь Эвлии Челеби из Стамбула в Халеб и содержатся краткие замечания о тех или иных сообществах бекташи в Малой Азии. В четвертом томе приводятся краткие сведения об обителях бекташи в Малатье и Кайсери. В девятом томе описывается паломничество Челеби в Мекку и сообщается о ряде посещенных им завийе бекташи (в том числе об обители Абдала Мусы). Эвлиа Челеби интересовался могилами святых (*тюрбе*) и связанными с ними преданиями. Написанное им об обителях бекташи во многом основывается на личных впечатлениях. В то же время Эвлиа Челеби исходил из «примиренческой» позиции, стараясь заглушать отступления от шариата и восхваляя праведность и чистоту веры бекташи.

В османских описях вакуфных владений, которые составлялись с конца XV в., к сожалению, не указывалось, какому братству принадлежит каждая конкретная обитель¹⁷. Большинство обитателей бекташи, су-

ществовавших в последующие века, отмечаются и в описях XVI в., но при этом неясно, относились ли они в эту эпоху к тарикату бекташи. В более позднее время (с конца XVII в.) количество исторических документов, связанных с текке бекташи, увеличивается за счет *бератов* и переписки, связанной с получением этих самых бератов. Однако установить источники доходов обитателей по этим документам, как правило, не представляется возможным. Сохранились и финансовые отчеты (*мухасебе дефтерлери*) XVI–XVII вв., относящиеся, правда, только к двум обителям бекташи, которые находились, вероятно, под весьма строгим надзором властей – текке Сейида Гази в окрестностях Эскишехира и текке Постинпуша Баба в Бурсе¹⁸. Из этих расчетов можно извлечь любопытные сведения об устройстве жизни в данных обителях: о наличии в них рабов; о раздаче и получении подарков в счет вакфа (причем подарки и подношения частично продавались, а вырученные суммы также вносились в отчеты вакфов)¹⁹.

В 1826 г. при закрытии по приказу Махмуда II обитателей бекташи были составлены описи их имущества (*айнийат дефтерлери*). К ним позднее также были приложены документы о продаже или аренде недвижимости обитателей. Однако не все из этих описей («тетрадей») дошли до нашего времени. Имущество обители Хаджи Бекташа не подверглось конфискации и, следовательно, не могло быть отражено в этих описях, как и имущество текке, отделившихся от братства бекташи или переданных другим тарикатам.

Сведения архивных источников менее противоречивы, чем рассказы из жизнеописаний суфиев, в силу самого характера этой документации. Они дают хотя и ограниченную, но все же реальную возможность проследить связи братства бекташи с его окружением в рамках османской общественной системы. Условия существования насельников обитателей и их хозяйственные методы изучены все еще недостаточно полно. Вместе с тем, уже стало ясным, что обители бекташи существовали благодаря поддержке государства и потому вынуждены были мириться с требованиями и поже-

ланиями османских властей в том, что касается организации тариката.

Если на рубеже XV–XVI вв., ко времени становления «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели», основного свода бекташских легенд об основателе братства, лишь три обители на имя Бекташа (Пир-Эви, обитель Бекташа в Ылгыне и небольшая завийе в Аксарае) могут считаться безусловно принадлежащими бекташи²⁰, то ко времени Эвлии Челеби число этих «прибежищ духа» поразительно возрастает. Правда, во второй половине XVI в., по данным *мохимме дефтерлери*, хранящихся в османском Архиве премьер-министра (Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi), существовало еще несколько текке, насельники которых могли быть с большой долей вероятности отнесены к бекташи: обитель Шаха Вели в Акдаге, область Бозок (запись от 983 г. хиджры / 1575–76 г.)²¹ и упоминающаяся несколько позднее (ок. 1615 г.) текке Муррад Деде в местечке Кепсуд *вилайета Худавендигар* (на северо-западе Малой Азии)²². Кроме того, говорится о сообществах (*джемаат*) бекташи, проживавших в окрестностях Балыкесиры²³, Аданы («абдалан-и Хаджи Бекташ») и, возможно, Анкары²⁴. В ряде случаев (как это было в Адане) речь могла идти о наследственных группах, получавших милостыню (*садака*) от местного населения, не плативших или почти не плативших податей и не признававших зависимости (*райьет*) от какого-либо феодала²⁵.

В то же время Эвлиа Челеби довольно часто писал, что тот или иной суфий (*вели*) был из числа *халифе* (заместителей) Хаджи Бекташа, хотя он не упоминал ни об одном из тех сообществ бекташи (кроме центральной обители), которые отмечены в документах XVI в. Создается впечатление, что эти сообщества вообще были не очень долговечными и распались вскоре после смерти своего *пура* («старца», главного наставника). Описание обителей бекташи у Эвлии Челеби не лишено литературных штампов – повторяются одни и те же устойчивые компоненты (клише). Так, встречать путешественника выходят мюриды святого-вели с «босыми ногами и непокрытой [бритой] головой» (*йалын айак баши*

кабак); перед могилой святого, расположенной под высоким куполом, днем и ночью горят светильники и приносятся подношения (*назр*); кухня обители и днем и ночью полна посетителей, получающих свою чашку «супа баба» (*баба чорбасы*).

Эвлиа Челеби приводит 44 названия текке бекташи на территории Малой Азии. Этот список был проанализирован в свое время С. Фароки, которая в принципе доверяет автору «Сейхат-наме», поскольку его сведения находят частичное подтверждение в других источниках той же эпохи²⁶. Так, Эвлиа Челеби писал, что в Халебе имеется обитель Хаджи Байрама Деде, которую он относил к числу текке бекташи. В *мохимме дефтерлери* имеется документ, подтверждающий то, что дервиши данной обители действительно «выглядели как бекташи, но на самом деле являлись уличными *рафизитами*», в связи с чем указ от 1025 г.х. / 1616 г. требовал выслать их и поселить на их место дервишей братства халватийа во главе с неким Хаджи Хусейном²⁷. Мы знаем также, что одна из рукописей «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» была переписана в Халебе в обители Байрама Баба примерно в то же самое время, что подтверждает давнюю связь этой обители с братством бекташи. С другой стороны, Эвлиа Челеби жалуется, что многие текке бекташи в его время были превращены в медресе. Это было связано, вероятно, с всплеском антисуфийских настроений в правление везиров из дома Кёпрюлю. Иногда трудно понять, идет ли речь у Эвлии Челеби о большой обители или о скромном *мазаре*. Эвлиа Челеби, случается, говорит о принадлежности того или иного «святого места» бекташи, а другие источники хором утверждают совсем другое (как в случае с текке Хусейна Гази под Анкарой, которое большинство источников относит к тарикату *байрамийа*, а не бекташи²⁸). От многих обителей, о которых сообщал Эвлиа Челеби, не осталось вообще никаких следов. Это касается, например, двух обителей и *календер-хане* (дома странствующих дервишей) в Кайсери, где впоследствии тарикат бекташи не удержался. В Токате Эвлиа упоминает не менее шести «святых мест» бекташи, из которых в других источ-

никах встречаются данные только о двух – Сюнбюллю Баба и Ачикбаш Хызырлык²⁹. Ничего не известно и о текке Ал-и аба («Семейства Пророка») в Кютахье. На плато Боздаг близ города Бирги в Западной Анатолии Эвлийа Челеби «обнаружил» две обители бекташи – Эренлер и Баба Султан, о которых другие источники молчат. Это не означает, тем не менее, что сведения, приводимые путешественником, ложны. Возможно, подобные обители когда-то действительно существовали, но потом были забыты и заброшены. Более поздние документы подтверждают существование указанных Эвлией Челеби обителей Абдала Мурада, Абдала Мусы и Рамазана Баба в Бурсе; Койун Баба – в Османджике; Бехлула Самарканди возле Шебинкарахисара; Пири Баба – в Мерзифоне; Кочу Баба – в Кырыккале; Сейида Гази и Хаджи Баба – в Демирджи и Абдала Мусы – в Эльмалы.

Из рассказов Эвлии Челеби можно сделать вывод о том, что обители бекташи во второй половине XVII в. располагались наиболее «густо» в бассейнах больших рек Малой Азии (Кызыл-Ырмак, Гедиз, Мендерес) и в районе Бурсы и Токата – то есть городов, лежащих на важнейшем караванном пути из Азии в Европу. Кроме того, не слишком надежные сообщения Эвлии Челеби говорят о наличии обителей бекташи вдоль всего южного побережья Малой Азии – от Родоса (Мурад Реис) до Халеба (Хаджи Байрам). Не отмечалось у Эвлии ни одной обители бекташи на побережье Черного моря (и впоследствии в этом районе тарикат бекташи не получил особого распространения). Эвлийа Челеби не нашел обителей бекташи и в южных областях Ментеше и Караман (может быть, они просто не встретились ему на пути).

Более поздние сведения о распространении братства бекташи (XVIII в.) базируются, в основном, на сохранившихся грамотах-бератах, которые возобновлялись каждым новым султаном. В этих документах, дошедших до нас далеко не в полном объеме, упоминаются 13 обителей бекташи на восточном берегу р. Кызыл-Ырмак, включая и главную обитель Пир-Эви. В Западной Анатолии и в районе озер в области Хамид число обителей значительно возрос-

ло по сравнению с теми, которые посещал Эвлийа Челеби. Особенно много текке бекташи было в Манисе и в ее окрестностях (всего 11). По-прежнему крупным центром бекташи оставалась Бурса. Между тем, на юго-западе Анатолии, в области Ментеше, и на северо-западе, в районе хребта Кёроглу, ни одной текке бекташи зафиксировано и в эту эпоху не было.

Сведения документальных источников, разумеется, более надежны по сравнению с личными заметками одного человека (Эвлии Челеби), пусть даже и весьма осведомленного в делах Османской империи. Однако на деле выдача государственного патента на занятие должности шейха не всегда означала, что в реальности у этого шейха имелась обитель. Проверка при Махмуде II подтвердила, что хотя некоторые усыпальницы-тюрбе совсем не имели или почти не имели вакфов, тем не менее их смотрители титуловались шейхами. В бератах обычно не указывались ни размеры обителей, ни количество дервишей. К тому же шейхи в отдаленных и труднодоступных районах могли, по всей видимости, обходиться и без посылки бумаг в Стамбул для подтверждения своих полномочий. В бератах записывали (если вообще записывали) не реальное количество имущества, имевшегося в вакфе, а то, которое было «традиционно» зафиксировано в финансовых описях XVI в., без всяких изменений. Единственные более или менее реальные сведения о вакфах мы можем получить только из протоколов конфискации, составленных в правление Махмуда II³⁰. Сохранился список 1826 г. из более чем ста анатолийских текке бекташи³¹. Имеется и другой список, в который были включены обители числом 20, ошибочно записанные как бекташийские³². Как видно, началось отступление от принципов бекташизма, и обитатели многих текке стремились обелить себя и стали отрицать свою причастность к «крамольному» тарикату. С. Фароки включила в составленную ею таблицу 150 обителей бекташи эпохи Махмуда II (добавив туда еще 30 обителей, указанных в других источниках – в айинийат дефтерлери)³³. Однако и эта цифра не охватывает все обители бекташи в Анатолии, так как Хаслук в своем

труде перечисляет еще 20 обителей бекташи, не зафиксированных в османских описях (или сведения о них пока оттуда не извлечены). Общее количество обителей бекташи в Анатолии в XIX в. оказывается, таким образом, весьма внушительным (около 170).

Из числа текке, указанных в основном списке, 23 были на деле простыми гробницами, еще шесть – полностью разрушенными, а шесть других вообще «потерялись», и никто о них не мог ничего сообщить. Еще семь текке были слишком малы или вообще не имели вакфов, а в двух не было никаких настоятелей (*постнишин*)³⁴.

Сколько же всего обителей бекташи считывалось в Анатолии? Эвлиа Челеби полагал, что в его время их было не менее 700, однако, скорее всего, мы имеем дело с явным преувеличением благочестивого поклонника суфиев.

В перечне Эвлии Челеби упоминаются как минимум 13 текке, которые известны по более ранним описям XVI в. (хотя принадлежность текке в этих описях не указывалась). Из тех 65 текке, которые были выявлены С. Фароки для XVIII – начала XIX вв., в османских описях XVI в. встречаются названия сорока пяти обителей. Наконец, из 150 текке, входящих в список 1826 г., не менее 55 знакомы нам и по средневековым описям³⁵.

В «Вилайет-наме-и Хаджи Бекташ-и Вели» перечисляются текке, основанные халифе Хаджи Бекташа, но в последующее время названия этих обителей (кроме текке Хаджима Султана в Ушаке и Пира Эби Султана в Конье) упоминаются вне связи с братством бекташи. С. Фароки, исследовав все перечни обителей бекташи, приходит к выводу, что «сеть» обителей этого братства в Анатолии складывалась постепенно в 1450–1650 гг.³⁶

Согласно имеющимся османским описям XVI в., в бассейне рек Кызыл-Ырмака и Йешиль-Ырмака находилось немалое количество городов и городков среднего размера (с населением от 1500 до 4000 жителей). Много городов располагалось и в других речных долинах Малой Азии. Бурса и Кайсери были крупнейшими городами Анатолии, и там, согласно Эвлие Челеби, име-

лись крупные общины бекташи. Плодородные долины Гедиза и Малого Мендереса привлекали и земледельческое население, и дервишей, как в этом убедился Эвлиа Челеби во время своей поездки по тем местам. Много было горожан и в области озер (Карахисар-и Сахиб, Акшехир, Эгридир, Бурдур и др.). В Конье установлению влияния бекташи препятствовало всеильное там братство Джелал эд-Дина Руми – *мевлевийа*, в Анкаре – братство Хаджи Байрама Вели – *байрамийа*, в причерноморских районах – братство Ша`бана Вели – *ша`банийа*. В ряде районов препятствием могло стать и наличие сплоченных христианских сообществ (Кайсери и Каппадокия, возможно, также Ментеше и побережье Эгейского моря).

Расцвет братства бекташи и выход его в XVI в. в число ведущих двигателей общественной жизни Османской империи можно сопоставить со взлетом градостроительства в Малой Азии и распространением образа жизни горожан (в противовес крестьянам, шиитски настроенным и склонным к тайным собраниям «без посторонних»). Конечно, неполнота источников не позволяет говорить о безусловной убедительности такого довода. Немного дает исследователю и сопоставление географического распространения духовных училищ – медресе – в Османской империи XVI в. и распределения текке бекташи, согласно данным тех же описей и документов более позднего времени³⁷. Медресе строились весьма «интенсивно» в причерноморском районе, где бекташи никогда не имели особого влияния; но довольно много их было и в западных областях Анатолии, где бекташи были как раз представлены очень обильно. Предположительно, в случаях «совместного обитания» с улемами-богословами бекташи стремились отнести свои обители подальше от городских стен, чтобы выйти из-под их контроля (а не только для того, чтобы заниматься сельскохозяйственной деятельностью).

Отношения бекташи и кызылбашей в XVI в. могут быть прослежены при нанесении на карту географического расположения выступлений кызылбашей или «мест разоблачения» их тайных союзов³⁸. Основ-

ной очаг их деятельности находился в бассейне реки Кызыл-Ырмак, там, где влияние бекташи исторически всегда преобладало. Кызылбаши встречались и на западе (в районе между Сейидгази и Денизли), вблизи Чанкыры, а также в значительном количестве – в восточных провинциях (Диярбакыр, Малатья, Элязыг). Присутствовали они и в горных районах на юге Малой Азии – от Акасарая до Ларенде, а также в окрестностях Аданы, где проживали полукочевые племена («татары», «туркмены»). Нельзя сказать, что за пределами основного очага бекташизма в бассейне Кызыл-Ырмака сферы влияния бекташи и кызылбашей где-либо заметно пересекались, хотя и здесь недостаток сведений мешает прийти к каким-либо категоричным выводам. В любом случае ясно, что текке бекташи не служили аванпостами для продвижения кызылбашей в глубь Османской империи. Представители двух течений могли взаимодействовать друг с другом и даже воссоставить сообща, как это было в Центральной Анатолии, но опорой кызылбашей в XVI в. продолжали оставаться кочевые и полукочевые тюркские племена, в то время как бекташи явно сделали шаг навстречу городской цивилизации. Средой, благотворной для сектантских взглядов, оставались крестьяне анатолийских деревень, иногда также и ремесленники-горожане.

В фирманах, опубликованных Ахмедом Рефиком и предписывавших преследовать кызылбашей, чаще всего речь идет о каких-то отдельных дервишах или даже целых обителях, обвиняемых в *рафизитстве* (расколе, отступничестве)³⁹. В одном случае в мюхимме дефтери говорится о текке *хайдарийа* в Стамбуле (обвинение не подтвердилось)⁴⁰; в другом случае – о выдаче шейхом из братства *халватийа* укrywшихся у него в обители крестьян-еретиков⁴¹; в третьем случае – о текке рафизитов Дедиги Деде в Доганхисаре (которая потом стала бекташийской)⁴². Обвинения в ереси (особенно в отношении отдельных лиц) чаще всего выдвигались за участие в ночных собраниях, в которых мужчины и женщины совместно распевали некие духовные гимны и исполняли ритуальные танцы. Излишнее рвение и погружение в экстаз во время

суфийских собраний также могли стать в ту эпоху всеобщего противостояния поводом для доноса (дервиши Чавдар Шейха в Карджашехире)⁴³.

Историю некоторых «рафизитских» (бекташийских) сообществ можно проследить на протяжении длительного периода (с конца XVI до начала XIX в.), как в случае с дервишами некоего Эфендибегоглу вблизи Бурдура (там, где в XVI в. обитало гонимое сообщество, возглавляемое, кстати, высокородным семейством *сипахи* Эфендибегоглу, впоследствии возникла *завийе*, которую грамоты начала XIX в. относят к братству бекташи)⁴⁴.

Кызылбаши (или, по крайней мере, многие из них) считали обитель Хаджи Бекташа сакральным центром, но в документах XVI в., относящихся к делам еретиков, название «бекташи» никогда не употребляется. Возможно, во время гонений обитель Хаджи Бекташа на какое-то время была даже закрыта властями, но на судьбу самого братства в Османской империи это не оказало никакого влияния. Наоборот, близилось время необычайного расцвета суфийской идеологии и укрепления позиций тарикатов и, не в последнюю очередь, бекташи. Уже в 985 г.х./1577–1578 г. *санджакбей* Кыршехира в своем донесении сообщал, что в подвластной ему области нет никого, замеченного в связях с шиитским Ираном (а обитель Хаджи Бекташа находилась как раз в его санджаке)⁴⁵. Каким же образом тарикат бекташи мог в таких условиях «пропитаться» идеями «рафизитов»? Ко времени Эвлии Челеби, видимо, наступило относительное примирение и затишье, хотя нападки со стороны наиболее рьяных богословов (противников ритуальных танцев, курения и пьянства) продолжались. Государство, как представляется, перестало поддерживать обвинения в отступничестве от веры, так как политическая обстановка на восточных границах более или менее стабилизировалась и внутренние связи отдельных областей империи укрепились, о чем говорит и сам факт длительных путешествий Эвлии Челеби. В прежние времена наиболее расхожими порочающими мотивами были: завоз из Ирана книг и дервишеских символов (но сам-то Хаджи Бекташ

прибыл из Нишапура, по легенде, вместе с регалиями шиитских имамов); неучастие в пятничном намазе (но, согласно «Вилайет-наме», Хаджи Бекташ тоже не участвовал в общем намазе); отправление обрядов, в которых мужчины и женщины совместно принимали участие в танцах (*девири*); проклятия в адрес трех первых праведных халифов (которых «Вилайет-наме» вообще не упоминает, так как там проводится мысль о том, что у пророка Мухаммеда не было другого наследника, кроме имама Али). Столкновения с еретиками в XVI в. часто принимали кровопролитный характер; многие из рафизитов считались разбойниками (*эшикийя*), и, по крайней мере, имели оружие⁴⁶.

В середине XVII в. ситуация изменилась очень заметно: сверху были предприняты некоторые серьезные шаги для укрепления тариката бекташи и предоставления права контроля над текке бекташи шейхам главной обители в Хаджибекташе. Видимо, в этот период начинается (или продолжается) переход обителей других братств и сообществ дервишей под патронат бекташи, что и создало в умах исследователей картину внезапного усиления этого братства к началу XVIII в. Этот расцвет, как уже говорилось, в экономическом и культурном плане можно связать с «урбанизацией» братства бекташи.

Суфийские обители в Османской империи, в основном, сами обеспечивали себя всем необходимым, хотя они не отказывались и от даров как со стороны частных лиц, так и со стороны падишаха. Шейхи и дервиши были втянуты в разнообразную деловую активность. Согласно тахрир дефтерлеры, насельники обителей давали деньги займы крестьянам под проценты, сдавали в аренду помещения в городах, получали доходы с обрабатываемой земли. Поскольку в описях наличествуют данные о многих обителях суфиев, это делает возможным сопоставительный анализ материального благосостояния отдельных обителей. Известно, что дача денег займы под проценты (несмотря на формальный запрет шариата) широко практиковалась в Османской империи уже в XVII в. (в том числе и суфиями)⁴⁷.

Более детальные годовые отчеты по конкретным обителям составлялись только в том случае, если этого требовало правительство. Текке бекташи старались «держаться в тени» и не поддерживали особо тесных контактов со Стамбулом (в противоположность обителям мевлеви).

Можно сказать, что текке бекташи сумели наладить земледельческое производство, сопоставимое с хозяйствами османских землевладельцев (*айанов*)⁴⁸. В плодородных областях бекташи старались организовывать крупные хозяйства (*чифтлик*), в то время как в менее благоприятных для земледелия районах они предпочитали получать часть налоговых сборов с крестьян («десятину» – *ошюр*). Однако недостаток данных не позволяет с уверенностью говорить, что дело обстояло именно так.

По-видимому, бекташи в провинциях не опирались, в отличие от настоящих айанов, на вооруженные отряды (*чете*) и не имели в своем распоряжении никакого сильного «кулака», кроме янычарских подразделений⁴⁹.

Поскольку документальные материалы относятся по большей части к процессу закрытия обителей, в них трудно разыскать какие-либо сведения о том, как протекала внутренняя жизнь этих обителей в тот период, когда они еще действовали, и о взаимоотношениях разных текке между собой. В этом плане не слишком много дают и официальные документы более ранних эпох – описи тахрир и грамоты *вакфийе*. В судебных записях (*ахкям дефтерлеры*), в которых разбираются споры между владельцами земли и между плательщиками налогов, также иногда затрагивается и проблема собственности текке бекташи. Мишенью для жалоб и разбирательств становились, как правило, главы завийе (*завийе-дар*). Считалось, что должность эта дается пожизненно, однако многое зависело и от поведения самого настоятеля, от его управленческих способностей и влияния среди «паствы». В наследственных вакфах семейство распорядителя вакфа (мутевелли) часто не имело отношения к завийе и проживало иногда в отдалении от обители. Если такие случаи встречались, они оценивались общественным мнением отрицательно (как

желание поживиться доходами обители при отказе исполнять службу в ней).

Шейх часто был потомком основателя обители, что было засвидетельствовано в особом родословии (*шеджер*). Впрочем, в этих генеалогиях присутствовало немало путаницы. Даже для главной обители бекташи последовательность правления шейхов можно документально установить только с середины XVII в. Наследственность руководства текке приводила к многочисленным спорам, ссорам и тяжбам, нашедшим отражение в официальных документах и в судебных исках. Простые же дервиши, не принадлежавшие к «святому семейству» основателя-пира, если и обладали какими-то правами на часть доходов вакфа, то в документах эти права никак не оговаривались. Известно, что, скажем, в обители Сейида Гази в XVII в. дервиши получали одеяние (*хырка*) и обувь (*набуч*) из казны обители. Имущество дервишей, умерших в текке, отходило к обители, однако при этом требовалось согласие падишаха. Дервиши могли пожаловаться османской администрации на то, что шейх не выделяет им достаточного содержания, что могло, теоретически, повлечь для шейха неприятные последствия. Напомним, что дервиши были, в большинстве своем, освобождены от уплаты всех налогов, образуя своего рода привилегированное сословие. Эти льготы распространялись обычно не только на обитателей текке, но и на связанное с обителью сельское население. Это объяснялось тем, что вся жизнь этого населения определялась его отношениями с суфийской обителью, на землях которой оно обычно и трудилось. Большие обители обладали властью над целыми уделами и могли не пускать туда государственных сборщиков налогов (*тахильдар*)⁵⁰. Им перепали также и деньги от штрафов, налагаемых на местных жителей, но судебной властью эти обители не наделялись.

Вакфы должны были устраивать бесплатную раздачу пищи (*итам-и та'ам*) для дервишей и путников. Данные о существовании специального «дома для гостей» (*михман эви*) для обители Хаджи Бекташа зафиксированы во второй половине XVI в.⁵¹ Ремонт зданий обители осуществлялся

также за счет вакфа, причем на это требовалось разрешение властей, которые следили, чтобы деньги не «уплывали» неизвестно куда⁵². Многие настоятели значительную часть своего времени проводили в поездках по деревням, чье население по традиции считалось их подопечными, собирая подарки и проводя религиозные церемонии (*айин*). Они хотели общаться с сельским населением напрямую, не прибегая к услугам посредников (сборщиков податей). Однако и эта практика вызывала множество нареканий.

Об иерархии среди дервишей-бекташи больше всего сведений сохранилось в литературных источниках (в официальных документах должности дервишей упоминаются очень редко). Даже о главе «безбрачных» (*мюджерред*) дервишей обители Хаджи Бекташа – дедебаба – определенных данных в документальных источниках почти нет. Что касается ближайшего окружения обителей бекташи, то оно состояло из так называемых «поклонников» (*мухибан*), которые и проживали вокруг обителей, образуя целые селения⁵³. В документе XVIII в. шейх обители Хаджи Бекташа жалуется на бегство крестьян и просит центральной власти изловить их и водворить на место⁵⁴.

Османское правительство поддерживало контроль над завийе и текке как с помощью ведомства шейх-уль-ислама (формально утверждавшего настоятелей в должности, но фактически не вмешивавшегося в их дела), так и с помощью ведомства *дар ассаде* (которое занималось вакфами представителей царствующей династии). Правительство нередко выплачивало обителям из местных отделений казны «подарки» в виде денег и риса, пытаясь привязать к себе покрепче «святые семейства» пиров. Однако эти выплаты были не столь значительны⁵⁵.

Общественная роль обителей бекташи, как и других тарикатов, состояла не только в поддержании порядка и в оказании гостеприимства путникам, но и в налаживании взаимоотношений с окрестным населением и, в особенности, в установлении мирных и добрососедских отношений между оседлыми и кочевниками. Общие обряды сплачивали сельских жителей, заставляли их за-

быть о существующих распрях. Насельники текке должны были следить за настроениями в народе и не выпускать их из-под контроля, утихомиривать вражду и улаживать социальные конфликты.

Сверху предпринимались попытки включить отдельные завийе и текке в некую упорядоченную систему. Результатом этой политики властей стало вхождение в братство бекташи многих сообществ маргинальных дервишей, известных под названием Абдалан-и Рум. Так, в XVI в., судя по описаниям поэта Вахиди в его книге «Хаджи-йе джихан ве нетидже-йи джан», абдалы Рума ходили по улицам в полуголом виде, играя на музыкальных инструментах и издавая громкие возгласы. Они носили с собой огромные черпаки, чтобы в случае приглашения на обед зачерпнуть ими побольше пищи. Они признавали своим центром обитель Сейида Гази, своим пиром – Османа (Отмана?) Баба, возглавлял же абдалов некий Курбан Баба, ученик Урьяна Баба. В те времена абдалы еще заметно отличались от собственно бекташи и никоим образом не подчинялись им. Бекташи, по словам Вахиди, носили белый войлочный колпак с двенадцатью клиньями и застежки из особого камня, который они называли «камнем Сейида Гази». Вахиди рассказывал о взаимоотношениях бекташи и с другим маргинальным сообществом – «людьми Хаджи-йи-джихан», пришедшими из Ирана и считавшими себя потомками Сасанидов (видимо, наследниками идеалов сасанидской культуры)⁵⁶. При чтении сочинения Вахиди создается впечатление, что в XVI в. в дервишеских кругах все еще господствовало полное свободомыслие и бекташи отнюдь не ставили себя выше всех указанных групп странствующих дервишей.

Документы XVII в. дают совсем другую картину. Настоятель центральной обители бекташи Шейх Юсуф, как потомок Хаджи Бекташа Вели, получил право рекомендовать османским властям к назначению шейхов, относящихся к его ведению текке (запись от 1057 г.х./1641 г.). Уверенный тон записи свидетельствует о том, что по этому вопросу ранее, скорее всего, был издан султанский фирман. Но о практическом при-

менении этого права (и то с оговорками) мы знаем только из документов второй половины того же столетия (спор о должности шейха в обители Абдала Мусы в 1079/1668–69 г., когда Шейху Юсуфу удалось посадить там своего ставленника, которого его противники называли *ышыком* и обвиняли в ереси). Заставить считаться со своим решением настоятель главной обители мог только при поддержке центрального правительства. К тому же право на власть в обители Хаджи Бекташа принадлежало сразу двум конкурирующим инстанциям – челеби и дедебаба, и у османских властей, вероятно, возникало немало сомнений по поводу того, кого из них считать подлинным главой братства бекташи.

Вместе с тем уже с XV в. устанавливается традиционная связь между бекташи и янычарским корпусом. Разумеется, янычары общались не только с дервишами-бекташи, но и с представителями других братств⁵⁷, и мы не знаем, кто больше стремился пойти навстречу другому – бекташи или янычары. Похоже, что связь между ними возникла сама собой, не по приказу сверху, хотя такие инициативы со стороны султанской власти могли поощряться, как о том сообщали первые османские историки. Но странно, что только в столицах, таких, как Стамбул и Каир, связи между бекташи и янычарами были по-настоящему тесными. О провинциальных обителях бекташи этого утверждать нельзя. Отношения между бекташи и янычарами в документах отражены слабо. В XVI в. янычары участвовали в ритуальных церемониях, ежегодно устраиваемых в обители Сейида Гази⁵⁸. Видимо, благодаря янычарской поддержке, дервиши этой обители могли в течение длительного времени вести себя достаточно вызывающе по отношению к центральным властям. Имелись случаи назначения отставного янычара на должность настоятеля (текке Рамазана Баба в Бурсе, 1730-е годы). Возможно, в Анатолии сами янычары чувствовали себя далеко не столь уверенно, как на Балканах, и не могли себе позволить командовать, как им заблагорассудится.

Простые люди приходили в обители бекташи, в основном, для того, чтобы поклониться гробницам святых-эвлия и по-

лучить чудесное исцеление от болезней и другую помощь, которую могла дать благодать святого-вели. Надгробия покрывались драгоценными тканями, расшитыми золотом (*пушиде*), в помещениях гробниц устанавливались серебряные канделябры, иногда даже двери их были целиком вылиты из серебра (как в тюрбе Хаджи Бекташа Вели), помещались курильницы с благовониями, вешались хрустальные люстры (*авизе*). Над могилами святых водружались знамена с золотыми навершиями. Полы устилались дорогими коврами. Помещение кухни в обители всегда выделялось некой торжественностью обстановки, что объяснялось изначальным предназначением текке и завийе в качестве средоточия благотворительности и тем, что на кухне проводилось одновременно обучение новых дервишей.

Народные формы поклонения, процветавшие вокруг тюрбе святых-эвлия, не препятствовали, конечно, более глубоким духовным практикам насельников обителей. Трудно сказать, сколько было грамотных дервишей в каждой из них и какое количество книг содержалось в библиотеках текке. Известно, что в обители Абдала Мусы хранилось в начале XIX в. около 150 томов. Из перечня книг видно, что дервиши испытывали интерес к классической литературе, и по крайней мере некоторые из них должны были хорошо знать персидский язык. Едва ли они могли поддерживать прямые связи с Ираном, скорее всего, это были знания «книжные», унаследованные по традиции, может быть, со времен самого Абдала Мусы (XIV в.).

Подводя итоги, следует отметить, что братство бекташи, начиная с эпохи шейха Балым Султана (начало XVI в.), переживало существенную внутреннюю трансформацию, которая привела к изменению характера прежде существовавших связей между духовными руководителями этого братства и различными сельскими и городскими сообществами, «неформальным» образом признававшими высокий духовный авторитет Хаджи Бекташа Вели. Если в ранний период, когда братство только складывалось (XIV–XV вв.), оно не привлекало к себе особого внимания осман-

ских властей, занятых великой задачей завоевания Юго-Восточной Европы, то впоследствии усиление мятежных шиитских настроений в Анатолии заставило султанов искать некоего посредника в отношениях с местным непокорным населением. Однако учение бекташи было в какой-то степени «обоюдоострым мечом», одно острие которого было направлено против врагов, а другое – против самой Османской династии и созданной ею бюрократической системы. Конечно, османские воины никого не загоняли насильно в тарикат бекташи. Но в условиях гонений сами «еретики» вынуждены были искать для себя какое-то прибежище, некую «спасительную гавань». Вместе с притоком этих «новообращенных» в братстве должны были усиливаться еретические настроения и шиитская ориентация. Таким образом, мы получили, с одной стороны, неожиданный взлет братства бекташи в XVII в., когда в Анатолии у него появляются вдруг десятки (по мнению Эвлия Челеби, даже сотни) обителей, прежде самостоятельных; с другой же стороны – подспудное, скрытое от внешнего наблюдателя накопление таких черт, которые все более отдаляли бекташи от ортодоксального суннитского вероисповедания и подготавливали почву для негативного восприятия этого братства в позднеосманском обществе.

После периода «перестройки» братства бекташи, завершившегося к 1650-м годам, начинается эпоха стабилизации, когда заметно усиливается роль центральной обители Пир-Эви, но одновременно внутри самой этой обители продолжается борьба между двумя ветвями, на которые распадается братство, – *бабаган* и *челебилер*. Самостоятельность шейхов отдельных текке была ограничена, и контроль над их деятельностью частично возложен на шейхов главной обители в Хаджибекташе. Братство все более стало представлять собой социальную структуру, вписывавшуюся в бюрократическую систему империи, хотя и сохранявшую, благодаря своим «статусным» связям с корпусом янычар и с вождями полукочевых племен, поле для маневра и известную долю самоуправления. Об отношениях бекташи с сельским населением

можно судить только по косвенным данным и по традиционным преданиям, так как документальный материал почти не касается этого аспекта. Можно сказать, что эти отношения далеко не всегда строились на взаимном доверии и взаимопонимании, что и послужило почвой для все углубляющегося раскола на два течения и привело к ряду внутренних столкновений, которые иногда даже завершались убийствами шейхов⁵⁹.

Тарикат бекташи был распространен почти исключительно в центральных землях Османского государства – Румелии и Анатолии, составлявших ядро империи. Культурным «полюсом» этой территории был г. Стамбул. Географическое распределение обитателей бекташи показывает, что они обслуживали духовные нужды именно этого региона, образовавшего во многих отношениях единое целое, и имели очень слабое влияние в окраинных землях (хотя в Алжире, Тунисе и Триполи существовали в XVII–XIX вв. янычарские «республики», мы сталкиваемся с полным отсутствием там обитателей бекташи, которые, следовательно, совсем не стремились расширить географические рамки проповеди своего учения и закрепиться даже в таких, благоприятных для них, условиях).

Экономика бекташи базировалась на сельскохозяйственном производстве. В городах у них не было серьезной собственности, и они не оказывали заметного влияния на рынок. Обитатели владели разбросанными участками земли и садами, причем хозяйство было весьма хорошо налаженным. Земледелие было намного важнее скотоводства (которым занимались больше в целях «престижа» – например, чтобы иметь возможность дарить породистых лошадей покровителям братства). Наиболее «товарной» культурой являлась пшеница (фрукты и овощи выращивались, в основном, для внутреннего потребления)⁶⁰. Большая часть выручаемых денег расходовалась на нужды многочисленных обитателей текке, а также на прием гостей и на «странствующих, путешествующих» (*айенде ревенде*). Можно предположить, что дервиши вели достаточно скромный образ жизни, а некоторые небольшие завийе вообще не имели других

источников доходов, кроме добровольных подношений.

В культурном плане обитатели бекташи (особенно расположенные в сельской местности) играли выдающуюся роль в приобщении местного населения к ценностям османской (а также и иранской) цивилизации. На примере обитатели Абдала Мусы, в которой сохранился список книг, обнаруженных в момент конфискации, можно судить о культурных запросах дервишей-бекташи и о том, что они, несомненно, распространяли свои знания среди окружающего их сельского населения. Вероятно, все обитатели, расположенные в сельской местности, служили своего рода «мостом» между городской культурой и народными представлениями их «паствы». В этом деле бекташи намного опережали других дервишей, и поныне большинство народных певцов (*ашиков*) причисляет себя к сторонникам Хаджи Бекташа Вели. Человеколюбивые идеи бекташи до сих пор живут в народе, несмотря на смену поколений, режимов и культурной ориентации.

Примечания

¹ *Jacob G.* Beiträge zur Kenntnis des Derwischo-Ordens der Bektaschis. Berlin, 1908; Die Bektaschijer in ihrem Verhältnis zu verwandten Erscheinungen. Müñih, 1909.

² *Köprülü Fuad.* Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar. Ankara, 1976.

³ *Barkan, O.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda bir iskân ve kolonizasyon metodu olarak vakıflar ve temlikler, Vakıflar Dergisi, V (1942). S. 279–386.

⁴ *Beldiceanu-Steinherr I.* La Vita de Seyyid' Ali Sultan et la conquête de la Thrace par les Turcs // Proceedings of the Twenty-Seventh International Congress of the Orientalists. Ann Arbor Michigan, 13–19 August 1967. Wiesbaden, 1971. P. 275–276.

⁵ *Ocak A.Y.* Emirci Sultan ve zaviyesi // Tarih Enstitüsü Dergisi, 9 (1978). S. 129–208.

⁶ *Faroqhi S.* Das Bektaschi-Orden in Anatolien. Verlags Institut für Orientalistik der Universität Wien, VII. Wien, 1981.

⁷ *Gölpınarlı A., Boratav P.N.* Pir Sultan Abdal, Ankara, 1943; *Gölpınarlı A.* Kaygusuz Abdal, Hatayi, Kul Himmet, Hayati, sanatı eserleri. İstanbul, 1953; Yunus Emre ve tasavvuf. İstanbul, 1961.

⁸ *Ocak A.Y.* Bektaşî menakıbnamelerinde İslâm öncesi inanç motifleri. İstanbul, 1983; Türk halk inançlarında ve edebiyatında evliya menkabeleri. Ankara,

1983; Osmanlı İmparatorluğunda marjinal Süfilik: Kalendariler (XIV–XVII, Yüzyıllar). Ankara, 1999.

⁹ Hasluk F.W. Christianity and Islam under the Sultans. V. I–II. Oxford, 1929.

¹⁰ Tanyu H. Ankara ve çevresinde adak ve adak yerleri. Ankara, 1967. S. 318–321.

¹¹ Melikoff I. Uyuridik uyardılar. Alevilik-Bektaşılık araştırmaları. İstanbul, 2006. *Она же*. Hadji Bektach. Un mythe et ses avatars. Genèse et evolution du soufisme populaire en Turquie. Leiden-Boston-Köln, 1998.

¹² Birge J.K. The Bektashi Order of dervishes. L., 1965 (2nd Ed.).

¹³ Noyan B. Bütün yönleriyle Betaşılık ve Alevilik. C. VI. İstanbul, Şahkulu Sultan Dergâhı, 1998.

¹⁴ Imber C.H. The persecution of the Ottoman Shi'ites according to the mühimme defterleri, 1565–1585 // Der Islam, 56/2 (1979). P. 245–273.

¹⁵ Faroqhi S. Anadolu'da Bektaşılık. İstanbul, 2003. S. 24–25.

¹⁶ Evliya Çelebi. Seyahatname. C. 1–10, İstanbul, 1896–1938.

¹⁷ Barkan Ö.L., Ayverdi, E.H. İstanbul vakıfları tahrir defteri. İstanbul, 1970. S. V–VI.

¹⁸ Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Cevdet Evkaf № 11951; Mühimme Defterleri. C. 41. S. 484; Topkapı Sarayı Arşivi. Defter 5822.

¹⁹ Faroqhi S. Seyyid Gazi as seen through sixteenth and early seventeenth century sources // Turcica (1981).

²⁰ Konyalı İ.H. Abideleri ve kitabelerile Niğde Aksaray tarihi. C. I. İstanbul, 1974. S. 546.

²¹ Başbakanlık Osmanlı Arşivi, BOA, Mühimme Defterleri. C. 27. S. 392.

²² Mühimme Defterleri (MD). C. 80. S. 453.

²³ Ibid. C. 73. S. 184.

²⁴ Faroqhi S. The tekke of Hacı Bektaş: Social position and economic activities. International Journal of Middle East Studies, 7 (1976). S. 183–208.

²⁵ Sümer F. Çukurova tarihine dair araştırmalar (Fetihten XVI. yüzyılın ikinci yarısına kadar)//Tarih Araştırmaları Dergisi, I/1 (1963). S. 1–112.

²⁶ Faroqhi S. Anadolu'da Bektaşılık. S. 197–200.

²⁷ Mühimme Defterleri. C. 81. S. 28.

²⁸ Tanyu H. Ankara ve çevresinde adak...S. 86–87.

²⁹ Tapu Tahrir. Defter № 387. S. 433–434.

³⁰ BOA, Maliyeden Müdevver. Defter № 9771, 9774, 9776, 9732, 9773, 9775.

³¹ Maliyeden Müdevver (MM). Defter № 9771. S. 94 и далее.

³² Ibid. S. 88.

³³ Faroqhi S. Anadolu'da Bektaşılık. S. 209–219.

³⁴ Maliyeden Müdevver. Defter № 9771. S. 94.

³⁵ Faroqhi S. Anadolu'da Bektaşılık. S. 61.

³⁶ Там же. С. 63.

³⁷ Kuran A. Anadolu medreseleri. Ankara, 1969; Sözen M. Anadolu medreseleri, Selçuklular ve beylikler devri. C. I–II. İstanbul, 1970–1972.

³⁸ Sohrweide H. Der Sieg der Safawiden in Persien und seine Rüwirkungen auf die Schiiten Anatoliens im 16. Jahrhundert // Der Islam, 41 (1965). S. 95–223.

³⁹ Ahmed Refik. On altıncı asırda Râfızilik ve Bektaşılık. İstanbul, 1932.

⁴⁰ MD. C. 55. S. 89.

⁴¹ Ibid. S. 34–35.

⁴² Ibid. C. 40. S. 224.

⁴³ Ibid. C. 52. S. 188.

⁴⁴ Ibid. C. 5. S. 287, 404; MM, № 9771. S. 86.

⁴⁵ MD. C. 31. S. 88.

⁴⁶ Ibid. C. 29. S. 209, 210, 217.

⁴⁷ Jennings R. Loans and credit in early 17th century Ottoman judicial records. The Sharia court of Anatolian Kayseri // Journal of the Economic and Social History of the Orient, XVI 2/3 (1973). P. 168–216.

⁴⁸ Cvetkova B. L'evolution du régime feudal turc de la fin du XVI-e jusqu'au milieu du XVIII-e siècle // Etudes historiques à l'occasion du XI-e Congrès international des sciences historiques. Stockholm, August 1960. Sofia, 1960. P. 171–206.

⁴⁹ Stoianovich T. Land tenure and related sectors in the Balkan economy, 1600–1800 // Journal of Economic History, XIII (1953). P. 398–411.

⁵⁰ Sözen M. Anadolu'medreseleri, Selçuklular ve Beylikler devri. İstanbul, 1970. S. 6–8.

⁵¹ MD. C. 6. S. 126.

⁵² См.: Gökçen İ. Manisa tarihinde vakıflar ve hayırlar, I (Hicri 954–1060). CHP Manisa Halkevi Yayınlarından XIX. İstanbul, 1950. S. 32.

⁵³ Faroqhi S. The tekke of Hacı Bektaş. S. 190–191.

⁵⁴ Cevdet Evkaf. № 11795.

⁵⁵ Faroqhi S. Anadolu'da Bektaşılık. S. 136.

⁵⁶ Vâhidi. Hâce-i Cihan ve Netice-i Can. Süleymaniye Kütüphanesi, Halet Efendi. Nr. 242. Лист 45а.

⁵⁷ Beldiceanu-Steinherr İ. Scheich Üftade, der Begründer des Gelvetiye Ordens. Münih, 1961. S. 57–68.

⁵⁸ MD. C. 74. S. 302.

⁵⁹ Melikoff İ. Le problème kızılbaş. S. 54 и далее.

⁶⁰ См.: Faroqhi S. Seyyid Gazi as seen through sixteenth and early seventeenth century sources. Turcica (1981).

И.Т. Мороз

КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ТУЛИШЭНЯ К КАЛМЫЦКОМУ ХАНУ АЮКЕ НА ВОЛГУ (1712–1715 гг.)

13 августа 1712 г. в Россию прибыло китайское посольство, проследовавшее по разрешению российского правительства в ставку российского подданного, калмыцкого хана Аюки, кочевавшего в низовьях Волги¹. Отправление посольства было связано с тем, что император Сюань Е после заключения Нерчинского договора 1689 г. и присоединения Халхи (1691 г.) начал готовиться к завоеванию Джунгарского ханства. С этой целью он решил начать переговоры с ханом Аюкой о создании антиджунгарской коалиции. Вскоре представился удобный случай для осуществления задуманного. Дело в том, что еще в 1698 г. двоюродный племянник хана Аюки тайджи (князь) Арабджур вместе с матерью и 500-ми своими подданными отправился через Джунгарию и Китай в Тибет. Официально поездка была предпринята с целью исполнения буддийских обрядов, приобретения книг и лекарств. Из Лхасы Арабджур поехал в Пекин, где, вероятно, по заданию хана Аюки, должен был выполнить ряд дипломатических поручений при китайском дворе. После гибели джунгарского хана Галдана-Бошукту, союзником которого была ламаистская верхушка в Лхасе, хану Аюке нужна была информация о планах нового джунгарского правителя Цэван-Рабдана, о ситуации в Лхасе и позиции китайского двора². После отъезда Арабджура из калмыцких улусов отношения между Цэван-Рабданом и ханом Аюкой, несмотря на родственные связи, испортились³. Поэтому, когда в 1703 г. Арабджур из Лхасы прибыл в Пекин, император Сюань Е, под предлогом опасности возвращения на родину через земли Цэван-Рабдана, задержал Арабджура в Китае⁴, превратив его, фактически, в заложника.

Хан Аюка, обеспокоенный долгим отсутствием Арабджура, отправил в Китай посланца Самтана Кулюкова для переговоров о возвращении своего родственника. Поскольку дорогой через Джунгарию вос-

пользоваться в связи с упомянутыми событиями было нельзя, хан Аюка в мае 1709 г. обратился к казанскому губернатору М.П. Апраксину с просьбой сообщить царю о намерении отправить в Китай через Тобольск своего посланца⁵, не уточняя его имени и цели посольства. Аюка писал: «В Китай чрез Тобольской посла посылаю. О том великому государю донеси. И с ним своего человека отпусти. И про то великому государю донеси ж и отповедь нам скоро дай. И тому послу туды и сюды дай провожатых»⁶. В том же году «по Его великого государя именному указу и по проезжей грамоте, какова дана из Казани и от казанского губернатора Петра Матвеевича Апраксина», в Китай через Сибирь были «пропущены» посланец Самтан Кулюков «с товарищи 20 человек», которых «для обережения» сопровождали Казанских полков унтер-офицер Матвей Суворцев, капрал, два рядовых драгуна и 14 калмыков (последние ехали только до Тобольска)⁷.

Император Сюань Е просьбу хана Аюки не выполнил. Вместо этого, воспользовавшись благоприятным моментом, он отправил к нему вместе с возвращающимся на родину Самтаном Кулюковым, под предлогом ответного, посольство, которому одновременно якобы было необходимо обсудить вопрос о получении разрешения у российского правительства на проезд Арабджура из Китая в калмыцкие улусы через территорию России.

В связи с отправлением посольства «богдыханова ближние люди» «призвали» в Посольский приказ находившегося тогда в Пекине главу русского торгового каравана П.Р. Худякова и сказали ему, «чтоб того посланца против мирных договоров принять и, дав корм и подводы, чрез сибирские города отпустить ко Аюке». Худяков написал об этом сибирскому губернатору М.П. Гагарину, уточнив, что из Китая отправляется посланец «из нарочных людей, чином выше

дьяка, и с ним семь человек начальных да 26 человек рядовых служилых людей», а с какой целью направляется к хану Аюке тот «китайской посланной», сообщал далее Худяков, о том достоверно узнать он не смог. Однако, по слухам, ему стало известно, что посольство едет, «чтоб подговорить Аюку, чтоб ему воевать с китайцами калмыцкого владельца, контайшу, которой кочует не в малом людстве близ Тобольска, и Тары, и Томска, и многих ближних сибирских городов»⁸.

15 мая 1712 г. по случаю отправления посольства к Аюке император Сюань Е издал указ. Это весьма любопытный документ. В первой его части речь идет о предстоящих переговорах китайских послов с ханом Аюкой. Им повелевалось сообщить калмыцкому правителю о том, что с Цэван-Рабданом ведутся переговоры относительно пропуска Арабджура на родину. «Когда придете к Аюке, – наставлял император своих послов, – то спросите его от меня о здоровье, и притом объявите ему, что посольство его, которое отправил он к нам от искреннего сердца и усердия с принесением дани и с поздравлением нас, было нам так приятно и согласно с нашим намерением, что мы принимаем оно не иначе, как с великою похвалою. Ибо посол его Самгань с товарищи прибыл к нам в самое то время, как мы изыскивали способу, чтоб бийсе Арабджура с ним свидеть, его арабджуровых людей призвав и спросив о свободном пропуске российского посла, комиссара, к нему отправить хотели, и ради такого его доброго сердца, выбрав мы элета, Шуге именем, и прочих разного звания людей, нарочно с нашим указом и награждением к нему в соответствие послами отправили. Также ведать вам должно, что наш хя Килитей, отправленный к Цэван-Раптану для договора о свободном пропуске Арабджура, еще и поныне назад не возвратился, а как он придет, то вам вслед пошлется известие»⁹.

Далее император Сюань Е, прибегая к эзопову языку (для сокрытия истинного, прямого смысла), запрещает послам соглашаться на предложение хана Аюка, если таковое последует, заключить военный союз против Цэван-Рабдана. В указе говорилось:

«Но когда он, Аюки, представлять будет вам, не соблаговолим ли мы объединенною силою истреблять Цэван-Раптаня, то вы ему в том отнюдь не давайте слова, но только ответствуйте, что Цэван-Раптань пред нами, великим ханом, поступает с весьма добрым сердцем и присылает послов своих с поздравлением зело часто, а, напротив того, и мы, великий хан, посылая к нему частые награждения, показываем к нему всякое благоволение; что хотя бы он, Цэван-Раптань, и в совершенное пришел бессилие, – продолжает император приводить всех в заблуждение, – и находился в самой крайней бедности, однако ж мы, великий государь, и при таком его состоянии никогда нападения на него не учинили бы; что сие дело есть столь велико и важно, которого вы принять на себя не можете, а хотя бы он, Аюки, и покусился нам, великому государю, подать о том свое прошение, то однако ж ответствуйте, что вы точно ведаете и совершенно в том уверить его можете, что мы, великий государь, только о том едином имеем отеческое попечение, дабы всякое на свете дыхание пребывало в тишине и в своем совершенном благополучии, и почему вы знаете, что мы, великий государь, на Цэван-Раптаня ни под каким видом и никогда нападать не будем»¹⁰.

Во второй части указа император Сюань Е разрешал послам поехать к русскому царю Петру I, но только в случае, если он сам «пожелает» их видеть. Тогда, повелевал император, к нему должны будут поехать, «смотря по его требованию», или все послы, или только двое: Наянь и Тулишэнь вместе с двумя «новыми маньчжурами» из посольской свиты. При встрече с русским царем послам надлежало вести себя так, как того требует русское «обыкновение». Здесь император не упустил случая и не без некоторой иронии добавил: «Притом можете вы посланным его сказать, что вы не такие упрямые люди, каков был их Николай¹¹, который в прошлых годах, будучи у нас, поступал весьма упрямо». После этого в указе перечисляется довольно большое число вопросов, которые, по мнению императора Сюань Е, русский император может задать послам, и какие на них нужно давать ответы.

Затем, видимо, желая склонить русского царя к положительному решению вопроса относительно использования войск хана Аюки против Цэван-Рабдана, император Сюань Е поручает послам предложить Петру I снять без всякого опасения свои войска с русско-китайской границы, если в этом есть необходимость. В указе говорилось: «Также при случае объявить может еще и сие, что пред некоторыми годами слышно у нас было, что их Российское государство от другой стороны с соседственным государством, по некоторой ссоре раздружившись, друг на друга воюют¹² и что ради сего, как вы слышали, от нас в городе Сахалинь-ула к зангину [генералу] и указ был послан, чтоб он чрез город Нерчинск послал отписку в такой силе, что не без причины думать можно, что российскому государю обстоит нужда и в пограничных его войсках, однако ж, может быть не употребляет он сего войска затем, что опасается и не доверяет нашим пограничным людям; однако ж, как между обоими государствами мирное согласие из давнейших лет состоит, так и у нас никакого тому противного намерения быть не может, и ежели их государь имеет нужду в своих пограничных войсках, то б употреблял он их на свою пользу в оной войне без всякого с нашей стороны опасения»¹³.

Далее император дает послам указание: во время пребывания в России при любых обстоятельствах действовать единодушно, «с добрым согласием», всегда быть трезвыми, «не упиваясь ни вином, ни другими хмельными напитками», не совершать «бесчинств и невежества» и осуществлять «крепкое и доброе смотрение» за своими «служителями». И, наконец, император Сюань Е приказывал послам наблюдать за обычаями русских, «как они живут, а также земля их в каком находится состоянии»¹⁴.

Если руководствоваться указом императора Сюань Е, главной целью отправления послов из Китая «на край света», к калмыцкому хану Аюке на Волгу, являлось обсуждение с ним вопроса о выборе наиболее безопасного пути для возвращения Арабджура на родину. И здесь можно полностью согласиться с мнением Г. Казна: «Мог ли Китай, – замечает он, – который так редко

отправлял дипломатические миссии за свои пределы, нарушить традиции и, рискуя получить отказ или даже ожидая должной вежливости от русских, послать миссию только ради того, чтобы узнать мнение главы торгоутов относительно путешествия несовершеннолетнего князя? Это невозможно считать достаточно основательными причинами, когда на них ссылаются»¹⁵. Скорее всего, как это имело место во время приезда следующего китайского посольства в Москву в 1731 г.¹⁶, существовало еще и секретное предложение императора Сюань Е, которое послы передали хану Аюке при личной беседе.

5 июня 1712 г. из Лифаньюаня в адрес сибирского губернатора М.П. Гагарина был послан лист, в котором сообщалось об отправлении из Пекина китайских послов и содержалась просьба их принять и препроводить¹⁷. При этом лист из Лифаньюаня в Правительствующий сенат России направлен не был.

12 июня 1712 г. китайское посольство к калмыцкому хану Аюке, провожаемое родственниками и друзьями, выступило из Пекина. Оно состояло из восьми маньчжуров: Агадай, Хабуна, Гачжарту, Иньчжана, Тулишэня, Ятоу, Наяня и торгоута Шугэ с 22 сопровождающими¹⁸. С китайским посольством отправился караван П.Р. Худякова, калмыцкий посланец Самтан Кулюков со свитой и четыре человека Арабджура. Последние должны были возвратиться из калмыцких улусов в Китай вместе с посольством Тулишэня.

О том, кто являлся главой посольства, в указе императора (как и в «Записках» Тулишэня) не говорится. По мнению И.Х. Шничера (швед на русской службе, по распоряжению сибирского губернатора сопровождал посольство от Тобольска и обратно), «главнейшим послом» в миссии являлся Агадай. Ему было доверено вручить грамоту китайского императора Сюань Е хану Аюке¹⁹. По всей видимости, Агадай, Наяня, Тулишэнь и Ятоу обладали большими по сравнению с четырьмя другими послами полномочиями.

Чины и звания послов, очевидно, не были очень высокими. По этому поводу император Сюань Е в своем указе говорит весь-

ма уклончиво. «Когда вас спросят о ваших чинах и достоинствах, – поучал он, – то сказывайте, что вы не ближние хана своего вельможи, но такие чиновные люди, которые в особливых канцеляриях отправляют свои должности»²⁰.

В связи с отправлением китайского посольства к хану Аюке перед российским правительством встала дилемма: пропускать или нет через территорию России дипломатическую миссию в калмыцкие улусы? Отказ мог привести к остановке русско-китайской торговли, являвшейся в то время одним из важнейших приоритетов русской политики в отношении Китая. С другой стороны, разрешение на проезд открывало китайским послам зеленую улицу для ведения переговоров с ханом Аюкой о создании китайско-калмыцкой коалиции против Джунгарского ханства, что могло нарушить неустойчивое равновесие сил, сложившееся на границах Южной Сибири.

30 августа 1712 г. сибирский губернатор М.П. Гагарин писал государственному канцлеру Г.И. Головкину, что если китайского «посланца» в Россию «не пустить, то наших купчин с торгами пускать не станут». И продолжал: «Подлинно, государь, уведать не можно у китайцев, зачем идет к Аюке тот посланец. Однако ж, знатно, что не с малым делом для того, что из Китая никогда не посылают [ни] послов, ни посланников никуда. А его послали, знатно, что не за малым делом. А относится де от китайцев, чтоб согласиться бы им со Аюкою и войною идти на калмыцкого владельца, контайшу, которой ныне кочует близ китайского владения, також и в близости сибирских городов. И если, государь, того владельца они разобьют, то от китайцев, государь, великая будет теснота нам, мало не всей Сибири. И владенье китайское будет смежно нам со многими сибирскими ближними городами: Красного Яру, Енисейска, Иркутска, Томска, Тары и Тобольска, и Тюмени в самой близости». Далее М.П. Гагарин обращается к Г.И. Головкину с просьбой «донести Его царскому величеству, чтоб указал своим государевым указом отписать к губернатору казанскому, господину Апраксину, что если китайцы будут Аюку просить, чтоб воевать калмыцкого вла-

дельца, которой кочует близ Сибири, контайшу, чтоб ему то возбранить Его царского величества указом для того, что у него ссора с китайскими, а с нами в миру он. Бывают у нас ссоры с порубежными его людьми, но надобно, государь, зело того беречь, чтоб не был тот калмыцкой владелец, контайша, разорен от китайского и согнан с тех мест. А без Аюки китайцы войною идти на него не могут»²¹.

В итоге правительство России приняло соломоново решение: пропустить посольство к калмыцкому хану Аюке, встретив его согласно существующему посольскому обряду на границе и обеспечив транспортом и едой, но одновременно «возбранить» хану Аюке вступать в переговоры с прибывающими послами о создании китайско-калмыцкой коалиции против Цэван-Рабдана. В «приговоре» Правительствующего сената от 26 ноября 1712 г. говорилось: пропустить китайских послов и Самтана Кулюкова через города Сибирской губернии без всякой задержки до «городов Казанской губернии, и Казанской губернии городами вести, которыми пристойнее, по рассмотрению губернаторскому», и давать им «дорожной обыкновенной корм и подводы». «Наказ» поручал казанскому губернатору А.М. Апраксину «проведывать всячески: для чего оной посланец к нему, Аюке, приехал». И если выяснится, «что приехал он подзывать его, Аюку, на калмыцкого владельца, контайшу, войною, и то ему, Аюке, говорить, дабы он на него, контайшу, войною не ходил для того, что он, контайша, царскому величеству примирителен. И о том к казанскому и сибирскому губернатору послать Его, великого государя, указы»²². Указы казанскому и сибирскому губернаторам были посланы 28 ноября 1712 г.²³

8 декабря того же года сибирский губернатор М.П. Гагарин отправил строжайший указ иркутскому воеводе Ф.И. Рупышеву. В нем сообщалось, что для встречи и сопровождения китайских послов, едущих к хану Аюке, назначен «полуполковник» Прокофий Ступин, которому приказано препроводить послов «чрез города Сибирской губернии со всякою честью и охранением великим». Далее в указе говорилось: «Что

ему понадобится в котором городе под них подвод и работных, и служилых людей для караулу, и на корм скота, быков и баранов, и куриц, и вина, и пива против указу все отправлять им. <...> И все отпускать, покупая из казны великого государя, а куры забирать со крестьян и зачитать им, крестьянам, в подати, а вино и пиво брать с кружечных государевых дворов». Губернатор пригрозил «ослушникам» смертной казнью «безо всякие пощады», потому что, наставлял он своих подчиненных, «во отправлении» своих обязанностей надлежит «хранить царственный интерес»²⁴. Подобного содержания указ был направлен и енисейскому коменданту А.О. Колтовскому²⁵.

13 августа 1712 г. китайское посольство прибыло на южный берег Селенги. На вопрос чиновников русского приграничного города Селенгинска о цели приезда, послы объявили, что они направлены послами «от высочайшего, священнейшего и великого хана к тергетскому (калмыцкому. – *Авт.*) владельцу Аюки-хану с указом и отвезением ему высочайшего награждения». При этом они добавили, что об их миссии все известно прибывшему одновременно с ними П.Р. Худякову, поэтому комендант Селенгинска относительно их приезда «может от одного комиссара известиться»²⁶.

Вскоре китайских послов, в сопровождении «чиновных и служивых людей», на судах доставили в Селенгинск. Когда они, сойдя с судов, направились к отведенному им жилью, перед ними, как пишет в «Записках» Тулишэнь, торжественно до самых их квартир «перед указною грамотою» шли «несколько десятков воинов, по два в ряд, строем». Во время встречи с селенгинским комендантом послы повторили, что они «такие послы, которые нарочно отправлены к тергетскому Аюки-хану», подчеркнув при этом, что к Российскому государству они «никакого дела не имеют»²⁷. В Селенгинске послы, которых принимали «с превеликим почтением», в ожидании «позволения» русского царя пробыли почти шесть месяцев.

28 января 1713 г. иркутский градоначальник Ф.И. Рупышев, получив указ сибирского губернатора М.П. Гагарина, отправил в Селенгинск для встречи и сопро-

вождения китайских послов до Иркутска стрелецкого и казачьего голову, удинского приказчика А.А. Бейтона. Отъезд послов из Селенгинска состоялся 30 января того же года. Селенгинский градоначальник, дав послам более 70 саней и «определя воинских людей провожатыми», «при поставлении всего войска пред указаную грамотою и знаменами в строй», провожал их «с битием в барабаны и пушечною пальбою»²⁸. Послам предстоял дальний и трудный путь: зимой на санях по дорогам и замерзшим рекам, летом на повозках по суше и на судах по рекам.

8 февраля 1713 г. китайское посольство благополучно прибыло в г. Иркутск, где иркутский градоначальник устроил в их честь пышную встречу, «выслав войско со знаменами, огнестрельным мелким ружьем, барабанами и музыкою». В Иркутске послам вновь пришлось задержаться в ожидании «дальнего указа» сибирского губернатора М.П. Гагарина и прибытия из Тобольска человека для их дальнейшего сопровождения. Чтобы послы не скучали, иркутский градоначальник часто устраивал обеды и вообще как мог их развлекал²⁹.

Подполковник П.С. Ступин, назначенный сибирским губернатором сопровождать послов, приехал в Иркутск 2 марта 1713 г. Сразу отправиться в дальнейший путь не удалось, хотя китайские послы об этом очень просили. Ступину пришлось им объяснять, что на судах в это время года ехать невозможно, так как реки еще не вскрылись, «а сухим путем дорога везде топкая и весьма грязная, да притом и жилья нигде не имеется, почему как подвод, так и корму взять будет негде». Кроме того, сказал в заключение Ступин, сибирский губернатор поручил ему «господ послов вести на судах водою со всякою честью и почтением», и это приказание он «ненарушимо содержать должен». Поэтому китайское посольство было вынуждено находиться в Иркутске до вскрытия Ангары. 16 мая 1713 г., хотя лед на реке еще не совсем растаял, послы, как пишет Тулишэнь, «при поставлении войска в строй со знаменами, с пушечною и из мелкого ружья пальбою, также с битием в барабаны и игранием на музыке» отправились из Иркутска³⁰.

Посольство на четырех судах поплыло вниз по Ангаре и 5 июня достигло Енисейска. Здесь его встречали с подобными же почестями. 11 июня 1713 г. посольство на подводах выехало из Енисейска и 13 августа 1713 г. прибыло в центр Сибирской губернии г. Тобольск.

В день прибытия китайских послов по приказу сибирского губернатора М.П. Гагарина «для приема их» был послан дьяк Иван Баустин и с ним «ларешный» со спиртным и съестными припасами. Иван Баустин от имени сибирского губернатора поздравил с прибытием сначала посла Агада, а затем по очереди всех послов и сообщил, что им присланы «на пропитание скот и питье». Однако китайские послы заявили, что «той присылки без совету товарищей своих» принять не могут. Затем послы «пошли все с дьяком Иваном Баустиным вместе на посольский двор»³¹. Здесь послы посоветовались и объявили Баустину, что, «не видев губернатора Сибири», принять «присланное» не могут. 16 августа генерал-губернатор Сибири М.П. Гагарин прислал посла кареты и пригласил их к себе на обед. В первую карету сел Агадай с царгучеем (вероятно, это был Наянь. – *Авт.*) «и как ехали на гору (т.е. к дому губернатора. – *Авт.*), в то число сидел царгучей по правую руку, Агадай по левую. А впряжена была в карету шестерня. А в другой карете сидели Тушелим да Ятун, впряжена была в карету шестерня ж. А другие четыре человека сидели в колясках, в которых были впряжены по 2 лошади»³².

М.П. Гагарин еще дважды приглашал послов к себе на обед, где обсуждались разные вопросы. Так, послы сообщили М.П. Гагарину, что император Сюань Е по просьбе русских разрешил прислать в Пекин священников. Они передали сибирскому губернатору просьбу императора привезти «одного доктора, в излечении наружных болезней искусного». При этом послы уточнили, что священников и врача, если последний будет отправлен в Китай, им приказано захватить с собой на обратном пути. Губернатор ответил, что «попы находятся у него в готовности, а доктора искусного у него не находится», но он писал в Москву и надеется, что врач приедет к тому

времени, когда послы будут возвращаться из калмыцких улусов»³³.

Во время бесед китайские послы объяснили М.П. Гагарину, почему император Сюань Е отправил посольство не к царю Петру I, а к хану Аюке. В указе императора, сообщили они, сказано, что хотя русские ежегодно приезжают с торгами в Китай, но все они «простые купецкие люди», а к нему, императору Китая, русский царь «ни однажды своих нарочных послов с принесением даров не присылал». Поэтому и он, равным образом, своих послов не посылает к русскому царю, а отправил «только к Аюки-хану». Однако, сказали послы, у них имеется «наказ» императора: если русский царь захочет их видеть и «похочет ведать» «о состоянии» их государства, то к нему должны будут ехать все послы, или половина, смотря по его желанию. При этом они сообщили М.П. Гагарину, что китайского «письменного виду» из Лифаньюаня у них нет³⁴.

Послы интересовались, «нет ли к ним какого отправления». М.П. Гагарин отвечал, что царь осведомлен о прибытии послов и приказал «со всякою честью и с добрым присмотрением» препроводить их к хану Аюке, но никакого «отправления» для них не получено, поскольку царь «находится ныне в походе, а на Москве его нет»³⁵. Беседуя с губернатором Сибири, послы не сообщили ему о том, что должны передать Петру I предложение императора Сюань Е по поводу использования войск, дислоцированных на русско-китайской границе. Возможно, они хотели это сделать при личной встрече с царем.

21 августа 1713 г. «после кушанья», «вечеру» посольство отправилось из Тобольска. Его сопровождал подполковник П.С. Ступин, вновь назначенный капитан И.Х. Шничер и несколько драгун. Посольство плыло по р. Иртыш, затем девять дней вверх «против воды» по р. Тобол, поэтому опять всю дорогу суда «тянули татара бечевою», и 1-го сентября оно прибыло в Тюмень. Здесь «начальник сего места, – пишет Тулишэнь, – поставя войско с большими и малыми знаменами в порядок», приветствовал прибывших, после чего «взяв к себе», чествовал «обеденным кушаньем». 25-го числа посоль-

ство отправилось в дальнейший путь и, проследовав через Епанчин, Туринск, Верхотурск, Соликамск, Кай-городок, Хлынов, Казань и Симбирск, 18 декабря 1713 г. прибыло в Саратов. После того как снег растаял и зазеленела трава, П.С. Ступин отправил к хану Аюке толмача и несколько офицеров с сообщением о прибытии посольства. Кроме того, он просил прислать «чиновных людей и провожатых с подводами и кормом». Между тем из-за внезапно выпавшего обильного снега послам пришлось задержаться в городе. Они коротали время, стреляя на берегу Волги с лошадей, и «забавлялись рыбною ловлею»³⁶.

Хан Аюка, стараясь как можно лучше встретить посольство из Китая, обратился за помощью к астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову. Он писал ему: «Посол китайского [государства], слышно нам, что будет вскоре. Пожалуй, ты ко мне пришли для государской милости и для оказыванья Бориса Кереитова³⁷ да 100 человек драгун с пушками и барабаны, и сиповки, и с виоли, и с рушными ядры немедленно, потому [чтобы] показать мне ему, послу, милость государеву. Да пришли ко мне от овощей яблук, пшена сорочинского, шпталы, орехов грецких, сахару и изюму, и фиников, и всяких овощей, какие есть в Астрахани, вина и вотки довольно, меду, чахирю, всего против прежнего излишния пришли – едут из дальнего государства небывалые послы, также по своей милости от себя ко мне пришли»³⁸.

Этого хану Аюке показалось недостаточно и он обратился к М.И. Чирикову с новой просьбой: «Пожалуй, пришли ко мне для споможения из Кереитовых Михайлу или Бориса одного, – пишет он, – да с ним драгун и солдат 100 человек, да стружек хорошей, украшенной, с пушками и со всякими потехами, какие у вас живут всякие разные потехи, с барабанами и с сиповками, и с виоли, да пшена сорочинского, да пшена русского, да всякого разного пойла. Пожалуй, пришли всего довольно, а нам великая нужда. Да, пожалуй, пришли 400 кож красных. Буде погодятся, цену заплатим, а буде не погодятся, назад пришлем. <...> От китайского посла посыльщики ко мне прие-

хали. Пожалуй, пришли все без замедления»³⁹.

7 мая 1714 г. от калмыцкого хана Аюки в Саратов прибыл тайджи и поздравил китайских послов с благополучным прибытием. 16 июня послы переправились через Волгу и поехали в ставку хана Аюки. Как пишет Тулишэнь, на протяжении всего пути подданные хана Аюки тайджи, ламы и старшины, собрав своих подчиненных, устраивали для послов пиры, ставили по дороге «скотские табуны» и принимали их «с превеликим почтением», и было «великое множество» таких, которые, в знак своего усердия, с преклонением колен приносили едущим съестные припасы⁴⁰. Китайское посольство достигло ставки хана Аюки – урочища Манутохай 1 июня 1714 г., где для них уже было приготовлено 10 кибиток⁴¹.

Первая встреча китайских послов с ханом Аюкой, как пишет И.Х. Шничер, принимавший в этом непосредственное участие, состоялась 2 июля 1714 г. К послам «пришел манзик ханской» и, поздравив китайцев от своего хана, сказал, «что они бы в тот же день, как приехали, могли быть допущены до их хану, если бы хан не рассуждал, что по той трудной езде надлежит им прежде иметь отдых; теперь хан желает их у себя видеть без дальнего отлагательства». Посланники, «изготавливаясь, поехали к хану», а И.Х. Шничер их провожал «с 40 человеками». Из Астрахани были присланы дворянин Борис Кереитов «и порутчик Лиц со 100 человек драгун, которые стояли по обеим сторонам дороги пред ханским шатром и, при игрании музыки, оружием честь отдали». Во время этой церемонии почти на выстрел от ханского стана находилось «великое множество простых срамных калмык», которые, невзирая на запрещение хана, пытались подойти поближе, чтобы лучше увидеть все происходившее, однако «четырем человекам», вооруженным луками, было приказано «их удерживать». Если же кто-либо подходил слишком близко, в него стреляли, «не уговаривая прежде». Но чтобы людям «не причинить глубоких ран», на конце стрел были насажены «круглые головки»⁴².

«Подойдя к ханскому шатру, – продолжает И.Х. Шничер, – китайские послы вынули из деревянной коробочки грамоту, написанную на золотой бумаге, после чего главнейший из них, Агадай, взявши оную, держал обеими руками на четверть аршина выше головы и так шел с прочими своими товарищами весьма тихо в шатер до ханского места». Хан Аюка «сидел в бархатных креслах, поставленных на четверть аршин вышиною, на персидском ковре». Посол Агадай, произнеся речь, подал хану Аюке грамоту императора Сюань Е, а затем «обнял обеими руками Аюкины колени». В ответ хан Аюка положил правую руку на плечо посла, «изъявляя чрез то свою благодарность, и опять сел». Вторым речь произнес Тулишэнь, за ним другие послы «и то же, что первой сделавши, сели все рядом. Хан говорил с посланниками о разных вещах»⁴³.

Ханский шатер, где происходил прием китайских послов, до половины его высоты был обвешан «дорогою камкою, и над креслами висел четверугольный желтый из двух частей сшитый кусок камки, такой же висел и над дверьми. Пол устлан был турецкими коврами. <...> Стены обтянуты были голубою камкою с золотыми травами; над оною камкою висела вокруг шатра бахромы длиною на пол-аршина в том месте, где начинается крыша»⁴⁴.

Ту же церемонию встречи с ханом Аюкой Тулишэнь описывает в своих «Записках» несколько иначе. Он пишет: «Грамоту указную везли в руках, возвысь кверху, попереди оныя ехали тергетские тайдзи и ламы, а позади следовали российские чиновные и рядовые воинские люди. И в таком порядке, приехав мы к юртам Аюки-хана, все сошли с лошадей, и потом Аюки-хан указную грамоту при отдании ему принял, став на колена». Выслушав содержание указа китайского императора, хан Аюка посадил послов от себя по правую руку»⁴⁵.

После официальной части заиграла музыка и начался пир. Вместо скатерти на земле был постелен кусок простой камки, а перед каждым человеком положена толстая бумажная салфетка. Ложек и ножей не было, поэтому калмыки ели руками, а китайцы брали еду палочками. Во время трапезы

велась беседа на самые различные темы. Наконец, послы заговорили о возвращении Арабджура. «Когда Его величество бейзе Арабджура хотел чрез землю Цевань-Раптаня к нему отправить, – сказали послы хану Аюке, – то Цевань-Раптаня, не добротествуя ему, отговаривался находящимися по ту сторону его владения хасаками и харахалбаками, объявляя, что он опасается, дабы хасаки или харахалбаки не перехватили Арабджура на дороге и его не погубили, и понеже Арабджура дорогою оною отправить опасно, то за лучшей его величество находит к тому способ, чтоб путь или пропуск Арабджуру исходатайствовать у россиян». И ради этого, добавили послы, они и отправлены к нему, чтобы посоветоваться, «и как скоро с ответом на чем соглашесь», к Его величеству явятся, «то и Арабджур по тому к нему, Аюкию, отправлен быть имеет». Хан Аюка сразу не дал ответ на это предложение, мотивируя тем, что ему сначала надо посоветоваться с родными Арабджура, однако пообещал при этом тотчас уведомить послов «на чем они согласятся»⁴⁶.

10 июля 1714 г. китайские послы вновь посетили хана Аюку. Как только в разговоре было упомянуто имя Арабджура, хан Аюка заговорил о решении, принятом по поводу возвращения его племянника на родину. Решение, отдадим должное хану Аюке, было весьма дипломатичным. Действительно, согласился он, ехать «южными землями» Арабджуру нельзя. Но, в то же время, если из Китая он поедет домой «чрез российскую землю», необходимо получить «позволение» царя, на что потребуется «немалое время». По этой причине, заключил хан Аюка, послам не следует зря терять время, а лучше, не дожидаясь решения царя, отправиться в обратный путь. Он же тем временем пошлет к нему «людей нарочных», и если царь «словом своим обнадежит», то он, хан Аюка, направит к китайскому императору своих послов с доношением»⁴⁷.

14 июля 1714 г. китайское посольство, пробыв в ставке хана Аюки две недели, отправилось в обратный путь. «Воинские люди» хана Аюки проводили посольство за Волгу⁴⁸. 13 сентября посольство (через Ка-

заны) прибыло в Вятку, где из-за осенней распутицы ему пришлось задержаться на 56 дней до установления зимней дороги.

2 декабря 1714 г. посольство добралось до Тобольска. В то время губернатор Сибири находился в Москве и послы, чтобы исполнить указ императора Сюань Е, были вынуждены оставаться в городе до его возвращения. М.П. Гагарин вернулся в Тобольск 29 декабря и через день пригласил послов к себе. И только теперь, на обратном пути из калмыцких улусов, из-за того, что приглашения от Петра I так и не последовало, послы сообщили о предложении китайского императора русскому царю использовать в случае нужды, без всякого опасения, свои пограничные войска, дислоцированные на границе с Китаем. Сибирский губернатор отклонил предложение послов, заявив, что эти войска «не употребляются» царем, так как в России имеется «довольное число войска» на все нужды, и их не используют вовсе не оттого, что Россия не доверяет «пограничным людям» китайского императора⁴⁹.

Послы обратились к М.П. Гагарину с просьбой разрешить им «наперед» отправить «некоторое число людей» из свиты с донесением императору, поскольку дела, порученные посольству, завершены. Сибирский губернатор охотно согласился.

Вскоре М.П. Гагарин позвал к себе в гости только двух отъезжающих послов – Няня и Тулишэня, «и между прочими разговорами» откровенно назвал им причину, почему Петр I не пригласил китайских послов к себе. Хотя царь «за воинскими делами и находится ныне на границах Шведскаго королевства, – сказал губернатор Сибири, – он с великою охотою хотел бы их видеть». Однако, присовокупил М.П. Гагарин, «в том есть некоторое затруднение», а состоит оно в том, что царю из Лифаньюаня не был отправлен лист. А если бы такой лист послали, то русский царь непременно «взял» бы их «пред лице свое, хотя б он находился в самом отдаленном месте и сколь бы великое дело у себя ни имел»⁵⁰.

16 января 1715 г. Тулишэнь и Няня, взяв с собой по два человека из свиты, с назначенными провожатыми выехали из Тобольска и отправились более короткой су-

хопутной дорогой через Тару, Томск, Енисейск, Илимск, Иркутск, Селенгинск и Кяхту. 19 апреля 1715 г. они прибыли в г. Пекин⁵¹.

После их отъезда большая часть китайского посольства некоторое время оставалась в Тобольске. Тем временем сибирский губернатор занимался подготовкой к их отъезду. В «Наказной памяти» М.П. Гагарина от 23 января 1715 г. майору И.Х. Шничеру, которому поручалось сопровождение остальных послов, возвращающихся от калмыцкого хана Аюки, говорилось: «Ехать ему со драгуны при китайских посланцах до Селенгинска и дорогою их охранять, чтоб отнюдь ни от кого ни малой обиды не было, також и дорогою в городах давали б им, посланником, определенной корм и квартиры б добрые, и подводды, и провожатых на всех против указу великого государя». Кроме этого в Иркутске И.Х. Шничер должен был предложить посламу отправить с ним письмо к М.П. Гагарину, подтверждающее, что им «корм» был «даван везде сполна»⁵². Майору И.Х. Шничеру также разрешалось получать для послов «сверх указу» «от города до города по 20 ведр вина», при этом обязательно следить за тем, чтобы драгуны «отнюдь не пили в той посылке». Сверх того, во всех городах можно было брать для послов еще «по 20 ведр вина простого». Сам же И.Х. Шничер, говорилось далее в «Наказной памяти», проводив посольство до Селенгинска «и до китайского рубежа», вместе с сопровождающими должен возвратиться в Тобольск и явиться к сибирскому губернатору⁵³.

В тот же день М.П. Гагарин направил комендантам городов, через которые проследуют послы, указ с распоряжением, чтобы им давался «корм» по росписи, отправленной одновременно из Тобольска, и без всякой задержки предоставлялись подводды⁵⁴.

3 февраля 1715 г. основной состав посольства вместе с членами первой Российской Духовной миссии⁵⁵ выехал из Тобольска и к концу 1715 или в начале 1716 г. возвратился в Пекин⁵⁶.

3 апреля 1716 г. Лифаньюань отправил сибирскому губернатору М.П. Гагарину

лист. В нем сообщалось о получении его листа, где говорилось о приеме, оказанном послам в России, отъезде в Пекин прежде других послов Тулишэня и Наяня, а также о том, что люди Арабджура «в Аюкином владении скрылись так хорошо, что и сыскать было невозможно»⁵⁷, а также с обещанием их найти и отправить в Китай. Кроме этого Лифаньюань уведомлял сибирского губернатора о благополучном возвращении в Пекин Тулишэня и Наяня и обращался к нему с просьбой отослать в Китай «Арабджуровых людей», приехавших с посольством и отпущенных к своим родителям и родственникам для свидания, когда те придут в Тобольск⁵⁸.

Еще до возвращения в Пекин основного состава посольства император Сюань Е предпринял попытку использовать русско-джунгарские противоречия, связанные со сбором алмана с приграничного населения Сибири. Летом 1715 г. он издал указ, в котором говорилось: «Отправлены войска по четырем дорогам, чтобы усмирить Цэван-Раптана. Отправить в Российское государство уведомление, в котором довести до их сведения об этом обстоятельстве». Выполнение данного поручения было возложено на Тулишэня. Прибыв в Селенгинск, он отправил сибирскому губернатору М.П. Гагарину, как он утверждает, частное письмо, которое является одним из документов, характеризующих политику Китая того времени в отношении России и Джунгарии. Прежде всего Тулишэнь выразил М.П. Гагарину благодарность за прием, оказанный посольству, ездившему к хану Аюке, и сообщил, что император Сюань Е весьма благосклонно принял представленный ему доклад о результатах посольства и издал в адрес Лифаньюаня указ, где о русских чиновниках и солдатах, сопровождавших послов, говорится: «Всех пригласить в Пекин и дать в изобилии всякого рода съестных припасов». Кроме этого, сообщил Тулишэнь, император «милостиво наградил их»⁵⁹.

Далее Тулишэнь, описав ход джунгаро-китайских военных столкновений, пишет: «Цэван-Раптань по натуре своей коварен, лжив и неблагодарен. <...> Взять хотя бы теперь, [Цэван-Раптань] в течении многих

лет берет ясак с примкнувших к вам татар и барбатов, живущих между городами Томском и Тарой, без конца предъявляет претензии на уже примкнувших к вам хотонов и прочих, ограбил вашего купца и задержал у себя на несколько месяцев». После этого Тулишэнь просит М.П. Гагарина «как следует подумать относительно поимки разбежавшихся в разные стороны людей Цэван-Раптания» после победы над ним китайских войск в районе Хами. В заключение он подчеркнул: «Я посылаю письмо, чтобы просто уведомить тебя, что отправили войско, чтобы заставить ответить за преступления Цэван-Раптана, и почему усмиряем мятежников. Как принято при посылке частного письма и в знак моей памяти посылаю 4 штуки атласа»⁶⁰. Письмо это не оказало какого-либо влияния на политику России в отношении Джунгарского ханства, к которому Россия никогда не проявляла враждебности.

Итак, попытка цинского императора Сюань Е склонить хана Аюку к выступлению против джунгарского хана Цэван-Раптана не увенчалась успехом. Хан Аюка, как российский подданный, не имел права вступать в военный союз с иностранным государством, к тому же лично у него не имелось каких-либо веских причин для начала военных действий против Джунгарии.

Вместе с тем необходимо отметить, что благодаря пребыванию этого китайского посольства в России и особенно «Запискам» Тулишэня⁶¹ в цинском Китае была получена обширная и достоверная информация о великом соседнем государстве⁶². Россия в свою очередь как бы в благодарность за прием китайского посольства, получила согласие императора Сюань Е на приезд в Пекин первой Российской Духовной миссии⁶³, что имело важное значение для России. С этого времени русским людям, которые были захвачены в плен при нападении китайских войск на русский город Албазин в XVII в. и потом угнаны в Пекин, была предоставлена возможность исповедовать православие. Учреждение Российской Духовной миссии в Пекине также способствовало становлению и развитию китаеведения в России.

Примечания

¹ Эта китайская миссия к хану Аюке в литературе известна как посольство Тулишэня. Она так названа по имени одного из послов, оставившего «Записки путешествия послов, в последние край света посланных». См.: Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. Материалы и документы. 1700–1725. М., 1978, с. 437–483.

² Там же. С. 18.

³ Отношения между ханом Аюкой и Цэван-Рабданом ухудшились в 1701 г., когда сын хана Аюки Санджиб, поссорившись с отцом, откочевал в Джунгарию к Цэван-Рабдану с 15–20 тыс. подвластных ему семей. Цэван-Рабдан, обвинив Санджипа в покушении на свою жизнь, отобрал у него всех людей, поделил их между своими владельческими князьями, а его самого с женой и десятью служителями отправил обратно. (*Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1978. С. 221–222).

⁴ Император пожаловал Арабджуру достоинство бэйсэ (второе княжеское достоинство царского рода) и отвел кочевья вдоль Великой китайской стены близ заставы Цзяюйгуань (последний пункт Великой китайской стены на западе; пров. Ганьсу).

⁵ Правительство России было против поездок волжских калмыков через Китай в Тибет, считая, что они советовали бухарцам вести торговлю с Китаем, тем самым нанося ущерб русско-китайской торговле. 30 августа 1712 г. М.П. Гагарин писал государственному канцлеру Г.И. Головкину: «В минувшем, государь, 1710-м году просил Его царское величество казанской губернатор, господин Апраксин, что будто просил Аюка, чтоб людей его для мольбы по их закону к далай-ламе пропустить чрез Сибирь. И по тому его доношению соизволил Его царское величество их пропустить, и именным Его государевым указом он, господин Апраксин, писал мимо меня в сибирские города к воеводам, и пропустили их воеводы в Сибирь. <...> Не смели, государь, воеводы ослушаться именного указа царского величества, а пропустить бы их отнюдь не надлежало для того, государь, что проча они торг китайской бухарцам, чинят помешку великую нашим купчинам в торгах китайских царского величества» (Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 62, оп. 62/1, 1729, д. 8, л. 56). Поэтому губернатор Сибири предлагал: если впредь Аюка обратится к царю с просьбой пропустить его людей или посланцев через Сибирь в Китай, то им не давать на это разрешение (там же. Л. 57 об.). Государственный канцлер России Г.И. Головкин согласился с мнением М.П. Гагарина и в письме М.П. Апраксину от 13 февраля 1713 г. порекомендовал «впредь в таких делах» поступать «с осторожностью, чтоб не произошло из того интересам Его

царского величества какого предосуждения» (Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 137).

⁶ Там же. С. 112.

⁷ Там же. С. 130.

⁸ Там же. С. 130–131.

⁹ Там же. С. 439.

¹⁰ Там же.

¹¹ Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) (1636–1708) – молдавский ученый и государственный деятель, состоял на русской службе. В 1675–1678 гг. посол России в Цинскую империю с целью установления дипломатических и торговых отношений. Переговоры не дали положительного результата.

¹² Император Сюань Е имеет в виду войну России со Швецией.

¹³ Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 440.

¹⁴ Там же. С. 443.

¹⁵ *Sheldon Ridge W.* Some early Russo-Chinese relations by Gaston Cahen. Shanghai. 1914, p. 631–632.

¹⁶ *Мороз И.Т.* О первом китайском посольстве в Москву (1729–1732 гг.) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008.

¹⁷ Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 432.

¹⁸ Количество послов к хану Аюке и их имена (за исключением Нааяна, Тулишэня и Шугэ) не названы в указе императора Сюань Е. На разных страницах «Записок» Тулишэня встречаются имена пяти послов (исключая его собственное). Имена Агадай и Хабун упомянуты в «Записках» И.Х. Шничера. (*Шничер И.Х.* «О китайских посланниках, как они в 1714 году июля 2 дня калмыками почтены и приняты были // Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 484–486). Два имени, указанные Шничером, встречаются и в русских документах. В «Записках» Тулишэня несколько раз говорится о после по имени Митио, а в «Записках» И.Х. Шничера упомянут еще посол по имени Карган. Возможно, это вторые имена кого-либо из послов или людей из свиты.

¹⁹ Там же. С. 484.

²⁰ Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 443.

²¹ АВПРИ. Ф. 62, оп. 62/1, 1729, д. 8, л. 56–58.

²² Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 132.

²³ Там же. С. 597.

²⁴ Там же. С. 133.

²⁵ Там же. С. 133–134.

²⁶ Там же. С. 445.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 446.

²⁹ Там же. С. 448.

³⁰ Там же. С. 448–449.

³¹ Там же. С. 139–140. Тулишэнь иначе описывает этот эпизод. «От пристани до самая квартиры, нам определенной, – пишет он, – поставлено было войско в строй с большими и малыми знаменами, а перед указною грамотою ехали несколько пар воинских людей рядом, и в таком порядке пре-

провожены мы до самыя квартиры». Там же. С. 454.

³² Там же. С. 140.

³³ Там же. С. 454.

³⁴ Там же. С. 455.

³⁵ Там же. С. 454.

³⁶ Там же. С. 459–466.

³⁷ Борис Михайлович Керитов – глава астраханских стрельцов и его брат Михаил Федорович – астраханский дворянин, комендант г. Красный Яр, использовали астраханскими властями для сношений с калмыками.

³⁸ Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 148.

³⁹ Там же. С. 148.

⁴⁰ Там же. С. 480.

⁴¹ Там же. С. 484.

⁴² Там же. С. 485.

⁴³ Там же. С. 484.

⁴⁴ Там же. С. 485.

⁴⁵ Там же. С. 467.

⁴⁶ Там же. С. 469.

⁴⁷ Там же. С. 472.

⁴⁸ Там же. С. 473.

⁴⁹ Там же. С. 475.

⁵⁰ Там же. С. 477.

⁵¹ Там же. С. 479.

⁵² В противном случае М.П. Гагарин приказал иркутскому воеводе выдать послам денежную компенсацию за недоданное. Там же. С. 160.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 161.

⁵⁵ С китайским посольством в Пекин ехали: архимандрит Илларион Лежайский, иеромонах Лаврентий, иеродиакон Филимон, 8 причетников и 4 ученика (*Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 358). Врач Гарвин Томас (англичанин, хирург петербургской больницы) по указу царя отправился в Китай из Москвы только 2 декабря 1715 г. (Русско-китайские отношения, с. 168). Летом 1716 г. в Селенгинске он присоединился к каравану М.Я. Гусятникова, с которым и приехал в Пекин (*Куриц Б.Г.* Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII в. Киев, 1929, с. 17). Вылечив императора, в феврале 1717 г. Томас Гарвин возвратился в Россию (*П.Е. Скачков.* Указ. соч. С. 302).

⁵⁶ Иеромонах *Николай (Адоратский)*. История Пекинской Духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской Духовной миссии в Китае. М., 1997, с. 71.

По поводу приведенной даты в литературе существует разнобой (см.: *Инатова А.С.* Место Российской Духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998, с. 230).

⁵⁷ Переписка Лифаньюаня с сибирским губернатором М.П. Гагариным относительно возвращения этих людей продолжалась еще и в 1717 г. (Русско-китайские отношения. Т. 1, с. 433).

⁵⁸ Там же. С. 170–171.

⁵⁹ Там же. С. 481.

⁶⁰ Там же. С. 482–483.

⁶¹ В «Записках», поданных Тулишэнем императору после возвращения, сообщается о планировке русских городов, типе построек, национальном составе населения, числе церквей и торговых лавок в городах, средствах передвижения, домашней утвари, еде, домашних и диких животных, огородных и полевых культурах, породе рыб в реках и озерах. Не были обойдены вниманием и такие вопросы, как: подать, ясак, размер солдатского жалования, климат, календарь, уголовное законодательство, денежная система, религия и пр. Надо отметить, что часть сведений о России носит явно разведывательный характер. Это описание гор, крупных рек (с указанием их направления, скорости течения, притоков). В «Записках» приводились сведения о расстоянии между городами, количестве домов в городах и жителей в них, наличии или отсутствии городского укрепления, числе солдат в гарнизонах, а также о внешней и внутренней политике России, ее административном устройстве и т.д. Послы представили карту-схему (надписи сделаны на маньчжурском языке), составленную, по всей видимости, частично по расспросам. Об этом свидетельствует тот факт, что на схеме указаны, например, Москва и Швеция, а также географические пункты, где китайское посольство не было.

⁶² См. *Мясников В.С.* Новые знания о России в Цинском Китае в XVIII в. // *Мясников В.С.* Квадратура китайского круга. Кн. 1. М., 2006, с. 407–416; *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М., 2008, с. 7–36.

⁶³ Иеромонах *Николай (Адоратский)*. Указ. соч. С. 71–79; *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 36–37, 358.

И.М. Смилянская

«ПРИУГОТОВЛЕНИЯ» К РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1768–1774 гг.: РОССИЙСКИЕ ЭМИССАРЫ В ГРЕЦИИ И НА БАЛКАНАХ

Через два года после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Морею посетил французский наблюдатель – увлеченный эллинист граф Шуазель-Гуффье¹. Он возложил ответственность за неудачу греческого восстания в Морею и провал совместных действий греков и русского флота у берегов Греции в значительной мере на греческих агентов России, ошибочно информировавших российский двор. Эта мысль была подхвачена современниками, а затем и рядом западных историков. Однако достоверных сведений о разведывательной миссии в Греции и на Балканах до сих пор было крайне мало, чтобы оценить ее деятельность.

До последнего времени о тайных российских эмиссарах писали, исходя главным образом из сообщений современника событий Клода Рюльера, допущенного к материалам архивов французского Министерства иностранных дел (но склонного пользоваться непроверенными слухами и сплетнями)², а также из «Записки» Мануэля Саро. Эта «Записка», поданная ко двору в 1765 г., сыграла свою роль в организации Архипелагской экспедиции³. В последнее десятилетие всплыли еще два документа, позволяющие уточнить детали этой операции, атмосферу, в которой она осуществлялась, ее результаты и облик ее участников. Речь идет о находке известного российского балканиста Г.Л. Арша – «Прошении» Ивана Палатино, третьего участника миссии Папазоли⁴, переданном Н.И. Панину в 1768 г., а также об обнаруженном нами «Прошении» М. Саро, представленном к трону императрицы после 1785 г., т. е. едва ли не 20 лет спустя после его «Записки»⁵. Из этих трех источников наибольшего доверия, на наш взгляд, заслуживает весьма содержательное «Прошение» Ивана Палатино, подтвержденное документами, к нему приложенными, и ссылками на авторитеты, которые могли удостоверить и сведения, сооб-

щаемые Палатино, и его хорошую репутацию.

Известно, что зондаж политических настроений православного населения Мореи и Адриатического побережья Балкан проводился под наблюдением Г.Г. Орлова. Как показывают новые документы, инициатором отправки миссии была императрица. Спустя всего четыре месяца по вступлении на трон, 29 октября 1762 г., Екатерина II обратилась к Правительствующему Сенату с указом «сыскать из воинства нашего достойного человека для тех мест и искусного в языке и делах, которого бы можно послать с объявлением всем тамо живущим православным ревности и милости Нашей, которую мы охотно к ним имеем и стараемся учинить им вспомоществование в получении их свободы»⁶. Речь шла о поиске человека, состоявшего на российской воинской службе, желательно греке, которому надлежало донести до населения Мореи и Балкан сведения о старании императрицы в их освобождении.

«Достойный» человек обнаружился в полку графа Г.Г. Орлова. Им был артиллерийский поручик Георгий, сын Михаила Папазоли⁷. Согласно Рюльеру, именно фессалийский уроженец Папазоли, претерпевший гонения на родине и вынужденный ее покинуть, подсказал Григорию Григорьевичу идею объединения в будущей войне усилий российских вооруженных сил и греков, которые только и ждут удобного случая, чтобы сбросить турецкий гнет⁸. Подобная мысль витала в российских правительственных кругах со времен Петра I благодаря обращениям к трону представителей разных балканских народов и донесениям российских резидентов в Константинополе, уверявших Петербург в готовности православных подданных Порты поддержать Россию в войне против Османской империи⁹. Впрочем, не исключено, что контакты с петербургскими греками пробудили у

Г.Г. Орлова и Екатерины II идею взаимодействия, прежде всего, с греками, а не балканскими славянами, что больше соответствовало средиземноморским планам екатерининской внешней политики.

Г.Г. и А.Г. Орловы ценили Г. Папазоли. Они использовали его в качестве своего негласного резидента в районе Адриатики, а в 1771 г. Папазоли был даже удостоен монаршей награды. Однако этому греческому эмиссару был не чужд авантюризм, и, как выясняется из сообщения Палатино, он обладал «циничной склонностью к подлогу».

«В товарищи» Г. Папазоли Григорий Григорьевич выбрал другого представителя греческой общины Петербурга – Мануэля Саро, человека отважного и немало путешествовавшего по миру, но по-хлестаковски хвастливого и, что выяснилось позже, склонного к злоупотреблению спиртным. «Многотрудными путешествиями» и «высочайшего двора награждениями» он скопил капитал в 5 тыс. рублей и осел в Петербурге, живя на ежегодные проценты в 300 руб. с капитала, переданного в руки известного там купца Папанелопула. В 1763 г. Саро «был позван» к Г.Г. Орлову, который, по словам Саро, и сделал ему «предложение ехать тайно в Морею и иные греческия места для узнания, в каких расположениях тамошние жители относительно до здешнего двора находятся, и для приуготовления их заранее к будущей турецкой войне»¹⁰. Принять на себя эту миссию М. Саро побудили, как он писал, сколько «обещанное награждение... столько и больше еще – привязанность к вере сограждан моих, под игом гнусного рабства стенающих, и усердие к интересам Вашего Императорского Величества и империи всероссийской». Подобная идентификация в греческом сознании интересов греков, императорского трона и Российской империи встречалась не у одного Саро¹¹. М. Саро взял свой капитал у земляка и отправился в путь вместе с поручиком Г. Папазоли, которому отводилась во всем предприятии главная роль.

Известно, что Г. Папазоли выехал не из столицы, а из Москвы (возможно, в целях конспирации) 26 мая 1773 г. Он был снабжен монаршей грамотой, составленной на греческом языке и подписанной императри-

цей и ее статс-секретарем сенатором Адамом Васильевичем Олсуфьевым.

Г.Л. Арш рассматривает грамоту как высочайший манифест, обращенный к жителям горных краев – Мани, Химары и Черногории¹². Однако по форме этот документ скорее представляет собой грамоту, подтверждающую миссию Г. Папазоли. Впрочем, она могла восприниматься греками и как манифест о намерениях российской императрицы, к ним обращенный. В рукописных копиях грамота распространялась среди греков. Во всяком случае, одна из копий была обнаружена в одесской греческой среде в конце XIX в.¹³

В преамбуле к грамоте Екатерины II содержалось подтверждение религиозно-политического долга российского трона в отношении православной церкви. Екатерина констатировала, что, согласно присяге, данной ею при вступлении «на священный трон», она твердо следует политике своих предшественников в деле содержания, охраны и защиты православия «восточной Христовой святой церкви Греческой». Ради этого она полагает своей обязанностью содержать «всегда оружие воинства нашего в готовности против тех, кои бы воздвигли брань на Православие» (иными словами, армия российская должна быть освящена в глазах современников своим религиозным предназначением). Далее следовал пассаж совсем в духе концепции старца Филофея: «Почему (т. е. поэтому. – И.С.) со дня восшествия Нашего на Священный престол Российского государства и принятия скипетра сего православного отечества непремный нам долг надлежит не токмо защищать сие отечество наше, но и все прочие народы единого и того ж православного исповедания». В качестве доказательства своего твердого следования этому православному закону она приводит аргумент, восходящий к риторике дней переворота 1762 г.: «С согласия православного воинства» она сочла возможным лишить трона своего супруга за то, что он желал «переменить всю систему предков наших». Она же, побуждаемая «сею ко православию ревностию», ожидает лишь «случая ополчиться против врага веры православной и освободить народ греческий православный, нахо-

дящийся в пленении оттоманском». И снова тезис о намерении освободить греков Екатерина повторяет, излагая цели миссии Г. Папазоли: «идти и исполнить повеление Наше – пожелание, которое имеем к освобождению рода христианского, чтоб он (Г. Папазоли. – *И.С.*) из тех стран присылал и доносил о желании и намерении и о всяком происшествии, которое бы между сими народами случилось и предприняты были». Итак, цели миссии состояли в зондаже настроений народов Греции и Балкан и в оповещении их о намерении императрицы освободить единоверцев.

В грамоте указывались пункты, куда следовало направиться эмиссарам и кому объявить о «ревности и милости нашей, которую мы охотно к ним имеем». На первом месте была Морея – «прежде к народу спартанскому и лакедемонскому, потом в Черную гору, Химару и прочие таковые способные ко приуготовлению войны места». Такое предпочтение Мореи подтверждает изначальную ориентацию политики Екатерины на греков. Принцип же, по которому выбирались районы, куда надлежало направиться российским эмиссарам, определялся степенью воинственности их обитателей, в чем коренилась ошибка Орловых и Екатерины.

По существу, речь шла о взаимодействии с жителями особых этно-социальных анклавов, которые в XVIII в. были еще разбросаны по всему миру и расположены в горных или полупустынных землях со скудными хозяйственными ресурсами. Таким обществам были присущи политическая неустойчивость и поиски источников существования в найме на военную службу или в набегах и грабежах соседних народов. Эта характеристика подтверждается, например, мнением о черногорцах флорентийского посланника в Венеции от ноября 1767 г.: «С незапамятных времен упорно сохраняя свой дикий и хищный характер, неукротимые в своих набегах, закаленные во всех лишениях, всегда готовые, захватив добычу у турок или в венецианских землях, укрыться в горах, дабы затем вновь повторить набеги и вторжения, они держались демократии под управлением старейшин и священной властью их прото-папы, или же

епископа, благословлявшего их всякий раз, как они отправлялись на грабеж. Отличительной чертой этой нации до сего момента были неугасаемая вечная вражда в поколениях между разными кланами и в особенности более общее разделение между двумя главными партиями...»¹⁴.

В России имелись опыт взаимодействия с черногорцами и сведения о Черногории, собираемые российскими «соглядатаями»¹⁵ со времен Петра I. Если прибывавшие к трону духовные иерархи Черногории, преувеличивая военный потенциал своего народа, стремились создать представление о Черногории как стране независимой и успешно воюющей с турками, то российские посланцы рисовали картину скорее негативную¹⁶, да и Коллегия иностранных дел, по словам Екатерины, была «с черногорцами в ссоре»¹⁷. Коллежский советник С.Ю. Пучков, побывавшей в Черногории в конце 1750-х годов, составил о черногорцах мнение, не расходившееся с вышеизложенным донесением флорентийского посланника. Пучков также назвал черногорцев народом «диким», разделяя представления эпохи Просвещения, делившего народы на варварские, дикие, и цивилизованные, культурные. Возможно, учитывая опыт взаимодействия и характеристику черногорского общества, Екатерина ставила в своей грамоте Черную Гору на второе место и в дальнейшем не ей предназначила главную роль в военных действиях российской эскадры.

О жителях Химары (Южной Албании), чьи настроения должны были выяснить участники миссии Папазоли, сообщалось, что те из поколения в поколение служили в специальном Македонском полку Неаполитанского королевства¹⁸.

Маниоты (маньяты), жители горной южной Мореи – Мани (Майны), считались «остатком славного в древние времена лакедемонского народа». По мнению Палатина, турки не могли их покорить. «По случаю их вольности и неподчинения никакому государю, [они] допускают к себе мальтийских корсар и бандитов и всякой нации разбойников, а иногда и сами выходят в море для добычи, где, ограбив турков, берут в полон, а иных и умерщвляют,

что случается иногда и над христианами разных наций»¹⁹. Значит, и майноты принимались Орловыми и императрицей как к войне «способны».

Адмирал С.К. Грейг, верный соратник Алексея Орлова, в своих записках не без упрека в его адрес заметил: «Такой народ казался графу Орлову хорошим орудием для совершения его плана»²⁰. На деле в войне с турками во имя своего освобождения стойко и сознательно поддержали Россию представители греческих нарождавшихся предпринимательских кругов и часть землевладельческой элиты, проникнутая просветительскими идеями, в чьей среде еще только пробуждалась национальная мысль. Но они не составляли ни значительную, ни консолидированную часть греческого общества. Иными словами, выбора у Орловых не было, да и время для национального восстановления еще не пришло.

Остается добавить, что «ревность и милость», которые питала императрица к единоверцам и о которых Папазоли надлежало сообщить в указанных районах, имели не столько политический, сколько сакральный смысл. В документах того времени понятие «милость» часто сопрягается со словом «покровительство», которое в практике того времени не было равнозначно современному понятию «протекторат». Ритуал помазания на царский трон нес смысл передачи свыше обладателю священного трона и скипетра функции защиты (взять под свою руку), охранения единоверцев от врагов и от природных, стихийных бедствий.

В конце мая 1763 г. Георгий Папазоли отбыл из Москвы и объявился вместе с Мануэлем Саро в Венеции. Видимо, следуя указаниям Петербурга, он обратился к высокой духовной персоне («знатный между духовными человек», имя которого сохранилось в тайне, но о котором известно, что он «усердствовал» Российской империи), чтобы тот «доставил им надежного человека, который [был] бы в состоянии спешествовать порученной им важной комиссии». Этот духовный православный иерарх рекомендовал Ивана Палатино, ревностно разделявшего патриотические идеи, и принадлежавшего к греческим торгово-предпринимательским кругам.

Иван Палатино происходил, по его собственным словам, из дворянского рода («шляхетской греческой породы»). Его предки жили на острове Крит, принадлежавшем Венецианской республике. По завоевании острова турками они, бросив все «недвижимое имение», уехали в Морею и поселились в Наполи де Романье, современном Навплионе. Когда турки завоевали и Морею, отец Ивана Палатино, вторично лишившись имущества, бежал на остров Кефалонию, оставшийся во владениях Венеции, где и родился Иван. Рано потеряв родителей и «получа невеликое наследство, [он] искал пропитание себе в купеческом промысле». Палатино совершал поездки в Италию, «Немецкую землю» и Османское государство и был «довольно известен» грекам Вены, Венеции, Неаполя (Навплиона).

Упомянутая «духовная персона», взяв с Палатино присягу, открыла ему суть дела, а Папазоли показал грамоту императрицы, на которой стояла государственная печать, «какие на пашпортах бывают отъезжавших из Российского государства». Как позже записал Палатино: «Имевшие хотя малое о греках обхождение, довольно ведают, с какою ревностию, усердием и любовью сей народ стремится ко всероссийской империи. Следовательно, и ему, Палатину, слыша столь приятные выражения, не оставалось другого, как токмо пренебречь все, которые только можно было вообразить, опасности и примкнуть к тому все охотно»²¹. А опасности его действительно подстерегали.

Надо сказать (и это характеризует греческого эмиссара), что М. Саро приписал себе честь привлечения к исполнению миссии Палатино²². Знакомство с ним он, М. Саро, якобы свел в Триесте, где, «разведав, что он с разными маниотскими старшинами в тесном знакомстве находится (о чем Палатино не упоминает, возможно, из конспиративных соображений. – И.С.), уговорил его ехать со мною (М. Саро. – И.С.) в Левант»²³. На деле все трое из Венеции переместились в удаленный от столицы австрийский Триест, подальше от всевидящих глаз венецианского надзора, и, по-видимому, с начала навигации 1764 г., в конце

февраля – в марте, поплыли вдоль Далматинского побережья в Морею. Между тем, разнесся слух о появлении в Адриатическом море двух шебек триполийских пиратов. Сведущий в местных делах Палатино предложил пристать к венецианскому Котору и оттуда продолжать путь на венецианском фрегате. Однако ему не удалось склонить спутников к разумному решению, возможно, из-за их боязни лишней раз иметь дело с венецианскими чиновниками.

За день до прибытия к месту назначения их судно было захвачено корсарами. Палатино посоветовал Папазоли немедленно выбросить за борт все его бумаги, чтобы не открылась цель их миссии. Папазоли, оставшись, таким образом, без паспорта, «слезно молил» отдать ему австрийский паспорт Палатино. Он обещал немедленно выкупить Ивана из плена. Палатино отдал свой документ, принесся сию жертву из жалости к обреченному на гибель Папазоли. Правда, он сознавал, что, «если бы варвары дознались, что он российский офицер, и намерение поездки его открыли, [это] произвело б не токмо великое смятение, но и нанесло б неповинно многим из его, Палатино, одноземцов пагубу»²⁴. Эти соображения дают основание полагать, что Палатино имел опасные, с точки зрения турок, связи среди земляков. В результате Папазоли под именем Палатино и Саро, сопровождавший его под видом слуги, «получили свободу»; а Иван Палатино был увезен в ливийский Триполи, ограблен и три месяца терпел муки плена, пока земляки не выкупили его при посредничестве австрийского консула.

В «Записке» М. Саро эти события также переданы в иной версии: «На сем пути, к совершенному несчастью моему, был я с обоими товарищами моими захвачен триполитанскими корсарами, которые, заграбя все деньги и все мое имение, били меня нещадно, повредили ногу таким образом, что я с того времени ею почти не владею, и отвели нас в Дураццо, где случившийся, к счастью нашему, приятель мой грек Петр Ставропуло нас выкупил за триста червонцев». После этого Саро с товарищами поехал в Венецию, где другой грек Ставропуло предоставил ему кредит для покупки всего необходимого для «продолже-

ния моего (М. Саро. – *И.С.*) путешествия»²⁵. Из вторично выданной Папазоли грамоты императрицы (от 12 августа 1764 г) очевидно, что не позже начала июня того же 1764 г. Папазоли направил челобитную императрице, и не одну, в которых оправдывался, что не достиг «тех мест по причине затруднений, приключившихся ему от морских разбойников»²⁶.

Сопоставление текстов Палатино и Саро позволяет поставить под сомнение сообщения Саро о пребывании его и Папазоли в плену. Скорее всего, триполийские корсары действительно ограбили их и отправили в Дураццо, где они, являясь, согласно паспорту, австрийскими подданными, были освобождены (так полагал Иван Палатино) или все-таки выкуплены. Затем в течение трех месяцев, пока Палатино находился в плену, они добрались до Венеции и осуществляли какую-то пропагандистскую деятельность, возможно, в Химаре и остальной Албании. Во всяком случае, ко времени, когда Палатино вернулся в Венецию (а это могло произойти между концом мая и концом июня 1764 г.), Папазоли уже отправил Саро в Морею. Тогда по греческим и славянским землям поползли слухи о деятельности российских эмиссаров («от неосторожности Папазола и товарища его рассеялись в тамошних народах опасные слухи»). Сам Папазоли, видимо, дождался в Венеции восстановления своих документов и грамоты императрицы, выброшенных в море. Папазоли сообщил возвратившемуся из плена Ивану Палатино, «что отправил он Мануила в Манию, однако сомневался, чтоб сей пьяной человек в состоянии был что-либо совершить, и для того просил Палатина, чтобы и сей труд взял на себя». Это происходило в середине 1764 г.

Из-за рассеявшихся «опасных слухов» Палатино пришлось употребить всяческие предосторожности: закупить товары и под видом купца отправиться сначала в Патрас, а затем Триполицу – резиденцию морейского паши. Распродав там товары, он высказал намерение закупить сельское сырье для вывоза в Италию. Заведя дружеские связи со знатными турками, он, наконец, путем хитроумных действий, не вызвав подозрения у турецких властей, добрался до Ма-

нии, имея рекомендательное письмо от турецкого воеводы Каламаты к главе «маньятских капитанов», т.е. знатных греческих землевладельцев Мавромихали.

Иван Палатино повел этого «друга и приятеля» турецкого воеводы в церковь и, «обязав его там присягою, открыл ему намерение и причины путешествия своего». (Характерно, впрочем, что Палатино, строго придерживаясь секретности, нигде прямо не излагает суть российской миссии)²⁷. Мавромихали одобрил осторожное поведение Палатино, но тут же высказал жалобы на Саро, «притом говорил, что весьма удивляется, да и невероятным кажется, чтоб столь преславная и величайшая в свете держава похотела б поручить столь важное дело такому человеку, каков есть Мануил Саро... В рассуждении сего он, Палатино, для избежания дальних замешательств и затруднений отправил Мануила Саро на корабле с желудками²⁸, сам же остался в Мани под видом покупки масла деревянного, для которого и контракт с капитаном Кумундуракием заключил»²⁹. Вот в чем причина уже известной историкам недоверчивости Мавромихали, вызвавшей необходимость подтвердить намерение императрицы самолично Н.И. Паниным!

И снова М. Саро излагает события иначе: «С оным [Палатино] был с лишком два года (на самом же деле – всего несколько месяцев, с середины до глубокой осени 1764 г., так как Палатино находился в Мани с августа 1764 по январь 1765 г.! – *И.С.*), ездил по разным греческим островам и городам, объявлял жителям все мне здесь князем Григорием Григорьевичем повеленное, отвлекая их от повиновения к Порте Оттоманской, и научал их прибегнуть к всемогущему покровительству Великия Екатерины, защитницы их и поборницы веры их. Такими и подобными внушениями, ободряя унылой их дух, привел я старшин первейших тамошних фамилий к должной Вашему Императорскому Величеству присяге, которую они подтвердили во множестве писем, присланных потом сюда к князю Григорью Григорьевичу»³⁰.

М. Саро не только переврал сроки своего пребывания в Морее, но и, по-видимому, преувеличил масштабы своей деятель-

ности. К присяге были приведены, и не им, а Иваном Палатино, только маниотские капитаны, к тому же уже после отъезда Саро в Венецию. Кстати, в своем отчете, представленном по возвращении в Петербург, Саро присвоил себе еще и заслугу созыва собрания маниотских старшин³¹.

Согласно рассказу Палатино, Мавромихали затруднился определить позицию капитанов («точно на сие ответственность не мог»), ссылаясь на их взаимную вражду. Тогда Палатино пришлось употребить «все возможные средства, чтоб их примирить и прежнее между ними согласие и дружбу восстановить». «Достигнув сие с великим трудом, – писал Палатино, – открыл в собрании тамошних начальников, или капитанов, намерение свое, для которого к ним приехал. Что услыша, обрадовались и единогласно объявили: что они по единоверию и отличной к Ея Императорскому Величеству ревности готовы жертвовать кровью и животом для славы ея империи и спасения правоверного народа от ига варварского, обещаясь при том послать от себя поверенных ко всероссийскому императорскому двору для принесения всеподданнического повиновения и преданности»³². При этом капитаны посоветовали Ивану Палатино покинуть пределы Мани и ожидать их «поверенных» в Кларенсе.

Поскольку Палатино имел обыкновение подтверждать свои шаги документальными свидетельствами, то он взял от капитанов, как он пишет, «письменное за руками своими свидетельство, в котором, похваляя его за поступки, [они] благодарили при том за доставление им общей дружбы и согласия», как будто Палатино прибыл в Манию лишь для того, чтобы скупить «желудки» и «деревянное масло» и примирить между собой старшин! В свою очередь Мавромихали снабдил Палатино письмом к митрополиту Каламатскому и Монеувасийскому Анфиму, в котором просил изготовить «для родственников его, отправляющихся будто б для наук в европейские государства, пристойное свидетельство». Между тем речь, безусловно, шла о «пристойных» документах для маниотских «поверенных». Иными словами, секретность происходящего была тщательно соблюдена.

В свою очередь митрополит Анфим, «получа сие письмо и узнав от него втайне прямое тому намерение, весьма обрадовался и уверял, что и он в таком всевожденном для христианства случае не преминет споспешествовать всеми силами и способами, имея великую доверенность у тамошнего народа»³³. Он снабдил Палатино свидетельством от «1765-го года генваря» о том, что Палатино прибыл в Манию в августе 1764 г., пробыл там «довольное время», заключая торговые договоры, снаряжая судно с товарами, переживая морские бури, претерпевая «брани междоусобные маниятян обыкновенные», советуясь в делах с ним, митрополитом, поскольку большая часть Мании входит в его епархию³⁴. И снова текст был составлен так, чтобы устранить всякие подозрения в отношении его автора и получателя, если бы документ попал к туркам.

Таким образом, Палатино выяснил настроения маниотской светской и духовной элиты, убедился, что эта элита идентифицирует борьбу за освобождение от османского гнета с интересами российского трона и государства и готова, согласно риторике того времени, пролить кровь и положить живот за эти интересы. Оставалось получить устные и письменные свидетельства, подтверждающие эмоционально выраженные настроения маниотов. И здесь обнаружили сложности: то ли от зимней распутицы, то ли от опасений за жизнь из-за распространившихся слухов, а, быть может, из-за отсутствия официальных подтверждений позиции России или сомнений и внутренних несогласий, маниоты отложили выезд своих представителей и предложили Палатино временно, до более подходящего срока, покинуть Морею. С этим Палатино и появился в Венеции.

К этому времени Папазоли уже получил из России дубликаты своих уничтоженных документов «через английского резидента» и даже отправил в Петербург Мануэля Саро с отчетом и сообщением, «якобы уже действительно некоторые старшины из Мании находятся в готовности для отправления в Россию и для истребования на путевые расходы денежных сумм»³⁵. Таким образом, сценарий был им уже составлен.

Выслушав отчет Палатино о реальном состоянии дел и предпринятых им действиях, Папазоли подтвердил, что «весьма чувствует» труды и поступки Палатино (еще бы, ведь, отчет М. Саро был составлен на основании материалов Палатино!). Однако, так как обстоятельства переменились, он сожалеет, что в продолжении трудов Палатино нет более надобности, т.е. не следует далее вести переговоры с маниотами и ждать их представителей. Взамен этого Папазоли предложил, «чтоб он, Палатино, под именем маниятских старшин ехал бы с ним в Россию, присовокупя и прочих в товарищество под тем же именем»³⁶ (по-видимому, охотники ехать в Россию под именем маниотов уже нашлись). Возмущению Палатино не было предела, состоялся бурный диалог столь разных в нравственном отношении людей: «На такое пагубное его внушение Палатин отвечал ему: что, по-видимому, он, Папазол, еще не доволен причиненным ему толиким бедствиям, как и тем, что он для спасения его предавал себя на жертву варварам, но желает, что еще и повешен был в России. На сие сказал ему: Не опасайся, в России-де не казнят и не вешают»³⁷.

Папазоли продолжал настаивать на участии Палатино в его игре и, чтобы убедить его, посоветовал обратиться к упомянутой «духовной особе», полагая, что иерарх одобрит его образ действия. Он даже вручил Палатино несколько писем для этой персоны. В одном из них Папазоли с циничной откровенностью изложил свой замысел. Остальные три письма адресовались для передачи императрице, наследнику и Г.Г. Орлову. Они были написаны от имени «старшин и всего общества Мании», будто бы маниоты «передают себя в высочайшее благоволение и милость ея императорского величества как верные рабы и подданные, в удостоверение чего посылают от себя таких-то старшин и товарищей своих, дая им полную власть и силу что-либо постановлять и заключать во всем, что касаться будет до общей пользы и благосостояния их»³⁸. Речь, как видим, идет о политическом подлоге ради пользы дела и во имя сокрытия недобросовестного исполнения своей миссии. Впрочем, возможно, все это вполне

устроивало Г.Г. Орлова, и Папазоли это предвидел.

Духовное лицо расценило поступок Папазоли как «сумасбродный», назвав его самого «человеком опасным и обманщиком» и посоветовав Палатино ехать в Россию самостоятельно, чтобы выполнить свой долг – донести «удостоверительно» о происходящем, полагаясь на «человеколюбие и материнское призрение» императрицы. Так Палатино и поступил. Он прибыл в Санкт-Петербург с сопроводительным письмом духовной особы и с документами, которые представил Г.Г. Орлову и по его указанию передал А.В. Олсуфьеву. Среди них были: 1) известная уже копия грамоты императрицы, переписанная Папазоли (Палатино сомневался в ее подлинности); 2) три «подложных письма», написанные также «рукою» Папазоли, и его подлинное письмо, адресованное «духовной особе»; 3) «два аттестата, данные ему от митрополита Каламатского и старшин Мании»; 4) описание области Мании, составленное «тамошним капитаном Мунгакием»; 5) денежное обязательство М. Саро на сумму в 900 червонцев, истраченных Палатино на Папазоли и Саро³⁹.

Однако Мануэль Саро опередил Палатино и представил Г.Г. Орлову «весьма дельный» отчет, в котором была высказана мысль о желательности посылки российской эскадры в Средиземноморье для поддержки греческого восстания. Он писал, что по его приезду в Морею греческие старшины, среди которых был особенно активен Панайоти Бенаки, созвали большое собрание, на котором заявили, что готовы сражаться с турками. У Саро вообще создалось впечатление, будто греческое население Мореи не подчиняется туркам и их не боится, а греки, живущие среди ряда балканских народов, которых Саро посетил вместе с Папазоли, разделяют намерения морейских соотечественников относительно восстания.

Вероятно, Саро и Папазоли посетили описанные Саро края, но отчет в основном был составлен не на личных впечатлениях, а на основании «Описания Мании» капитана Мунгакиса. Так или иначе, общими усилиями картина была нарисована в радуж-

ных тонах, и отчет завершался словами, часто цитируемыми историками: «По моему усердию, смею представить и о том, чтоб отправить в Средиземное море (Архипелоус тоже) против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число: где, коль скоро бы завидели греки столь великое множество, сообщались с российскими и греческие немалые суда. Только б удовольствованы были пушками, ибо они теми недостаточны. Об них же можно сказать, что они народ смелой и храброй»⁴⁰.

По-видимому, этот отчет произвел большое впечатление и на Екатерину II. Во всяком случае, идея послать корабли и снабдить их дополнительными пушками и оружием для греков, а также тезис о том, что «греки – народ смелой и храброй», вероятно, укрепили ее в намерении организовать Архипелагскую экспедицию.

Несмотря на то, что граф Г.Г. Орлов высоко оценил миссию Саро, считая, что тот «исправил там ему порученное дело добropорядочно», – Н.И. Панин в знак своего несогласия с замыслами Орловых отказался вознаградить их эмиссара, хотя тот долгое время «беспрерывно к нему ходил». Оплата расходов Саро и его вознаграждение могли быть произведены только Коллегией иностранных дел, куда его и адресовал Г.Г. Орлов⁴¹.

Н.И. Панину была присуща более трезвая оценка состояния греческого общества, а, может быть, он также основывался на не вполне удачном опыте взаимодействия коллегии с балканскими единоверцами. О расходах между Никитой Ивановичем и Алексеем Григорьевичем свидетельствует высказывание Панина в письме к А.Г. Орлову, написанном во время Морейской экспедиции весной 1770 г., в котором он напоминал графу Алексею Григорьевичу об их спорах в Петергофе летом 1768 г.⁴² Н.И. Панин не питал иллюзий относительно возможности использовать в качестве воинской силы греков, неорганизованных в гражданском отношении, а между тем возбужденных тогда еще нереальными надеждами, подогреваемыми религиозным чувством.

Итак, в 1765 г. Н.И. Панин оставался противником замыслов Орловых, Г.Г. Ор-

лов же, надо полагать, продолжал начатое дело. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники на этот счет молчат. В зарубежной литературе, использовавшей греческие сведения, говорится, что в 1766 г. в Морею вторично направился Г. Папазоли, но уже не только зондировать настроение греков и призывать их к восстанию против Порты, а для того, чтобы сообщить о скором (?!) прибытии к берегам Греции русских кораблей с солдатами и с обещанием, согласно которому Екатерина II сделает П. Бенаки правителем Мореи⁴³.

Не вполне ясно, когда Папазоли сумел привлечь симпатии к России наиболее авторитетного и богатого землевладельца Мореи П. Бенаки, имевшего влияние и среди турецких кругов. Палатино об этом не сообщает, а сведениям Саро трудно доверять. П. Бенаки якобы собрал в своем доме светских и духовных греческих предводителей. На этом сборище был даже подписан договор, согласно которому греки выставят стотысячное ополчение, если Россия пришлет флот и вооружение для греческих воинов. К сожалению, достоверность всех этих сообщений пока не удается подтвердить⁴⁴.

Взаимоотношения российского двора с Мавромихали складывались сложнее, тот был осторожнее и не доверял обещаниям рядовых российских агентов, он желал услышать условия соглашения от персоны, облеченной властью, вместе с обещанием прислать в Морею значительные военные силы⁴⁵.

Морею посещали и другие агенты России: венецианский грек Иван Петушин; В.С. Тамара, переводчик (а в 1798–1802 гг. – российский посланник в Константинополе), отправившийся туда под предлогом проведения археологических изысканий и в пути будто бы встречавшийся с Г. Папазоли; некто Хаджи-Мурат, молдаванин, владевший турецким языком. Г. Папазоли обосновался в Триесте, где, поддерживая переписку с Г.Г. Орловым, организовал тайный центр по вербовке участников будущего восстания. Версия, согласно которой именно Папазоли подал идею начать военные операции с взаимодействия с майнотами⁴⁶, малодостоверна, поскольку импе-

ратрица отдавала приоритет Морее уже в указе 1762 г. и грамоте 1763 г.

Активность России и неосторожное поведение ее эмиссаров в Греции обратили на себя внимание турецких властей. Они провели в 1767 г. в качестве превентивных мер ряд репрессий, казнив митрополита Лакедемонии и подвергнув преследованиям влиятельных лиц. Тотчас после объявления войны у греков было изъято оружие.

Имеющиеся сведения о деятельности российских эмиссаров в Греции и на Балканах позволяют сделать некоторые заключения. Миссия Папазоли выполнила задачу, поставленную императрицей. Она осуществила зондаж настроений греческих и славянских единоверцев и утвердила Екатерину II и Г.Г. Орлова в справедливости известий, поступавших по другим каналам: греки желают поддержать Россию в войне против турок, они ожидают помощи в освобождении от турецкого гнета и поэтому идентифицируют свои интересы с военными интересами империи. Однако картина, представленная российскими эмиссарами, основывалась на энтузиазме самих эмиссаров и тех, у кого они искали поддержку; она давала представление, прежде всего, об эмоциональной реакции единоверцев. Не случайно планы Орловых, опирающиеся на подобную реакцию, вызвали противодействие Н.И. Панина, первоприсутствующего Коллегии иностранных дел, опытного в политических сношениях с Балканами.

Более основательных шагов по установлению военно-политических связей и подготовке совместных действий миссия Папазоли не сделала. Попытки Ивана Палатино предпринять реальные шаги в этом направлении Георгий Папазоли отверг, прибегнув взамен к подлогу. В этой связи можно ставить под сомнение не только результаты деятельности миссии. Подлогу не придали значения ни Г.Г. Орлов, ни кабинет императрицы, получившие свидетельство о нем от Палатино. Вряд ли следует упрекать Екатерину II в склонности к самообману. На этом этапе императрица, по-видимому, решила ограничиться зондажом, полагаясь в первую очередь на успех военной диверсии из Средиземного моря против Османской империи.

Следует иметь в виду, что установление тайных политических связей с подданными Порты, разъединенными внутренними распрями, имело свои трудности. Не случайно Екатерина II будет неоднократно предупреждать Алексея Григорьевича о необходимости объединять единоверцев. Вместе с тем, такие связи грозили в мирное время осложнить и без того трудные русско-турецкие отношения.

Свидетельства, собранные миссией, говорили о том, что в греческом обществе зрели условия для национальной консолидации. Несмотря на то, что греки относительно мирно уживались с Портой в рамках православного миллета, а их элита умела поддерживать едва ли не дружеские отношения с турецкими властями (это касалось местных лидеров – таких, как Мавромихали и Бенаки), внутри общества происходило сильное брожение, основанное на неприязни турецкого владычества, существовали тайные каналы информации и своя система конспирации, в которых большую роль играла церковь. Впрочем, в регионе еще не возникли силы, способные организовать и возглавить национальное освобождение. Драма греческого народа, которой завершились во время войны совместные действия, стала сильным импульсом для последующего развития национально-освободительного движения.

Примечания

¹ *Choiseul-Gouffier*. Voyage pittoresque de la Grèce. P., 1782. Part I, p. IX, 4, 6.

² *Rulhiere Cl.* Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette Republique. Vol. 1–8, P. 1797. О Рюльере и его книге см.: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 39–40.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. Государственный архив, разряд XV, д. 146, л. 10–11 об.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, 1776–1795 гг., д. 5644, л. 105–114 и Приложение, л. 115–119. Г.Л. Арш ввел документ в научный оборот в написанной им главе «Греция: Торговля. Просвещение. Война 1769–1774 гг. Восстание в Море» в книге «История Балкан. Век восемнадцатый». М.: Наука, 2004. С. 422–444.

⁵ РГАДА. Ф. 10, оп. 1, ед. хр. 645, л. 94–95.

⁶ АВПРИ, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2, д. 5644, л. 115.

⁷ Его имя пишут по-разному. И.И. Лециловская предпочитает написание Папа-Огли. См. ее: Сербский народ и Россия в XVIII в. СПб., 2006. С. 76.

⁸ *Rulhier Cl.* Histoire de l'anarchie de Pologne // Oeuvres. Т. III. P. 290–293; *Camariano-Cioran A.* La guerre russo-turque de 1768–1774 et les grecs // Révue des études sud-est européennes. Bukarest. 1965. V. III. № 3–4. Рюльер называл Папазоли Папаз-оглы (Papaz-Ogli), предложив весьма сомнительную этимологию этого имени – «Сын священника». Однако «оглы» в Османской империи обычно присоединялось к знатым турецким фамилиям.

⁹ См.: *Виноградов В.Н.* Трагедия на реке Прут // История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 55–63; *Лециловская И.И.* Указ. соч., с. 25–72. Еще в 1745 г. российский резидент в Константинополе А.А. Вешняков доносил Елизавете Петровне о том, что «вся Греция, острова и сам Константинополь в одно время возьмут крест и побегут на помощь Вашего Императорского Величества» (*Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Т. I. С. 136–137).

¹⁰ РГАДА, ф. 10. Кабинет Екатерины II, оп. 1, д. 645, л. 94.

¹¹ Иван Палатино в своем «Прошении» писал о себе как человеке, «которой за честь и любовь имени Ея (императрицы. – И.С.) и за достоинство империи предпринял такой подвиг и жизнь свою предавал в жертву». (АВПРИ, ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 2, 1776–1795 гг., д. 5644, л. 111).

¹² История Балкан. Век восемнадцатый, с. 435. Следует иметь в виду, что грамота, приводимая Палатино, представляет собой дубликат грамоты, выданной Г. Папазоли при его отъезде из России и выброшенной вместе со всеми документами за борт корабля, захваченного триполийскими корсарами.

¹³ *Маркевич А.И.* О посылке грека Георгия Папазоли на Балканский полуостров в 1763–1764 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей российских. Одесса, 1896. Т. 19, отд. 4. С. 42–46.

¹⁴ Archivio di Stato di Firenze. Sigreteria e Ministero degli Esteri, pezzo 2317.

¹⁵ Так называл себя, например, Порфирий Успенский, основатель первой духовной миссии в Иерусалиме в 1847 г.

¹⁶ *Лециловская И.И.* Указ. соч. Гл. II. Сербский народ и официальная Россия.

¹⁷ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. XIV. Т. 28. С. 295.

¹⁸ Иван Палатино пишет: «В Эпире, южной части Албании, живут химариоты. Народ весьма храбрый и сильный, которых венециане употребляют в военную службу, а у короля неаполитан-

ского составляют один полк гвардии под именем Македонского, а полковник оного граф Карафа родом из Кафалонии. По прошествии трех годов возвращаются они в отечество свое, а на их места никто не вступает, кроме одноземцев их, чрез что они сверх природной их храбрости приобретают еще и в воинской эксерции довольно сведение и способность» (АВПРИ, ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 2, 1776–1795, д. 5644, л. 112).

¹⁹ Цит. по: *Ари Г.Л.* Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768–1774 г. Восстание в Море // История Балкан. Век восемнадцатый. С. 434–435.

²⁰ Собственноручный журнал капитан-командира (впоследствии адмирала) С.К. Грейга // Морской сборник. 1849. Т. II. № 10 (октябрь). С. 653.

²¹ Там же.

²² «Товарищ мой Иван Палатино, не приданный мне от Вашего Высочайшего Двора, а мною самим только на пути взятый и не знавшей почти ничего из вверенной мне тайны»(?) (АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 2, д. 5644, л. 106).

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 107.

²⁵ РГАДА. Ф. 10, оп. 1, д. 645, л. 94 об.

²⁶ АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 2, д. 5644, л. 115 об.

²⁷ Как участник секретной миссии, Палатино и позднее, находясь в Петербурге, хранил тайну: «никому о том не открывал, а отзывался к знакомцам и приятелям своим, которые ведашь домогались (видимо, о цели его пребывания в столице России. – *И.С.*), что просьба его состоит в некоторой сумме денежной, которою он ссудил в Италии одного российского офицера, посланного туда для [сопровождения] колонистов». На деле речь шла о возвращении девятисот червонцев, истраченных им на Папазоли и Саро. Там же, л. 110 об.

²⁸ Видимо, чернильные орешки.

²⁹ АВПРИ. Ф. 2, оп. 2, д. 5644, л. 108.

³⁰ РГАДА. Ф. 10, оп. 1, д. 645, л. 94 об. – 95.

³¹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 272.

³² АВПРИ. Ф. 2. Внутренние коллежские дела, оп. 2, д. 5644, л. 108 об.

³³ Там же, л. 109.

³⁴ Там же, л. 116.

³⁵ Там же, л. 109 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 110.

³⁹ В АВПРИ к «Прошению» Палатино приложены только грамота, «аттестат» митрополита Каламатского и «Описание Мании» Мунгакиса.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 15. Госархив, ед.хр. 146, л. 95–95 об.

⁴¹ Спустя много лет на горестное прошение Саро, пожертвовавшего своим «здоровьем и именем» ради затеи Г.Г. Орлова, ему было пожаловано ... 300 рублей. Впрочем, известно, что Палатино получил не на много больше – 400 руб. И это не была причуда и каприз первоприсутствующего Коллегии, а следствие расхождений во взглядах с Орловыми и, возможно, результат разоблачений Ивана Палатино, доставившего в Россию упомянутые документы в том же 1765 г.

⁴² См.: Письма графа Н.И. Панина графу А.Г. Орлову во время Морейской экспедиции // Русский архив. 1878. № 12. С. 40.

⁴³ В литературе даже высказывалось предположение, что Екатерина даровала Бенаки генеральский чин: *Nagata Y.* Greek Rebellion of 1770 in the Morea Peninsula – Some Remarks through the Turkish Historical Sources // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko [Japan]. 1988. P. 90.

⁴⁴ Большинство этих сведений приводится в весьма содержательной статье румынской исследовательницы Ариадны Камариано-Чоран (*Camariano-Cioran A.* La guerre russo-turque de 1768–1774 et les grecs). Однако они нуждаются в проверке. Работа А. Камариано-Чоран, наряду с заслуживающими внимание положениями и более или менее продуктивными гипотезами, часть из которых, правда, слишком категорична, содержит ряд неточностей. Выводам этой исследовательницы вредит и идеологическая ангажированность.

⁴⁵ *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970, с. 78; *Camariano-Cioran A.* Op. cit., p. 518–519. Ариадна Камариано-Чоран полагала, что Папазоли выезжал в Грецию лишь один раз – в 1763 или 1766 году. Прошение Ивана Палатино не оставляет сомнения в том, что Папазоли в 1763 г. в Греции не был, возможно, он посетил Балканы в 1766 г. вторично, после чего затаился в Триесте.

⁴⁶ *Camariano-Cioran A.* Op. cit., p. 519, 520.

А.Ш. Кадырбаев

**РОССИЯ НА РУБЕЖАХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
НАКАНУНЕ ПОСОЛЬСТВА Е.В. ПУТЯТИНА В КИТАЙ
(1844–1857 гг.)**

Известность графа Евфимия Васильевича Путятина, генерал-адъютанта и вице-адмирала, члена Государственного совета Российской империи, министра народного просвещения, как государственного и военного деятеля нашей страны в XIX в. уступает только его славе дипломата, заключившего первый в истории договор России с Японией. Эта страница его жизни достаточно хорошо известна, во многом благодаря писателю И.А. Гончарову, участвовавшему в дипломатической миссии Путятина на Японские острова и написавшему об этом книгу «Фрегат “Паллада”». Не умаляя значения трудов Путятина в установлении и развитии российско-японских отношений, следует сказать, что все же главным делом его жизни во благо России была дипломатическая миссия 1857–1858 гг. в Китай. Путятин отправился ко двору императора маньчжурской династии Цин, имя которого Ичжу, а девиз годов правления Сяньфэн, с целью присоединения Приамурья и Уссурийского края к России.

Посольству Е.В. Путятина предшествовали события, когда Россия выходила на рубежи Дальнего Востока. Свет на эти события проливают материалы Российского государственного архива Военно-морского флота, впервые здесь вводимые в научный оборот, и мемуары адмирала Г.И. Невельского и путешественника М.И. Венюкова. Содержащиеся в них сведения предоставляют возможность под новым углом зрения рассмотреть военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке в середине XIX в., а также положение народов, там обитавших.

Идея о присоединении к России Приамурского края была выдвинута Николаем I в 1844 г. Император, «несмотря на представленные ему опасения о возможности разрыва с Китаем, о неудовольствии Европы, и в особенности англичан, и, наконец, несмотря на убеждения, что действия наши

не принесут пользы, ибо знаменитыми мореплавателями доказано, что устье реки Амур недоступно с моря, – пожелал все же осуществить мысль своего прапрадеда (Петра Великого. – *Авт.*) и бабки (Екатерины Великой. – *Авт.*). Все доводы графа Нессельроде (государственного канцлера и министра иностранных дел. – *Авт.*) не могли поколебать воли императора»¹. Командиром предполагаемой экспедиции для установления торговых отношений с Китаем и Японией и для исследования лимана и устья Амура на предмет его доступности для мореходных судов прочили Е.В. Путятина, тогда еще в звании капитана 1-го ранга. «В Черном море снаряжалась в то время экспедиция, состоявшая из корвета “Менелай” (“Оливуца”) и транспорта под началом Е.В. Путятина. Экспедиция эта должна была следовать в Китай и Японию с целью установления торговых отношений с этими государствами, и ей... было приказано обследовать лиман и устье Амура... чтобы убедиться, действительно ли справедливы заключения знаменитых мореплавателей о недоступности устья реки для мореходных судов и действительно ли справедливы сведения, будто это устье охраняется значительными китайскими силами. Министр финансов, от которого требовалось на содержание этой экспедиции 250.000 рублей серебром, в особой записке Николаю I писал: “При... несуществовании нашей торговли в Восточном (Тихом. – *Авт.*) океане и неимении в виду, чтобы когда-либо могла существовать даже эта торговля без утверждения нашего в Приамурском крае, – единственно полезной целью отправления Е.В. Путятина, я полагаю, будет поручение удостовериться... в справедливости сложившегося убеждения о недоступности устья реки Амур – обстоятельства, обуславливающего степень полезности для России этой реки и орошаемого ею края. Но для

разрешения этого вопроса не требуется снаряжения такой большой и дорогостоящей экспедиции, а гораздо лучше... произвести исследования Амурского лимана и устья реки Амур через Российско-Американскую компанию, поручив ей отправить к устью этой реки на счет казны настоящее судно из колонии»». Это мнение министра финансов было утверждено Николаем I и экспедиция Путятина была отменена².

Надо отметить, что и власти Цинской империи, и западноевропейцы также слабо представляли себе географию Приамурья. Благодаря российским синологам Н.Я. Бичурину и В.П. Васильеву были получены данные об имевшихся сведениях в китайских источниках по этому вопросу. Оказалось, что наиболее полный из них – глава Шуй Дао-тигана об Уссуре, составившая часть официального описания Маньчжурии, не являясь оригинальной работой. К IV тому книги французского автора Дю Гальда «Описание Китая и Китайской Татари» была приложена карта Ж.Б. Данвиля (1697–1782), члена Парижской и Петербургской Академий наук, которая содержала все данные, приведенные в Приамурской части официального китайского описания Маньчжурии. «Позволительно даже думать, – замечал русский путешественник и исследователь Приамурья и Уссурийского края М.И. Венюков, – что именно эта карта или данные, по которым она составлена, то есть съемки иезуитов (западноевропейских католических миссионеров. – *Авт.*) в первой четверти XVIII столетия, были главным источником, по которым сочинена глава Шуй Дао-тигана об Уссуре, переведенная Васильевым. По крайней мере все ошибки карты совершенно повторены в описании или наоборот». Незнание китайцами географии Приамурья и Уссурийского края отрицательно сказалось на китайских картах Маньчжурии, в чем убеждает снятая с китайского оригинала карта, приведенная у Бичурина, и рукописная карта Ладыженского. Поэтому Венюков писал: «Данными китайской картографии надобно пользоваться как можно менее, даже если бы они служили только для пополнения других»³. Настолько плохо была ведома цинским властям

далекая река, право владения на которой они оспаривали у России.

Бриг «Константин», направленный Российско-Американской компанией в 1845 г., сделал неудачную попытку исследовать устье Амура и подтвердил неверные представления о том, что Сахалин является полуостровом, а морские суда из-за мелководья не могут входить в устье Амура. Однако его капитан А.М. Гаврилов «не заметил никаких признаков правительственного китайского влияния на эти места и на обитателей гиляков (нивхов. – *Авт.*), которые везде принимали его ласково и объясняли, что они никому ясака не платят»⁴. Из этого следовало, что нивхи, коренные жители Приамурья и Сахалина, были неподвластны до прихода русских ни цинским властям, ни какой-либо другой державе. Это было подтверждено экспедицией под начальством подполковника российского Генерального штаба Н.Х. Ахте (иногда пишут Агте), отправленной в 1848 г. на Дальний Восток для проверки слухов о пограничных знаках или столбах, якобы выставленных цинскими властями в Приамурье. В составе экспедиции находились различные специалисты, в частности, астроном Л.Е. Шварц, горный инженер Н.Г. Меглицкий, топографы Крутиков и Карликов. Их многочисленные маршруты в самых разных направлениях показали, что ни о каких пограничных цинских знаках в Приамурье не было и речи.

В 1849 г. маленький транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г.И. Невельского был направлен на Дальний Восток. Экспедиция получила инструкции начальника Главного морского штаба Российской империи адмирала, генерал-адъютанта, князя А.С. Меншикова, а в ее подготовке принял участие только что назначенный генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев. В итоге исследований было доказано островное положение Сахалина и доступность Амура для входа в него морских судов с севера и юга. Так что именно русским принадлежит честь первооткрывателей этих земель и рек.

Этот успех послужил обоснованием для организации Амурской экспедиции в 1850–1855 гг. под началом ставшего к этому вре-

мени капитаном 1-го ранга Г.Н. Невельского. Вопреки данным ему инструкциям, Невельской основал Николаевск-на-Амуре (ныне Комсомольск-на-Амуре. – *Авт.*) и поднял там Андреевский флаг, заявив тем самым о принадлежности Приамурья России. За это он оказался под угрозой разжалования в матросы. Невельского спасло заступничество А.С. Меншикова и Н.Н. Муравьева. Деятельность Амурской экспедиции имела своими результатами учреждение российских постов на Сахалине и в Приамурье и практически означала начало освоения русскими этого края.

В 1854 г. первый российский корабль «Восток» из состава эскадры вице-адмирала Путятина, прибывшей на Дальний Восток, вошел в устье Амура, подтвердив правоту Невельского. «За занятие острова Сахалина, открытие Императорской гавани (ныне Советская гавань. – *Авт.*), открытие каменноугольных ломок, опись берегов Сахалина, основание Муравьевского, Ильинского и Константиновского постов»⁵ Г.И. Невельской был награжден орденами Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны с императорскою короною и 25 августа 1854 г. произведен в контр-адмиралы. Деятельность Муравьева, Невельского и его команды в Приамурье обусловили и во многом подготовили успех дипломатической миссии Е.В. Путятина в Китае в 1857–1858 гг.

Причина назначения графа Путятина главой российских дипломатических миссий в Японию и Китай изложена в секретной инструкции Морского (военно-морского. – *Авт.*) министерства Российской империи: «Копия. Секретная инструкция Графу Адмиралу Путятину по морской части. На подлинной (подлиннике. – *Авт.*) собственно (рукою. – *Авт.*) его Императорского Величества (Николая I. – *Авт.*) написано: “Исполнить”, к начальнику Главного Морского штаба: “В Петергоф 13 августа 1852 г.”». Вероятно, на основании этой инструкции на следующий день, 14 августа 1852 г., появилась резолюция начальника Главного морского штаба А.С. Меншикова: «По особому Высочайшему повелению Ваше Превосходительство (Путятин. – *Авт.*) избраны исполнителем видов нашего пра-

вительства для установления политических и торговых связей России с Японию. О путях и мерах достижения этой цели Вы получите подробную инструкцию от Министерства иностранных дел. На Морское (министерство. – *Авт.*) же возложено доставить Вам зависящие от него средства к удобнейшему исполнению сего важного поручения и тем вместе указать Вам на то, что могло бы Вами быть при этом исполнено и для пользы нашего правительства собственно в морском отношении. Вследствие сего обязываюсь сообщить: 1. О средствах, предоставляемых Вам Морским министерством: а. Фрегат “Паллада” под командованием фл.-адмирала Унковского вверяется в полное Ваше распоряжение как лица, уполномоченного для сношений с Японию <...> В заключение мне остается только присовокупить, что изведенные Вашего Превосходительства опытность познания и усердие в службе дают полное право ожидать, что вверяемые Вам благосостояние команды и судов и честь Русского Флага будут с достоинством поддержаны в этой экспедиции, что оправдаете вполне выбор, высоким доверием к Вам Государя Императора утвержденный»⁶.

Задачи, поставленные российским правительством перед Путятиным, не ограничивались установлением отношений с Японией. При этом А.С. Меншиков предписал Путятину «воздерживаться до последней крайности в своих отношениях от всяких неприязненных [действий], особливо противу японцев и китайцев...»⁷. Таким образом, российское правительство изначально в отношениях с Японией и Китаем руководствовалось принципом избегать любых обострений и демонстрировать миролюбие, что так контрастировало с политикой западных держав на Дальнем Востоке.

В январе 1853 г., после командировки в Великобританию, где Путятин приобрел по заказу российского правительства винтовую шхуну «Восток» (о которой уже говорилось выше как о первом корабле, вошедшем в устье Амура), он в ее сопровождении на фрегате «Паллада», прибывшем из Кронштадта, с берегов туманного Альбиона отбыл на Дальний Восток. 24 марта 1853 г. Путятин достиг самой южной точ-

ки Африки – мыса Доброй Надежды, затем за тридцать дней совершил переход через Индийский океан и на пути в Японию зашел в китайский порт Гонконг (Сянган) для пополнения запасов продовольствия. Так состоялось его первое знакомство с Китаем. Там к отряду Путятин присоединились корвет «Оливуца» и транспорт Российско-Американской компании «Князь Меншиков». Во время пребывания в Японии Путятин, ожидая ответа японских столичных властей из Эдо (ныне Токио) на бумаги, переданные им от имени российского правительства, во главе подчиненных ему кораблей покинул Нагасаки, где находился во время визита в эту страну, и посетил Шанхай. Едва ли не первые знания русских о Шанхае почерпнуты из путевых заметок члена миссии Путятин И.А. Гончарова, запечатлевшего яркие картины этого города, названного им «Желтым Вавилоном».

В 1854 г., возвращаясь после завершения своей успешной дипломатической миссии в Японии, из опасения действий Великобритании и Франции, с которыми Россия находилась тогда в состоянии войны (форпост на крайнем востоке ее владений, Петропавловск-Камчатский, был атакован англо-французской эскадрой), Путятин направился на родину кружным путем. Он посетил Манилу, Пионвинто, Гамильтон и 13 пунктов в Корее, описав ее побережье⁸. Тогда же Путятин на южном побережье Приуссурийского края, близ корейской границы, открыл обширную, закрытую от всех ветров бухту, названную им бухтой капитана Посьета, а далее к северу – бухту Св. Ольги. Таким образом, сведения, полученные от населения реки Уссури, оправдались. В мае 1854 г. Путятин представил рапорт великому князю и генерал-адмиралу Константину Николаевичу Романову, брату царя и морскому министру Российской империи, о пребывании фрегата «Паллада» и других российских кораблей у берегов Кореи и переговорах с ее местными властями.

Затем Путятин на шхуне «Хеда», построенной в Японии, направился в Петропавловск-Камчатский. Не найдя там российских кораблей, он поплыл в Татарский пролив; по пути зашел в Императорскую

гавань, где узнал, что российская эскадра ушла в лиман, и немедленно туда же последовал, счастливо избежав, благодаря туману, неприятельских крейсеров, блокировавших берега Татарского пролива. Здесь хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что, «понудив неприятеля (Великобританию и Францию. – *Авт.*) блокировать побережье края, [русские] заставили его этим заявить перед Европой, что Приамурский и Приуссурийский бассейны принадлежат не Китаю, а России. Это показывает сосредоточение наших судов на устье Амура в 1854 и 1855 годах и блокада англо-французов в 1855 году берегов Татарского пролива как берегов неприятельских, то есть наших, ибо только мы и были тогда их неприятелями»⁹, а не китайцы. В связи с угрозой нападения англо-французской эскадры на Императорскую гавань «Путятин, находя Константиновскую бухту Императорской гавани весьма удобной для защиты против ожидавшихся превосходных сил неприятеля, немедленно приступил к укреплению этой позиции», где к 20 мая 1854 г. «сосредоточились: фрегат “Паллада”, транспорт “Иртыш”, шхуна “Восток” и корабли Российско-Американской компании “Николай” и “Князь Меншиков”. Кроме того, там собрались все команды, снятые с Сахалина и Муравьевского поста»¹⁰.

У одного из неприятельских судов шхуна «Хеда» в густом тумане незаметно прошла под кормой. Вице-адмирал Путятин и капитан 2-го ранга К.Н. Посьет в исходе июня вошли в Амур и потом подошли к Николаевску-на-Амуре. В августе Путятин с Посьетом на паровом катере «Надежда» отправились вверх по Амуру в Забайкалье. Это было первое российское судно, поднимавшееся по Амуру. Плавание его совершалось медленно и было сопряжено с величайшими затруднениями и лишениями. Тогда русские «не имели на Амуре постов, в которых пароход мог бы запастись продовольствием и дровами, почему он был загружен и вынужден был иметь на буксире тяжелый баркас; дрова же для топлива рубили прямо с корня. Кроме того, вода в верховьях реки была необыкновенно низка, и на реке обнаруживалось много банок и мелей. Холода наступили весьма рано,

так что, не доходя около 300 верст до Усть-Стрелочной станции, адмирал Е.В. Путятин встретил шугу (лед. – *Авт.*) и вынужден был, приковав пароход и баркас к скале, оставить их тут же на зимовку, а сам со всеми своими спутниками с невероятными лишениями и усилиями добрался пешком по берегу (в начале ноября. – *Авт.*) до Усть-Стрелочной станции, а оттуда через Иркутск проехал в Санкт-Петербург»¹¹.

Все это было прелюдией к более ответственному поручению, данному Путятину российским правительством в 1857 г.

Активизация российской политики на Дальнем Востоке после Крымской войны была обусловлена стремлением обезопасить дальневосточные владения России, подвергшиеся в ходе войны нападению со стороны Великобритании и Франции (когда гарнизон и ополчение местных жителей Петропавловска-Камчатского отразили нападение англо-французского десанта). С этой целью было решено присоединить к России тогда еще «ничейные» земли Приамурья и Уссурийского края с западным побережьем Японского моря до границ Кореи (ныне Хабаровский и Приморский края). К тому же эти территории оставались спорными в отношениях России и Китая уже не одно столетие, границы между двумя государствами не были определены, хотя российские власти на Дальнем Востоке предпринимали в этом отношении односторонние действия без консультаций с цинской стороной. Как сообщал 28 марта 1855 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев военному министру, был учрежден казачий пост в составе сотни человек на левом берегу Амура при устье реки Буреи «для выяснения условий поселения казаков в этой местности, признаваемой и нами и местными жителями принадлежащей России»¹².

Следует сказать, что и цинское правительство санкционировало отдельные поселения своих подданных маньчжуров в Приамурье, хотя и не проводило целенаправленной и системной колонизации региона китайскими переселенцами.

Что касается коренных жителей новых владений России, то «население берегов Уссури и всех... местностей очень мало-

численно. <...> Если принять во внимание те населенные пункты, которые... находятся в стороне от Уссури, на ее притоках и в береговой полосе, то едва ли все число обитателей крайнего Востока Азии между Уссури и морем, от 44 градуса параллели до Императорской гавани, будет простираться более чем до трех тысяч душ... то есть население здесь в восемь раз слабее, чем средним числом в Сибири... Гольды (на-найцы. – *Авт.*), наиболее многочисленное племя, распространены по всей Уссури, от Амура до притока Добиху и потом вверх по этой реке. На Уссури, от Добиху до вершин, большинство туземцев составляют орочи. Вся приморская полоса нагорья, особенно к северу от 46 параллели, преимущественно обитаема орочами... Народы-звероловы, населяющие весь Восток Азии... гольды... и орочи. Почти все имеют дома; но все они летом предпочитают юрты, с которыми и кочуют по берегам реки... Шаманство есть, по-видимому, господствующая система религиозных понятий у гольдов... Необходимую принадлежность гольда... составляют оружие для охоты и разного рода снаряды для рыбной ловли. Несмотря на то, что звериный промысел у них составляет одно из главных занятий, которое доставляет часть пищи и зимнюю одежду, они мало имеют ружей и часто ограничиваются употреблением лука со стрелами и копьями... Белки, соболи и лисицы составляют преимущественный предмет... осенней ловли. Когда период этой охоты кончится, тогда продолжают заниматься ловлей зверей разными снастями или ловушками, которые в большом употреблении, особенно на соболей... промышленяют медведей... преследование других больших зверей – ирбизов, диких коз, изюбрей – продолжается круглый год. Их кожи, после незначительной выделки, употребляются на обувь и на зимнюю одежду... собаки в большом количестве... почти у всех гольдов; кроме охоты, они употребляются и для езды... Для рыбной ловли каждый гольд... имеет всегда с собой острогу, которой бьет не только крупных осетров и белуг, но и более мелких сазанов, лещей и др... употребляют и сети. Вода вообще такая стихия, на которой гольды проводят едва ли не

столько же времени, как и на земле... Кроме звериной и рыбной ловли... они сеют ячмень, просо, кукурузу, картофель, огурцы и табак. Табак составляет для них необходимость... таковы главные черты ежедневного... быта гольдов на Уссури... Никаких признаков общественного устройства у них не заметно. Не только государственные организации, но и патриархальный родовой быт у них не созрели... Несколько слов о китайцах (пребывающих в Уссурийском крае. – *Авт.*). Переселенцы эти из Срединного царства одолжены своим пребыванием на Уссури или бегству от преследований (цинских. – *Авт.*) законов, или стремлением нажиться за счет туземцев и через отыскивание жень-шеня... беглые китайцы верховьев Уссури, Лифулэ и Фудзи... живут постоянно, большими артелями, и кроме земледелия, а зимой звероловства ничем не занимаются... Они почти не имеют женщин в своем обществе и женятся иногда на ороченках»¹³, – сообщает М.И. Венюков. В 1858 г., в год заключения российско-китайского Тяньцзиньского договора, он по распоряжению властей Восточной Сибири организовал научную экспедицию в Уссурийский край с целью изучения народов, там обитавших, и ставших с этого времени подданными России. Это было непростым и даже рискованным предприятием, и печальная судьба французского миссионера Де ла Брюньера, незадолго до путешествия Венюкова убитого в низовьях Уссури местными жителями, наглядное тому подтверждение.

Кроме нанайцев, орочен и орочей, в Приамурье и на Сахалине жили также нивхи и удэгейцы. Переход в подданство России обеспечивал всем им защиту от произвола цинских пограничных властей и криминальных элементов из числа беглых китайцев.

Следует заметить, что появление российских властей и переселение русских в Приамурье и Уссурийский край не встретило противодействия со стороны коренных народов, их отношение к русским было скорее доброжелательным, что было обусловлено, прежде всего, российской политикой по отношению к коренному населению края. Г.И. Невельской свидетель-

ствует: «Раз предупрежденное энергическими мерами готовившееся восстание нескольких гиляцких селений, подстрекаемых к этому маньчжурскими купцами, которым мы делались соперниками в торговле и, главное, не позволяли спаивать гиляков и нахально обирать их, наказывая за это по-русски, в присутствии гиляков; строгое соблюдение нами как бы священное для гиляков обычаев и, наконец, строгое взыскание при них же и с наших людей за всякую причиненную им обиду – постепенно располагали гиляков в нашу пользу... поселяли к нам уважение и убеждение, что мы пришли к ним не с тем, чтобы их поработить, как старались внушить им маньчжуры, но напротив, защищать их от всяких насилий и не касаться их обычаев. Они скоро поняли, что мы не хотим благодетельствовать их нашими реформами, несродными им, и, наконец, что мы глубоко вникаем в их нравы и обычаи и маньчжуров не боимся»¹⁴.

Вероятно, предпочтительное отношение местного коренного населения к русским, нежели к маньчжурам и китайцам, сыграло свою роль в мирном переходе Приамурья и Уссурийского края под юрисдикцию России, что делает честь российской политике.

Но не все в высшем эшелоне власти Российской империи были готовы принять действия Муравьева по освоению Приамурья, что очевидно из отзыва товарища министра иностранных дел Л.Г. Сенявина, представленного великому князю К.Н. Романову, о предположении Н.Н. Муравьева устроить казачий пост при устье Буреи для организации последующего поселения: «Поселение там казаков на землях, которые, на основании существующего между нами и китайцами и находящегося еще в действии трактата, принадлежат Китаю, не может, по мнению моему, не почитаться нарушением трактата, и, следовательно, должно возбудить небезосновательные жалобы со стороны Китайского правительства»¹⁵. Заявление Сенявина о принадлежности в это время Приамурского края цинскому Китаю вызывает удивление; по крайней мере, подобное утверждение весьма спорно. Можно говорить о претензиях Цин на эти земли, но не более того. Так что канц-

лер Нессельроде был не одинок в правящей верхушке России в своих сомнениях по поводу целесообразности присоединения к России Приамурья и Уссурийского края.

Вместе с тем «надобно, однако, заметить, что на виду были предположения еще более смелые», то есть в правящей российской элите были настроения не ограничиваться приобретением на Дальнем Востоке только Приамурья и Уссурийского края. «Осенью 1857 года вышла в Лондоне карта всего света, изданная... официальным английским картографом Станфордом. На ней русская граница в Восточной Азии была проведена по прямой линии от Абагайту к Желтому морю, так что почти вся Маньчжурия признавалась русскою провинциею. Говорили, что границу эту Станфорд провел по указаниям нашего военного агента Н.П. Игнатьева, а этот последний будто бы выразил чертежом мысль и предположение императора Николая; но за достоверность этих слухов я не ручаюсь и заношу их сюда как слухи, носившиеся в среде, которая до некоторой степени призывалась к подаче голоса по амурским делам и интересовалась всякого рода относившимися к ним предположениями»¹⁶, – пишет М.И. Венюков. Вполне возможно, что англичане издали эту карту с провокационной целью прощупать, насколько далеко простирались территориальные аппетиты Российской империи в отношении цинского Китая. Но, как бы то ни было, хотя подобные настроения присутствовали в российской правящей элите, она не обольщалась несбыточными на тот момент мечтами и ставила перед собой только реальные, пусть и нелегко достижимые, цели, которые тогда заключались в присоединении к России Приамурья и Уссурийского края.

Экспансия в Китай стран Запада, в авангарде которых шли Великобритания и Франция, со времени их победоносных «опиумных войн» 1840-х годов, когда Китай постепенно начал утрачивать свой суверенитет, вплоть до разрешения иностранцам свободного судоходства на его внутренних реках, несла угрозу и России, если бы реки Усури и Амур стали внутренними реками Китая. Поэтому взаимоотношения с цинским Китаем, с которым Россия имела

государственную границу, одну из самых протяженных в мире, в то время с еще нерешенными территориальными проблемами, являлись для нее вопросом национальной безопасности. К этому следует добавить, что Российская империя имела свои экономические, торговые и военно-политические интересы в Китае и тоже была не прочь принять участие в разделе сфер влияния мировых держав в этой стране.

Вышеизложенные обстоятельства предопределили задачи посольства Е.В. Путятина в Китай в 1857–1858 гг. как наиболее приоритетного мероприятия в комплексе военно-политических акций, осуществлявшихся тогда высшим руководством России в отношении Цинской империи, основной целью которого являлось присоединение к России Приамурья и Уссурийского края.

Примечания

¹ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Хабаровск, 1969. С. 63.

² Там же. С. 63–64.

³ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 228.

⁴ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 69.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 283, оп. 2, д. 5995, л. 38. Копия секретной инструкции г. адм. Путятину по морской части. № 1466, 14 авг. 1852.

⁷ Там же. Ф. 410, оп. 1, д. 1558. Канцелярия Морского министерства: Резолюция нач. ГМШ об отправлении экспедиции в Китай, Охотское море и Японию. 10 июля 1843 г. – 26 апреля 1844 г.

⁸ Там же. Ф. 283, оп. 2, д. 5995, л. 25, 34; ф. 410, оп. 1, д. 1558.

⁹ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 385.

¹⁰ Там же. С. 355.

¹¹ Там же.

¹² РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, ед. хр. 1031, л. 13–13 об. Копия.

¹³ Венюков М.И. Указ. соч. С. 128–136.

¹⁴ Невельской Г.И. Указ. соч. С. 137.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1016, л. 1. Копия записки об отношениях России с Китаем, представленной его Императорскому Высочеству генерал-адмиралом С.С. Ребиндером в 1855 г.

¹⁶ Венюков М.И. Указ. соч. С. 71.

Г.В. Горячкин

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЕГИПТЯНИНА Поездка Мухаммеда Талаата в Петербург в 1906–1907 гг.

В 1907 г. в каирском издательстве «Дар ат-такаддум» («Прогресс») вышла книга Мухаммеда Талаата «Путешествия и наблюдения» («ас-Сейр ва-н-Назар»). В небольшом пояснении к ней говорится, что «записки автора... содержат сведения о русских землях, о положении мусульман на них, а также о Тунисе, Тараблусе и Мальте, об отношении к мусульманам во Франции, Англии и России».

В отличие от россиян, совершавших немало путешествий в Египет в средневековье и новое время, египтяне ездили в Россию крайне редко, а опубликованные записки об этих поездках до книги Мухаммеда Талаата вообще не известны. Тем ценнее для нас эта небольшая (80 страниц малого формата) книга, благодаря которой мы можем судить о том, как воспринимали египтяне Россию и русских столетие назад.

История поездки Мухаммеда Талаата в Петербург началась в августе 1906 г., когда в каирском доме его посетил Сабир Алим-эфенди – татарин, выпускник мусульманского университета аль-Азхар. Он вручил Талаату письмо своего татарского друга, российского подданного Лутфаллы Шукри аль-Исхаки, который, как и его брат Ахмед-эфенди Исхаки, тоже был выпускником аль-Азхара. Оба получили отличное религиозное образование и провели значительное время на Востоке, в частности, в Египте, в Хиджазе и в Сирии. Мухаммед Талаат был знаком с братьями уже давно. «Нас связывала, – пишет он в книге, – взаимная любовь и прочная дружба, что подтверждается касыдой, которую я посвятил им в 1902 г.» (с. 12).

Из письма Мухаммед Талаат узнал о том, что его приглашают в Санкт-Петербург в качестве редактора арабской газеты «ат-Тильмиз» («Ученик») с окладом 100 рублей в месяц. Поначалу он не принял это приглашение, побоявшись революционных волнений в России. Однако, «благодаря на-

стойчивости одних и давлению других», Мухаммед Талаат согласился и уже 16 октября 1906 г. отплыл из Александрии на «самом большом и чистом» пароходе Русского Общества Пароходства и Торговли «Чихачев», делавшем по 19 морских миль в час (с. 13–14).

25 октября пароход прибыл в Одессу. Поскольку нашего путешественника главным образом интересовали мусульмане, проживающие в России, то первое, что он выяснил, – это число мусульман в городе. По словам Мухаммеда Талаата, на момент его прибытия их численность не превышала 300 человек. Большинство было занято в торговле, некоторые владели ресторанчиками и постоялыми дворами. Главой мусульманского землячества в Одессе был человек по имени Джамиль Тулаа. Автор отмечает, что Тулаа исполнился 51 год, он был крепкого телосложения, немного полноватый; хорошо понимал литературный арабский язык, но испытывал затруднения при необходимости говорить на нем продолжительное время. Талаат считал, что деятельность Джамии Тулаа в Одессе приносит большую пользу для мусульман, приезжающих в этот город. «У него нет иного долга, кроме как заниматься делами правоверных во время их краткого пребывания в городе и организацией их молитвы» (с. 37).

Мухаммед Талаат отмечает, что одесский порт считается крупнейшим черноморским портом Российской империи. Он восхваляет красоту города, его большие здания; замечает, что широкие и прямые улицы Одессы настолько хороши, что восхищают взор; он также восторгается бульварами, особенно теми, которые выходят на море, говоря, что по великолепию и изяществу равных им нет. Автор упоминает огромную лестницу, ведущую к морю, и располагающееся рядом с ней механическое устройство, которое с помощью двух машин, похожих на трамвайные вагоны, поднимает и опускает гуляю-

ших, а также тех, кто не может передвигаться самостоятельно.

Мухаммед Талаат пишет, что в Одессе существует музей древностей, общественная библиотека, школы; он также упоминает о развитом промышленном производстве и высокой коммерческой активности населения, поскольку порт является связующим звеном в торговле не только с Турцией, но и с Востоком вообще (с. 38).

По отзыву Мухаммеда Талаата, Джамиль Тулаа оказал ему полное гостеприимство и сделал все возможное для продолжения его путешествия, а в день отъезда, поскольку сам был занят подготовкой к отправке большого числа паломников в Мекку, направил местного муэдзина проводить его на железнодорожный вокзал. На вокзале Талаату вручили три билета: один для поездки с указанием номера вагона и места, другой для питания и третий на оплату за скорость курьерского поезда (с. 39).

Поскольку в вагоне-ресторане работали мусульмане-турки из Касимова (правда, нашему путешественнику показалось, что весь обслуживающий персонал был из этого города), у Мухаммеда Талаата не было проблем с питанием, что было особенно важно, так как поездка проходила в месяц поста Рамадан. Его приглашали к ифтару вместе с ними, а к сухуру еду приносили в купе. Однако, как пишет автор, объяснялся он с работниками вагона-ресторана с большим трудом, так как «знал немного по-турецки, а они совсем мало из немногого» (с. 39). «Так я оставался под их охраной и на попечении все это время, как в волшебном сне, по сравнению с другими пассажирами, отличаясь от них одеждой, цветом лица, не понимая их язык. Провел всю поездку молча, иногда обмениваясь мимикой и жестами с соседями» (с. 39).

По прибытии в Санкт-Петербург 16 ноября Талаата встретил Абдель Рашид Ибрахим-эфенди с одним из бывших студентов аль-Азхара. Железнодорожный вокзал поразил египтянина своей «громадностью, высотой, вместимостью и прекрасным видом» (с. 40).

«Проехав несколько шагов в повозке, я не услышал скрип колес, – пишет далее автор. – Вместо них оказались железные по-

лозья, которые скользили по снегу, покрывавшему все улицы, деревья и крыши в городе и весь путь от Одессы до Санкт-Петербурга. В самой Одессе я не видел ничего подобного, но, выехав из нее и проснувшись на следующее утро, я увидел снег на станции и подумал, что это гипс или известь, оставшиеся после стройки или ремонта на станции. Уже потом я понял, что это. Повозка поворачивала направо и налево, и я с удивлением смотрел по сторонам до тех пор, пока она не остановилась перед величественным зданием. Это был дом, один этаж которого занимал господин Абдель Рашид. Он вмещал большой зал с дорогой мебелью и роялем, из которого дверь вела в другую гостиную, с левой стороны находился вход в небольшую комнату-библиотеку, а между ними – коридор, ведущий в столовую» (с. 41).

Следующая глава книги посвящена непосредственно Санкт-Петербургу. Начинает ее Мухаммед Талаат с географического описания города, истории его создания. Автор указывает на то, что, став столицей России, город превратился, с точки зрения архитектуры, в крупнейший мировой центр. В книге описывается жизнь Петра I, его созидательная государственная деятельность; дается историческая справка о царствовании Рюриковичей на Руси, появлении племени русичей, крещении Руси, русско-польских войнах, в результате которых Польша до XVIII в. владела частью русских земель; объединении Руси во время царствования Ивана III, появлении династии Романовых (с. 42–44).

Затем наш путешественник снова обращается ко времени выбора устья Невы в качестве места для строительства новой столицы. Такой выбор был обусловлен отсутствием связи России с западными государствами. Автор указывает на то, что царь выполнял работу сам, и даже удалил зуб работнику, который пришел к нему, жалуясь на зубную боль (с. 44). Чтобы заставить переехать жить в новый город, Петр I перевез туда мощи святых и религиозные памятники, которые находились в церквях Москвы и Киева. Таким образом, отмечает автор, его заботой, изобретательностью и упорством Санкт-Петербург стал одним из крупнейших городов

мира как по величине, так и по красоте, и насчитывает 2,5 млн. жителей. Нева и ее каналы делят город на шесть островов, однако многочисленные каменные и металлические мосты на реке Неве и ее протоках делают сообщение по городу очень легким. Все эти каналы и протоки наряду с высокими прочными тротуарами и прекрасными железными решетками причудливой формы, стоимость изготовления которых невозможно оценить, заставляют изумляться при подсчете этих затрат (с. 44–45).

Далее автор пишет, что считает необходимым обратиться к тому, кто предпримет путешествие в холодные страны, с кратким советом, что нужно знать о той или иной нации (с. 45). Нет ничего важнее, чем знать о верованиях в этих странах. В России, по словам автора, два основных религиозных направления – православие, к которому относится большинство населения, и католицизм, чьих последователей меньшинство; между ними иудеи и мусульмане. Все они больше, чем в других странах, привержены своей религии и менее суеверны; а также более чистосердечны, богобоязненны, честны, особенно те, кто принадлежит к мусульманской вере. Существует скрытая враждебность между православными и католиками, равно как и между последними и иудеями. Что касается мусульман, то к ним все они относятся равно; я, отмечает автор, жил в еврейской семье, но они меня не принимали до тех пор, пока не убедились, что я – мусульманин (с. 46). Вероятно, это замечание автора объясняется, прежде всего, тем, что на него, зарубежного мусульманина, смотрели как на некую диковинку. Вместе с тем, пишет путешественник, он также жил и в православной семье, и его не брали на постой до тех пор, пока не убедились, что он – не иудей.

Православные с уважением относятся к церквям, храмам, а также священнослужителям. По словам автора, он часто видел, как кучер, проезжая мимо церкви или иконы какого-либо святого, быстро снимал шапку и многократно крестился. Это же делали все прохожие и пассажиры экипажей. Подобные действия произвели на Мухаммеда Талаата сильнейшее впечатление, так как «олицетворяли в моих глазах единство

Всевышнего и Создателя и расположенность и готовность всех к возвеличиванию и поклонению ему» (с. 46).

Разговоры об унижении достоинства и притеснении русскими мусульман, как замечает путешественник, неверны. А некоторые влиятельные особы, демонстрирующие это, бросают тень своими действиями на всю нацию (с. 46). Русские, по мнению Мухаммеда Талаата, – это кроткие, дружелюбные и благочестивые люди. Аргументирует он это тем, что за девять месяцев пребывания в России не видел ни одной драки на улицах или в общественных местах. Он также добавляет, что «в их религиозных обычаях нет того, что бывает у нас, кроме наличия ряда торжеств, связанных с некоторыми святыми, как у нас день рождения Пророка» (с. 46–47).

Сила религиозных убеждений в сердцах русских – основная причина отсутствия у них преступлений. Не противоречат этому высказыванию, по мнению автора, жестокие поступки, совершаемые «членами революционного комитета» (видимо, эсерами. – *Авт.*): у них нет веры во что-нибудь по причине туманности их убеждений, заимствованных из атеистических книг французских философов.

Первое, что потребовали от Мухаммеда Талаата как редактора – написать несколько слов, обращенных к мусульманам. Это обращение было опубликовано в № 7 газеты «ат-Тильмиз» от 1 декабря 1906 г. в форме касыды под названием «К мусульманам» (с. 47–50). Смысл стихотворения сводится к тому, что в отставании в развитии некоторых сфер исламского общества от российского виноваты иноземцы, которые долгое время господствовали над нами. Мусульмане должны еще более укрепиться в своей вере, чтобы выйти из состояния отсталости и добиться прогресса. Здесь же автор касается женского вопроса, заявляя о том, что одной из причин отсталости исламского мира является то, что мусульманку оставили в невежестве, а между тем она своим молоком вскармливает сыновей-мусульман. К стихотворной форме изложения своих мыслей Мухаммед Талаат прибегает несколько раз (с. 12–13, 14–15, 66–67, 71–79).

«Мусульмане не угнетены в своей вере», – продолжает автор (с. 50). По его словам, их в России насчитывается 25 млн. (согласно переписи населения 1897 г., 14 млн. – *Авт.*). В российской столице проживает около 10 тысяч мусульман, главным образом, торговцев и ремесленников. Среди них есть значительные и богатые персоны. У столичных мусульман не было мечети, для молитвы они арендовали дом. «Через газету “ат-Тильмиз” мы призвали общественность подписаться, а также направили письмо всем главам мусульманских государств. На призыв ответил только бухарский эмир аль-Джалиль, который предоставил деньги на покупку земли для строительства мечети из собственного кармана. Это побудило население эмирата собирать средства. Был собран значительный капитал наряду с деньгами, которые удалось найти президенту Исламской благотворительной организации в Санкт-Петербурге, мусульманину-поляку. Удалось купить большой дом на Невском проспекте, однако до сих пор больше ничего не сделано. Большую роль в подписке сыграл заслуженный и богатый мусульманин Мухаммед Алим Максудов-эфенди, благочестивый и бескорыстный человек с высокими помыслами и идеалами» (с. 50–51).

Далее Мухаммед Талаат переходит к характеристике экономического состояния России. Он пишет, что экономика страны находится в постоянном развитии и не отстает от других европейских стран, если не превосходит их (с. 51). Развита многие отрасли промышленности. Здесь производится практически все, что создает Европа, много фабрик и заводов, очень хорошо развита лесобработывающая отрасль. На Урале добывается белое золото – платина (с. 52).

Сельское хозяйство, в основном, специализируется на производстве пшеницы в силу соответствующего климата и свойств русской земли. Выращивается также капуста, которая идет, как замечает автор, на приготовление русского супа (борща). Состояние сельского хозяйства – как у нас в Верхнем Египте, так как ждут таяния снегов и спада воды, а затем сеют. Помимо аграрного сектора развита и обрабатывающая промышленность. Женщины и дети занима-

ются укладкой фруктов – яблок, груш и т.д. – в ящики, как у иностранных производителей и торговцев фруктами в Египте (с. 52).

Переходя к проблеме образования, Талаат пишет, что «имеются все виды многочисленных частных школ, кроме научных и религиозных учебных заведений, которые принадлежат правительству. В каждой школе, будь то казенная или частная, существует специальная ученическая форма. Это же касается людей ремесла – портных, слесарей, кучеров, одежда с эмблемами которых отличается пошивом, она также довольно изящна. Следует заметить, что ученики начальных и средних школ не имеют права посещать общественные места – кофейни и т.д., куда могут входить только учащиеся высших учебных заведений. В Египте, наоборот, азартные и развратные места заполнены молодежью, будь то учащиеся государственных или частных школ» (с. 53).

У мусульман Санкт-Петербурга есть «простейшие начальные школы», или куттабы, на которые правительство не имеет никакого влияния, но очень мало среди них таких, которые находятся в руках знающих и образованных людей. Средства их существования – благотворительные (с. 54). У мусульман была возможность объединиться при основании большой школы в столице, однако они испытали при этом большие трудности. Тем не менее, считает Мухаммед Талаат, «русское правительство – это не французское правительство, которое основало промышленную школу в Тунисе на средства вакфов школы ас-Садыкийя, которая затем перешла в частные руки французских подданных. В ней училось не более шести мусульман, потому что французы считали, что образование портит мусульманские нравы» (там же). Более того, русские власти, по словам автора, уравнили в правах своих подданных. Можно видеть, что государственные гимназии принимают одновременно мусульманских мальчиков и девочек, так же как в высшие учебные заведения принимаются вместе русские юноши и девушки. То же самое происходит в военных училищах, после их окончания многие мусульманские выпускники делают карьеру вплоть до контр-адмирала. Однако рус-

ское правительство хотело бы перевести обучение в мусульманских школах на русский язык, а при обучении и использовании татарского языка прибегать к помощи русского алфавита.

Автор пишет, что состояние образования среди мусульман России улучшается стремительно, как бурный поток, не только среди прослойки богатых, но и бедных. В каждой деревне есть куттаб для изучения священного Корана; учителя ничего не получают от учеников, кроме связки дров, которую они приносят в качестве топлива для обогрева. Климат в России очень суров, и температура доходит до 30 градусов ниже нуля, в большинстве же случаев она колеблется от 20 до 25. Постоянный снегопад напоминает разлетающиеся хлопья хлопка.

Богатые, по словам автора, открывают в каждом квартале куттаб или несколько куттабов. Один из богачей в Баку создал сто куттабов за свой счет. Обеспеченные люди стремятся помогать бедным, питают уважение к улемам, а также большую симпатию к арабам.

В целом, отмечает Мухаммед Талаат, положение российских мусульман сейчас намного лучше, чем их собратьев в остальном мире, с цивилизационной точки зрения, для них характерно постоянное движение вперед. Один из них, имея большое состояние, открыл куттаб в Харбине и, по мнению автора, несомненно преуспеет в распространении ислама в Китае среди русских мусульман (с. 56).

Санкт-Петербург поразил автора упорядоченным уличным движением. Совершенно удивительно в русской столице, замечает путешественник, что улица поделена на несколько полос – часть для пешеходов, другая – для повозок, третья – для трамваев, четвертая – для прогулок. На перекрестках улиц, как правило, разбиты скверы, в центре которых находятся памятники литераторам, полководцам, ученым, политикам, царям. Важнейшая магистраль города, Невский проспект, протянулась с востока на запад на 5 км. По обеим сторонам его находятся отели, театры, клубы, музеи, церкви, а также магазины, наполненные многообразными товарами (с. 57).

К удивительным явлениям, с точки зрения Мухаммеда Талаата, можно отнести то, что электрические трамваи всю зиму едут по замерзшему снегу из столицы в деревню под названием «Петербургская сторона». Снег замерзает на глубину до трех метров, а с наступлением мая его раскалывают, берут большие глыбы и хранят в подвалах под землей для использования летом. А лето у них с мая по начало сентября (с. 57).

К диковинкам автор относит и то, что мостов, перекинутых через Неву и протоки, насчитывается 150. Площадь озера Ладога достигает 18000 кв. км, длина – 200 км, а ширина – 158 км. Люди едут туда на отдых на небольших прогулочных судах, до него – пять железнодорожных станций и двадцать одна остановка трамвая (с. 57).

Удивило путешественника обслуживание высокопоставленных особ, в частности, царской семьи: водители их автомобилей и карет носят одежду из красной парчи, расшитой позументом, офицеры носят также отличную одежду и отличное оружие (с. 58).

Каждая церковь в России связана с историческим моментом, пишет Талаат. В России есть особые традиции: в честь каждого важного исторического сражения, в котором одерживается победа, строится церковь, а при ней хранятся трофеи. Так, в Санкт-Петербурге есть церковь, перед которой расположены османские пушки (там же).

Перечисляя достопримечательности города, Мухаммед Талаат пишет: «Одна из диковинок Санкт-Петербурга, Египетский мост через Неву, построенный во времена Петра I, указывает на его стремление захватить наш дорогой Египет» (с. 59). Это утверждение нелепо уже потому, что Египетский мост был построен сто лет спустя после смерти Петра Великого, в 1826 г., и не через Неву, а через Фонтанку. Возможно, в столь своеобразной форме отразился слышанный автором когда-то факт высадки русского десанта в Стамбуле в 1833 г., предпринятой для того, чтобы предотвратить захват столицы Османской империи египетскими войсками.

Среди привычек русских Мухаммед Талаат называет их любовь к чаю. Его поку-

пают в многочисленных лавках и магазинах, где продавцами работают женщины. Только в винных магазинах покупателей обслуживают исключительно юноши и мужчины. Магазины открываются с 11 часов утра и работают до двух часов ночи. По воскресеньям все лавки закрыты, кроме тех, которые продают продукты, но и они открываются после полудня.

По словам автора, восхищение вызывает царская библиотека, которая располагается в просторном и строго оформленном помещении (с. 59). Там хранится около 1700 тыс. томов, 40 тыс. рукописей и 80 тыс. рисунков. «Я посетил библиотеку с Абдель Рашидом эфенди Ибрагимовым, – пишет автор, – ознакомился с экземпляром священного Корана. Говорят, что это экземпляр Корана Османа» (с. 60).

К достопримечательностям столицы, пишет далее автор, также относится известный музей, где хранятся экспонаты различных эпох. На территории музея, в двухэтажном здании, располагается картинная галерея. Там выставлены картины, изображающие военные сражения, а также знаменитых людей, полководцев, поэтов, писателей, царей и королей разных эпох, написанные кистью знаменитых художников. Есть полотна, изображающие Наполеона Бонапарта, пожар Москвы; там также выставлены картины на религиозную тему (с. 60). В залах музея можно увидеть начинающих художников и художниц, занимающихся копированием картин (с. 61).

Среди явлений, привлечших внимание автора, – деятельность благотворительной ассоциации, которая открыла бесплатные столовые для бедняков. Для тех, кто имеет свидетельство о том, что он – бедный, стоимость тарелки похлебки там не превышает трех копеек.

Впечатлений у Мухаммеда Талаата очень много, одно сменяет другое, часто они изложены в книге бессистемно. Так, автор упоминает, что в публичных домах нет ни одной мусульманки. Однажды, когда верхушка татарской общины в столице узнала о том, что в городе появилась группа мусульманок во главе с иностранкой с целью попасть на работу в публичный дом, она обратилась к властям с требованием,

чтобы они были высланы из столицы. Требование было удовлетворено (с. 61).

По наблюдению автора, согласно местным законам, желающий построить дом обязан был выделить помещение для общественных нужд (с. 61). Поэтому в Санкт-Петербурге отсутствуют общественные туалеты, принадлежащие местным властям (с. 62).

Привлек внимание Мухаммеда Талаата и тот факт, что власти издавали справочник о проживающих в городе независимо от пола и возраста каждые шесть месяцев. Для этого имелись специальные учетчики, фиксировавшие соответствующие изменения. «Если ты приедешь в Санкт-Петербург, например, и спросишь о местожительстве какого-нибудь человека, – отмечает автор, – то пишешь просьбу за три копейки в почтовом управлении, и тебе подскажут необходимый адрес. Для того, чтобы записать в справочнике адрес, у каждого швейцара в доме имеется амбарная книга, полученная от губернатора, в которой тот записывает сведения о новом жильце. Дома строятся в виде квадрата с обширным двором. Каждый дом имеет входы с внешней и внутренней стороны. У каждого крыльца с внешней стороны сидит швейцар в особой одежде и слуга, т.е. “бавваб”, который именуется “дворник”. В обязанность швейцара входит оповещение дворника о том, что происходит в доме, он же должен получать корреспонденцию от почтальона и вручать ее жильцам (с. 62). Таким образом, власти избавились от ночных сторожей и ограничились объездом города конной полицией в ночное время» (с. 63).

Любопытно, на взгляд Мухаммеда Талаата, что по заказу правительства печатается карта города, где очень внятно разными цветами помечены все государственные магазины, а также иностранные консульства, школы, благотворительные ассоциации, поликлиники и больницы, пожарные депо. К карте прилагается небольшая тетрадка, в которой содержатся указания для полиции и жителей города, и продается это все за 10 копеек (с. 63).

В Санкт-Петербурге, отмечает Мухаммед Талаат, нет арабов, кроме Антуна Хашшаба, очень скромного, благочестивого,

знающего, говорящего на арабском, французском, персидском и турецком языках. Он с самого детства учился в русских школах (с. 64), позднее служащим русского банка поехал работать в Иран. Там выучил персидский язык, через несколько лет вернулся в Россию. «Я покинул Россию в мае 1907 г. накануне его назначения в российский МИД на высокую должность, – пишет автор. – Антун-эфенди женат на достойной во всех отношениях русской женщине, которая являет собой совершенное чудо. Они сделали все возможное для меня, и я до сих пор премного им благодарен» (с. 65).

Раздувание нехороших слухов о России, порочащих ее престиж и авторитет, не имеет под собой никакого основания, считает Мухаммед Талаат. Возможно, это происходит потому, что здесь действует революционная организация, напоминающая младотурок. Она, однако, практикует убийство представителей власти, а также подрыв правительственных зданий с целью свержения режима. В стране, по мнению автора, не существует неразрешимых проблем между правительством и нацией, кроме раздела земли. Вся она принадлежит правящей семье и верхушке землевладельцев, которых называют по-русски «помещики». Все в России, кроме земельного вопроса, на уровне высокоразвитых цивилизованных стран (с. 65). Кстати, замечает автор, единица измерения земли на его родине называется «феддан», а в России – «десятина», которая примерно равна половине феддана (с. 66).

Мухаммед Талаат упоминает, что 2 марта 1907 г. он присутствовал на открытии второй Думы и слышал крестьян, которые кричали «Землю, землю!». Автор указывает, что мусульман в Думе насчитывалось немного по сравнению с представителями других религий, они были разобщены и не склонны примкнуть к какой-либо партии (с. 66).

Мухаммед Талаат заключает свой рассказ о мусульманах и партиях в России следующим образом: «Несомненно, несмотря на разбросанность во мнениях, которая ведет к ослаблению их голоса в Думе, они все же в лучшем положении, чем мусульмане в Египте, поскольку наше правительство ока-

залось полностью безвластным и положение стало настолько плохим, что мы потеряли все надежды на лучшее будущее» (с. 69). «Европейские страны, особенно оккупационная Англия, всячески противятся тому, чтобы мы взяли конституционную власть целиком в свои руки, как в других независимых цивилизованных государствах. Если бы она принадлежала нам, – считает автор, – мы бы смогли распоряжаться финансами, образовательными институтами, армией. Что касается финансов, то господствовать над ними нам запрещают те, кто затянул страну в долги, а также помощь европейских государств этим должникам. В отношении же образования и армии речь идет не о европейских государствах вообще, а только об Англии, что обусловлено амбициями ее политических деятелей» (с. 69–70).

Автор покинул Санкт-Петербург в мае 1907 г., когда узнал от надежных людей, братьев по вере, о решении правительства закрыть арабскую газету «ат-Гильмиз» и турецкую газету «аль-Фатт». Второй причиной отъезда явилась задержка выплаты жалования, часть которого ему с большим трудом удалось получить с помощью уважаемого Аталлы-эфенди, владельца газеты «Нур», и учителя Императорской школы восточных языков Мухаммеда Сафа-эфенди (с. 79–80).

Несмотря на свой небольшой объем, книга Мухаммеда Талаата содержит многочисленную и разнообразную по тематике информацию о России. Много из того, что он увидел, было для египтянина столь же экзотичным, как для русского человека – его родина, Египет. Примечательно, что Россия в целом произвела на Талаата самое благоприятное впечатление. С симпатией пишет он и о русских. Тем самым книга «Путешествия и наблюдения» внесла свой вклад в формирование положительного образа России и русских в Египте.

Дж. Хаков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУСТАФЫ КЕМАЛЯ (АТАТЮРКА) НА ПОСТУ ТУРЕЦКОГО ВОЕННОГО АТТАШЕ В СОФИИ

В новой и новейшей истории Турции нет исторической личности, сопоставимой с личностью Мустафы Кемала Ататюрка – создателя и первого президента Турецкой Республики. Ему посвящено множество научных трудов и художественных произведений, в которых отражены жизнь и деятельность талантливого командира, политика и государственного деятеля. За исключением, может быть, только короткого периода его работы в качестве военного атташе в Софии накануне и в начале Первой мировой войны – с 20 ноября 1913 по 25 января 1915 г.

Как военный атташе в Софии Мустафа Кемаль отвечал одновременно и за Бухарест, Белград и Цетинье¹. Выполняя свои служебные обязанности, он послал из Софии в Стамбул около 100 докладов, информаций, сообщений и телеграмм. Опубликованные в последние годы архивные документы дают нам возможность более пространно и глубоко осветить деятельность Мустафы Кемала в качестве военного атташе в Софии. В этом отношении очень ценным архивным источником является болгарско-турецкий сборник «Мустафа Кемаль Ататюрк и турецко-болгарские отношения в документах (1913–1938)»². В этом сборнике впервые опубликованы десять из его докладов о военно-политической обстановке в Болгарии и на Балканах накануне Первой мировой войны. Ценным источником является сочинение турецкого автора Утана Коджатюрка «Документальный дневник Ататюрка от рождения до его смерти»³. В нем в хронологической последовательности дано резюме важных событий и документов, связанных с жизнью и деятельностью Ататюрка. Тот же автор издал сборник «От прошлого к будущему по пути Ататюрка»⁴, в который включены высказывания близких людей и известных турецких государственных деятелей об Ататюрке, а также много документов, связанных с новейшей историей Турции.

Накануне Первой мировой войны правительство младотурок направило майора Мустафу Кемала на должность военного атташе в Софии и поставило перед ним следующие три задачи: изучить военно-политическую обстановку в Болгарии и на Балканах; содействовать присоединению Болгарии вместе с Турцией к Тройственному союзу в предстоящей войне; участвовать от имени турецкого Генерального штаба в выработке планов совместного действия турецких и болгарских войск на Балканском фронте. В то время турецким послом в Софии был Али Фетхи Ожар, близкий друг Мустафы Кемала по младотурецкому движению, и ему было поручено вести политические переговоры с болгарским правительством⁵.

В Софии Мустафа Кемаль установил контакты с высшими офицерами болгарского Генерального штаба, с депутатами болгарского парламента, в том числе и с турецкими, с видными деятелями македонского революционного движения, с приближенными царя Фердинанда. Он часто посещал заседания болгарского парламента, чтобы лично убедиться, кто из депутатов является русофобом, а кто – русофилом и с кем нужно общаться. Он посещал разные болгарские города – Пловдив, Плевен, Велико Тырново, Габрово, Шумен, Варну, Казанлык, Кюстендил и др., чтобы увидеть собственными глазами достижения Болгарии в области социально-экономического и культурного развития. Кемаль регулярно присутствовал на военных маневрах болгарской армии, интересовался культурной жизнью болгарской столицы.

Мустафа Кемаль владел французским языком, говорил по-болгарски с македонским акцентом, и софийское высшее общество принимало его очень хорошо. Все свои контакты и связи с представителями болгарского общества Мустафа Кемаль использовал для того, чтобы выполнить лучшим образом стоявшие перед ним задачи⁶.

Накануне Первой мировой войны уже оформились два противостоявших друг другу военно-политических блока – Антанта и Тройственный союз. Перед началом войны эти два блока стремились привлечь на свою сторону такие государства, как Болгария, которые колебались или надеялись извлечь выгоду из своего участия в войне на стороне того или другого союза. Миссия Мустафы Кемалья в Софии была исключительно трудна, так как приходилось учитывать поражение Болгарии во Второй балканской войне в 1913 г. и потери большей части приобретенной в итоге Первой балканской войны в 1912 г. территории в Восточной и Западной Фракии, Родопах и в Македонии. После Второй балканской войны Турция вернула себе Восточную Фракию вместе с Адрианополем, Вардарская Македония перешла к Сербии, а Эгейская Македония – к Греции; Южная Добруджа досталась Румынии, и только Пиринская Македония осталась в Болгарии. Россия и Англия стремились привлечь Болгарию на сторону Антанты, обещая ей всю Восточную Фракию вместе с Адрианополем, бесплатное перевооружение болгарской армии и большую финансовую помощь.

Болгария, со своей стороны, поставила перед Тройственным союзом свои условия присоединения к нему: передача ей всей Восточной Македонии, коррекция в ее пользу болгарско-турецкой границы по реке Марица, возвращение всех болгарских беженцев из Фракии и выплата им возмещения ущерба. Эти болгарские требования, очевидно, были неприемлемы для Турции, и Мустафа Кемаль, опираясь на поддержку австро-венгерской и немецкой дипломатии, делал все, чтобы изменить их и включить Болгарию в Тройственный союз. Это было необходимо, поскольку военно-стратегическое положение Болгарии было исключительно важно для обеспечения непрерывной сухопутной связи между Турцией и остальными членами Тройственного союза.

В процессе выполнения своих служебных обязанностей Мустафа Кемаль не раз встречался с болгарскими высшими военными чинами, уполномоченными вести переговоры о болгарско-турецком военном сотрудничестве. Он имел прямую связь с

военным министром генералом Големаном Бояджиевым, с начальником Генерального штаба генералом Николой Жековым, установил дружеские отношения с бывшим военным министром генералом Стилияном Ковачевым, с которым они участвовали в Первой балканской войне по разные стороны фронта. Мустафа Кемаль производил большое впечатление на всех болгарских офицеров своей исключительной военной компетентностью и интеллигентностью. Генерал Стилиян Ковачев отмечал, что он очень умен, у него сердце военного, и жаль, что его используют для дипломатической работы. А военный министр генерал Големан Бояджиев, когда решались спорные вопросы болгарско-турецкого военного сотрудничества, часто вставал на его сторону, потому что Мустафа Кемаль, как исключительный военный специалист, лучше всех формулировал принципы совместных действий турецких и болгарских военных частей против общего противника⁷.

Мустафа Кемаль изучал военно-политическую обстановку в Болгарии в течение нескольких месяцев и констатировал, что центральное место в ней занимает македонский вопрос. В своем докладе, адресованном турецкому Генеральному штабу 7 марта 1914 г., он писал: «Невозможность быть полными хозяевами Македонии, что является национальным идеалом для болгар <...> вызывает незатихающую боль в болгарском народе, в армии и правительстве. Болгары считают, что смогут вылечить эту боль только тогда, когда сумеют вернуть себе снова те части Македонии, которые достались Греции и Сербии... Поэтому они считают, что самое главное для них – их планы в отношении Македонии, а для этого необходимо соглашение с османами и хотя бы нейтралитет Румынии...»⁸. Что касается претензий Болгарии на установление полного контроля над бассейном реки Марицы и возможного повторного захвата Адрианополя, то Мустафа Кемаль считал, что это практически неосуществимо. Но на всякий случай он рекомендовал турецкому правительству: «Укрепление Адрианополя, размещение значительного количества вооруженных сил в его окрестностях и другие меры в этом отношении

заставят Болгарию в будущем проводить политику в нашу пользу...»⁹.

Как военный атташе в Софии Мустафа Кемаль отвечал и за Румынию, Сербию и Черногорию, но из-за большой занятости в Болгарии он не успел посетить ни одно из этих балканских государств. Из его докладов, посылаемых в Стамбул, однако, выясняется, что он был очень хорошо информирован о проводимой ими политике. Так, например, он писал, что желания и намерения болгар в Македонии известны грекам и сербам и они, чтобы не бороться против Болгарии в одиночку, пока решили поддерживать хорошие отношения между собой.

Относительно Румынии: она ни в коем случае не допустит нарушения положений Бухарестского мирного договора 1913 года. Поэтому желание болгар нейтрализовать румын пока что осуществить невозможно. Можно с уверенностью сказать, писал Кемаль, что политические отношения между Болгарией и Румынией нельзя согласовать взаимовыгодно. Тем более что заключением договора между собой Румыния и Сербия подтвердили свою решимость соблюдать Бухарестский мирный договор.

Относительно политических связей между Болгарией и Сербией Кемаль писал, что нет общей доктрины, отвечающей их интересам. Сербия не намерена отдаляться от своей прорусской линии, а Болгария устремляет взгляд в сторону Австро-Венгрии. Отношения между Сербией и Черногорией настолько хороши, что можно предположить даже объединение двух королевств и формирование общего правительства. «Для балканских государств, – писал Мустафа Кемаль, – большое значение имеет судьба Салоник и его порта. Когда болгары говорят о Македонии, они считают Салоники ее неделимой частью. А потерю Салоник греки восприняли бы как потерю собственной столицы, поэтому они всеми силами будут стремиться сохранить этот город»¹⁰.

В своем докладе в Генеральный штаб в Стамбуле от 14 апреля 1914 г. Мустафа Кемаль дал оценку политики Болгарии по отношению к другим балканским государствам. Он подчеркнул значение ратификации парламентом Царьградского договора от 29 сентября 1913 г. о болгарско-турецких от-

ношениях; этим договором утверждалась новая болгарско-турецкая граница по реке Марица и возвращение Адрианополя Турции. «Пока Болгария будет находиться в настоящем положении, – писал он, – не только нынешнее, но и следующие правительства будут считать своим долгом вести дружественную политику с Османским государством». Относительно болгарско-румынских отношений он отмечал, что они не удовлетворяют Болгарию, ибо Румыния придерживается точного исполнения положений Бухарестского мирного договора 1913 г., фиксирующего итоги Второй балканской войны, окончившейся поражением Болгарии. Что же касалось болгарско-сербских отношений, то Кемаль говорил, что усилия России восстановить прежнее положение не дают ожидаемого результата. Однако болгарская сторона делает некоторые заявления, что будет учитывать рекомендации русских о компенсациях сербской и греческой стороны в случае улучшения отношений между тремя странами¹¹.

После начала Первой мировой войны Мустафа Кемаль отослал в Стамбул несколько докладов об отношении балканских государств к войне. В докладах от 15 и 17 июля 1914 г. говорилось, что Болгария заявила о своем нейтралитете, но парламент без обсуждения принял военный бюджет. Греция тоже заявила о нейтралитете и о соблюдении условий Бухарестского договора, но в случае его нарушения будет готова вмешаться в войну. Румыния – сторонница мобилизации, Черногория поддерживает Сербию и объявила мобилизацию. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Сербия концентрирует свои основные военные части к югу от Белграда, а ее Генеральный штаб располагается в Стелче¹².

В своих следующих докладах Мустафа Кемаль писал о предстоящей мобилизации в Болгарии, одновременно заявляющей о политике нейтралитета, что отвечает желанию России. По словам высших болгарских военных, болгарская общественность и даже часть армейских офицеров не согласны действовать против России¹³.

При этом Мустафа Кемаль отмечал, что военное командование в Болгарии обеспокоено возможными действиями османской

армии¹⁴. Болгарский премьер-министр заявил, что общественность страны одобряет действия в поддержку Германии. Но если Греция начнет военные действия против Османской империи, то Болгария будет воевать против Греции. Мустафа Кемаль, однако, не верил в это и писал, что и тогда Болгария не будет участвовать в военных действиях¹⁵.

Из докладов, которые Мустафа Кемаль регулярно посылал в Стамбул, видно, что он очень хорошо ориентировался в военно-политической обстановке на Балканах и в политике балканских государств накануне и в начальный период Первой мировой войны. Все это время он активно сотрудничал с австро-венгерскими и немецкими дипломатическими и военными представителями в Софии, стремясь добиться присоединения Болгарии к Тройственному союзу. В августе 1915 г. Болгария заключила несколько тайных соглашений – Договор о дружбе и союзе с Германией, Военную конвенцию с Германией и Австро-Венгрией и Тайное соглашение с Германией, итогом которых стало присоединение Болгарии к Тройственному союзу¹⁶.

В соответствии с этими соглашениями территориальные претензии Болгарии к Сербии, Греции и Румынии должны быть удовлетворены, но это не относилось к Османской империи, и в этом велика заслуга Мустафы Кемалья. Болгарии гарантировалась политическая независимость и территориальная целостность, предоставлялась значительная военная и финансовая помощь. Со своей стороны, Болгария обязывалась без всяких препятствий пропускать через свою территорию транзитом материалы и войска из Германии и Австро-Венгрии в сторону Турции и обратно.

В рамках своих служебных обязанностей Мустафа Кемаль ознакомился с успехами Болгарии в области социально-экономического, политического и культурного развития после ее выхода из Османской империи. Однажды, после посещения спектакля в Народном театре в Софии, он поделился впечатлениями со своим другом, турецким депутатом болгарского парламента Зюмрюзаде Шакир-беем: «Мы воспринимали болгар как пастухов, а у них даже опера со своими артистами! И у нас это будет, вот увидишь!»¹⁷. В письме, направленном из

Софии мадам Корин [близкому другу. – *Прим. ред.*] 25 января 1914 г. он отмечал: «У меня большие амбиции, но эти амбиции не относятся к занятию высоких должностей или зарабатыванию больших денег для осуществления материальных целей. Осуществление этих моих амбиций будет очень полезно для моей родины, а для меня останется внутреннее удовлетворение достойно выполненного долга во имя успеха большой идеи. В этом состоит смысл всей моей жизни. Этим я увлечен еще с юношеских лет и не перестану преследовать эту цель до конца жизни»¹⁸.

Без сомнения, в Софии окончательно созрели идеи Мустафы Кемалья о радикальной перестройке Османского государства. Он воспринимал Болгарию как самую близкую к туркам страну в Европе.

После начала войны Мустафа Кемаль несколько раз обращался к главному командованию с просьбой отозвать его с поста военного атташе и послать на фронт в качестве военного командира. В письме к военному министру и фактическому главнокомандующему османской армией Энвер-паше в декабре 1914 г. он писал: «Не может быть более важной и значительной задачи, чем активная оборона на фронтах войны, я не могу оставаться военным атташе в Софии»¹⁹. Отвечая Мустафе Кемалю, Энвер-паша заявил: «Для Вас в армии всегда найдется должность. Мы осознаем важность Вашей деятельности в качестве военного атташе и поэтому не отзываем Вас»²⁰.

Мустафа Кемаль не отступал, и в конце концов его отозвали с поста военного атташе в Софии. 20 января 1915 г. он был назначен командиром только что сформированной 19-й дивизии в Текирдаге. 25 января того же года Кемаль возвратился в Стамбул и встретился с Энвер-пашой в связи со своим новым назначением²¹.

Пребывание майора Мустафы Кемалья в Софии в качестве военного атташе в турецком посольстве, которое длилось немногим более года и трех месяцев, оценивалось очень высоко. С турецкой стороны он был возведен в чин подполковника и награжден высоким орденом²², а с болгарской стороны – орденом Святого Александра третьей степени²³.

Примечания

¹ *Kocatürk U. Doğumundan Ölümüne Kadar Kaynakçalı Atatürk Günlüğü.* Ankara, 1999. S. 25, 27.

² Мустафа Кемал Ататюрк и турско-българските отношения в документи (1913–1918). Анкара, 2002.

³ *Kocatürk U. Doğumundan Ölümüne Kadar Kaynakçalı Atatürk Günlüğü.* Ankara, 1999.

⁴ *Kocatürk U. Atatürk Çizdisinde Geçmişten Geleceğe Görüşmeler, Araştırmalar ve Belgeler.* Ankara, 2005.

⁵ *Ibid.* S. 287–293. Документы, инструкции и др. материалы, связанные с назначением Мустафы Кемала на пост военного атташе (на турецк. языке).

⁶ *Хаков Дж. Мустафа Кемаль Ататюрк в Болгарии // Basileus: Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева.* Москва, 2007.

⁷ Мустафа Кемал Ататюрк и турско-българските отношения в документи. Раздел III. Док. 27. С. 222–223.

⁸ Там же. Раздел II. Док. 11. С. 151–152.

⁹ Там же. Док. 13. С. 162–163.

¹⁰ Там же. Док. 11. С. 153–156.

¹¹ Там же. Док. 13. С. 162–166.

¹² Там же. Док. 15 и 16. С. 170–173.

¹³ Там же. Док. 17. С. 174–176.

¹⁴ Там же. Док. 18. С. 177–178.

¹⁵ Там же. Док. 19. С. 179–182.

¹⁶ Международни актове и договори 1648–1918. София, 1958. С. 306–369.

¹⁷ *Deliorman A. Mustafa Kemal Balkanlarda.* İstanbul. S. 25–29.

¹⁸ *Kocatürk U. Doğumundan Ölümüne Kadar Kaynakçalı Atatürk Günlüğü.* S. 27–28.

¹⁹ *Ibid.* S. 33.

²⁰ *Ibid.* S. 34.

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.* S. 28, 34.

²³ Мустафа Кемал Ататюрк и турско-българските отношения в документи. Раздел III. Док. 21. С. 189; Мустафа Кемаль Ататюрк, Турецкая Республика и Болгария. Каталог документальной выставки. София, 1998. С. 34–35.

А.Н. Хохлов

ПОЗИЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА ЮАНЬ ШИКАЯ В ОТНОШЕНИИ КОНФУЦИАНСТВА И ЕГО ПОПЫТКА РЕСТАВРАЦИИ МОНАРХИИ В КИТАЕ

(Окончание. Начало в № 1, 2009)

Период президентства Юань Шикая (1912–1916) – один из наиболее сложных периодов истории республиканского Китая. В политическом плане он характеризовался острыми коллизиями борьбы президента, стремившегося к установлению личной диктатуры, с республиканской оппозицией¹. Эта борьба позволила ему на гребне широкой пропаганды конфуцианства провозгласить себя императором.

Из-за привычного приоритета, отдаваемого исследователями разных стран политическим играм, вопрос о роли конфуцианства в Китае после Синхайской революции 1911–1912 гг. до сих пор оставался наименее изученным в отечественной и зарубежной историографии. Между тем благодаря осторожной, выжидательной позиции Юань Шикая в данном вопросе сторонникам этого традиционного учения удалось путем усиления пропаганды конфуцианства создать в стране благоприятную почву для движения в пользу реставрации монархии. Ее установление, как свидетельствуют факты, вызвало недовольство и открытые протесты даже среди умеренных радикалов, не говоря уже о вооруженных выступлениях республиканцев на юге Китая и в его центральной части.

Чтобы полнее представить данную ситуацию в рассматриваемый период достаточно обратиться к материалам прессы, а также к донесениям иностранных дипломатов, в том числе российских, в Пекине и провинциальных центрах, ранее порой недоступных отечественным авторам.

В политике президента Юань Шикая важное место занимал вопрос о конфуцианстве, который приобрел особую остроту из-за статьи 6-й Временной Конституции Китайской Республики. Она гласила о том, что «все китайские граждане пользуются

правом свободы совести». Чтобы снять напряжение, создавшееся у населения разными толками по поводу данной статьи, Юань Шикай как Временный Президент 16 апреля 1912 г. выступил на сессии Палаты представителей со следующим разъяснением: «Согласно началу религиозной свободы все существующие в Китае религии должны рассматриваться как равные. Поэтому все граждане Китайской Республики, независимо от того, являются ли они свободомыслящими или же исповедуют ту или иную религию, должны прилагать все усилия к устранению всяких распрей между собою на религиозной почве, дабы совместно пользоваться благами мира»². Это заявление, в искренности которого сильно сомневались многие иностранные миссионеры, жившие в разных районах Китая, произвело громадное впечатление на китайцев. Оно было подкреплено в 1913 г. просьбой китайского правительства к христианским проповедникам помолиться о благополучии Республики.

После таких актов главы государства многим стало казаться, что культ Конфуция теряет свое значение. В результате некоторые государственные деятели заговорили о необходимости уничтожения этого культа, а министр народного просвещения в первом республиканском кабинете Цай Юаньпэй даже заявил о намерении внести в этой связи предложение в Палату представителей. Но идея эта не встретила поддержки из-за энергичных протестов воинствующих ретроградов, выступивших против возможного уничтожения культа Конфуция. Шанхайская газета «Синьвэнь-бао» в номере от 1/14 августа 1912 г. писала, например, по этому поводу: «Учение Кун-фу-цзы в течение веков поддерживает мораль и нравы Китая, и если в один прекрасный день

уничтожить это учение, то, без всякого сомнения, китайцы сделаются безнравственными и нравы [населения] испортятся».

В связи с тем, что последовавшее за революцией учреждение республики принесло с собой новые идеи и понятия, способные привести к подрыву традиционных устоев китайского общества, известный революционер Хуан Син, активно борющийся за свержение маньчжурской династии, в сентябре 1912 г. направил Юань Шикаю доклад о необходимости поддержания морали и старых добрых нравов путем сохранения и внедрения в умы населения 8 основных добродетелей Китая: сыновней почитательности, братства, преданности, доверия, вежливости, справедливости, честности и стыдливости, иначе говоря, «религии ученых» (жу-цзяо), или учения Конфуция. На это последовало согласие президента Республики в виде указа от 20 августа/7 сентября, ставшего знаменательным событием.

В ноябре того же года бывший инспектор народного просвещения Шэнь Цзэнчжи в Международном институте в Шанхае прочитал лекцию «Религия – всеобщий факт», в которой доказывал необходимость конфуцианства как религии для Китая.

Стремление китайского правительства к признанию конфуцианства государственной религией наряду с преследованием этических целей нередко воспринималось как акт противодействия распространению христианства, против чего энергично выступал американский миссионер Джильберт Рейд, которого иностранцы считали лучшим знатоком тогдашнего Китая. Он опровергал точку зрения о том, что поддержка конфуцианства может повредить распространению христианства, и горячо приветствовал движение в пользу конфуцианства³. Совершенно иного мнения в связи с высказываниями Дж. Рейда придерживался автор статьи, опубликованной еженедельной газетой «Норс Чайна Геральд» (Шанхай) 30 августа 1913 г. на английском языке под заголовком «Государственная религия для Китая. Движение в пользу принятия конфуцианства». По заявлению автора данной статьи, вожаки этого движения выступали за то, чтобы в постоянную конституцию Китай-

ской Республики был включен параграф, согласно которому конфуцианство объявлялось государственной религией с учетом религиозной свободы граждан. Это, по его мнению, не только угрожало распространению христианства, но и могло вызвать неприязненные отношения между адептами других вероисповеданий: магометанами (мусульманами), буддистами и даосами. Как указывалось в статье, во главе движения стояли академик Чэнь Хуанчжан (родом из провинции Гуандун), получивший ученую степень доктора философских наук в Колумбийском университете США и избранный вице-президентом Общества Конфуция в Пекине, а также видный философ Янь Фу, бывший товарищем (заместителем) министра народного просвещения при династии Цин.

11/24 сентября 1913 г. вице-президент и губернатор провинции Хубэй Ли Юаньхун телеграфировал в Пекин высшему руководству страны о необходимости признания конфуцианства государственной религией. Тем временем губернаторы провинций по инициативе членов Общества Конфуция Чэнь Хуанчжана, Янь Фу, Лян Цичао, Ся Цзэнью, Ван Шитуня, вполне одобряя действия Ли Юаньхуна, разослали уездным начальникам предписания о необходимости внедрения в сознание населения идеи о том, что вне конфуцианства нет спасения для Республики. Примером такого распоряжения провинциальных властей российский консул в Кантоне (Гуанчжоу) А.Т. Бельченко называл предписание губернатора провинции Гуандун Лун Цигуана, появившееся в местной губернской газете⁴.

На усиление пропаганды конфуцианства в Китае указывали многие иностранцы, в том числе дипломаты. Тот же российский консул А.Т. Бельченко 24 сентября 1913 г. в донесении российскому посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому: «Совершенно незаметный 30 лет тому назад день рождения Кун-фу-цзы... по-видимому, делается национальным праздником⁵, а самое учение Конфуция общей национальной религией... Громадная разница в отношении, например, кантонской прессы к культуре Конфуция несколько лет назад и ныне. Тогда газеты называли Кун-фу-цзы весьма способным, ста-

рательным и добросовестным человеком, великим толкователем своим соотечественникам искусства управления и способа, каким должны управляться семейства, чтобы жить в согласии. Ныне [наблюдается] другая картина: *Конфуций – благой, мудрый, святой. Как воды покрывают моря и звезды блещут над всем земным шаром, так и влияние Конфуция самое совершенное, самое полное и блестящее. Конфуцианство – только одна религия* (здесь и далее курсив мой. – А.Х.). Оно не опирается на бормотание духов и демонов, не верит в силу Бога, не имеет никакого отношения к басням, которые говорят о подземном царстве, алчных демонах, жертвенных животных и о таких делах, которые по исследованиям ученых людей найдены принадлежащими к другим религиям. *Кун-фу-цзы по [всей] справедливости герой среди героев прошлого, основатель одной из древнейших религий в свете, по отношению к которой все другие религии и системы морали должны занимать подчиненное место.*

Все указанные мною факты, – подчеркивал российский дипломат, – свидетельствуют о желании китайского правительства создать в противовес христианской религии свою собственную в виде конфуцианства. Но мне кажется, на стремление создать собственную [государственную] религию нужно смотреть гораздо глубже. Нет никакого сомнения в том, что создание [ее] имеет в виду полное [политическое] объединение всего Китая вокруг культа Конфуция»⁶.

На фоне растущего интереса в Китае к судьбе конфуцианства весьма симптоматичным выглядит появившийся 9/12 июля 1913 г. указ Временного Президента Республики, в котором сказано: «После изучения истории Китая и мнения ученых людей я, Президент, уверен, что Кун-фу-цзы должен быть и оставаться учителем десять тысяч веков. Но в Республике власть принадлежит народу и право свободы совести должно быть уважаемо. Поэтому циркулярная телеграмма была послана Кабинетом в провинции по поводу [выяснения] мнения большинства нашего народа в отношении жертвенных церемоний, [связанных с] Кун-фу-цзы, и мы еще не получили их ответов. Ныне мы имеем лишь телеграмму от Инь

Чанхэна [комиссара по усмирению окраин в провинции Сычуань], советующего, чтобы училищам и школам по всей стране было предписано соблюдение жертвенных церемоний относительно Конфуция, и это является правильной мыслью. Настоящим предписывается: коль скоро будут получены ответы из провинций, тщательно выработать правила для жертвенных церемоний Конфуцию как знак глубокого [к нему] почитания. При нынешней безнравственности, когда народ считает неповиновение равенством и своеволие свободой, прочность и существование страны зависит от применения четырех добродетелей; и мы надеемся, что преданность Кун-фу-цзы вообще может возродить умы народа так, что существование Республики будет обеспечено навсегда»⁷.

Активная пропаганда конфуцианства, заметно усилившаяся в 1912–1913 гг., в последующие годы создала в Китае благоприятную почву для развертывания в стране управляемой сверху кампании в пользу реставрации монархии. Об этом позволяют судить донесения российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского, из которых одно, от 26 августа 1915 г., приводится ниже (в сокращенном виде):

«Монархическое движение в Китае, о развитии коего я имел честь доносить... 12 сего августа за № 44, пошло ... за истекшие две недели еще более ускоренным темпом. По почину Общества “Чоу-ань хуэй” (“Устройство порядка”) из разных мест Китая стали поступать в Пекин телеграммы с изложением пожеланий о восстановлении монархического строя. В том же смысле поступили заявления от имени большинства провинций, как Собственного, так и Застенного Китая, причем ... в большинстве случаев в качестве представителей этих провинций, особенно наиболее отдаленных, самозванно выступили не имевшие на то ни малейшего права проживавшие в Пекине либо уроженцы этих мест, либо лица, прежде занимавшие в них административные должности. Наконец, Президенту недавно была представлена вновь назначенным цзянцзюнем [правителем, генерал-губернатором] трех маньчжурских провинций Дуань Чжигуем петиция, подписанная всеми

цзянцзюнями и военными губернаторами, с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса об окончательной форме правления путем восстановления монархии. Подобная же петиция подана Совещательной палате (Цаньчжэнюань. – А.Х.) от имени всех торговых палат Китая.

Столь быстрый и неосмотрительный образ действий поощряемых свыше заправил монархического движения возбудил, однако, живейшие опасения среди наиболее опытных и осторожных китайских деятелей. Несмотря на свою беспредельную преданность Юань Шикаю, они сочли долгом высказаться перед ним в том смысле, что не считают настоящий момент благоприятным для осуществления, признаваемой, впрочем, в принципе желательной, перемены формы правления в Китае»⁸. Столь осторожная позиция наиболее опытных и зрелых китайских политиков отчасти объяснялась недовольством китайского населения, особенно торговцев, результатами уступок, сделанных Японии, предъявившей в январе 1915 г. правительству Китая «21 требование». Подписание китайской стороной в мае 1915 г. соглашения в соответствии с этими требованиями (согласно которым в руки Японии фактически перешла значительная часть приморской провинции Шаньдун, а также полуостров Ляодун) вызвало протесты среди патриотически настроенных китайцев. Об этом сообщал, например, консул в Харбине В. Траутшольд в Петербург Г.А. Козакову в донесении от 22 мая 1915 г. Касаясь митинга, устроенного в Фуцзядэ, предместье Харбина, российский дипломат остановился на выступлении на этом собрании Ли Цзяо, бывшего консульского агента во Владивостоке в период русско-японской войны, который заявил, что он «ликвидирует свой дом в Фуцзядэ, а деньги, вырученные от продажи своего имущества, жертвует в фонд Лиги спасения Китая».

В другом донесении от 10 июня 1915 г. Траутшольд представил в МИД России нижеследующую информацию: «Антаяпонское движение, вопреки газетным сведениям, нисколько не утихает, а, наоборот, все более разрастается. В фонд Лиги спасения Китая в одном Фуцзядэ собрано более 30

тыс. долларов. В Коммерческом обществе снова состоялось закрытое заседание китайских купцов, посвященное вопросу об установлении самого действенного надзора за китайскими фирмами, чтобы никто не смел нарушать [антияпонского] бойкота. Члены патриотической лиги даже учредили надзор на улицах Фуцзядэ... Один китаец был избит, когда вышел из японской парикмахерской, причем толпа, узнав, в чем дело, за него не заступилась... Из Пекина получено от Коммерческого общества воззвание с предложением признать на будущее время годовщину принятия [японского] ультиматума [21 требования] “днем национального позора”, в каковой ... торговля не должна производиться... Одна китайская фирма выпустила кондитерский товар в обложках, на которых напечатано, что китайцы должны вечно помнить об унижении, [нанесенном] нации»⁹.

Тем временем промонархическая агитационная кампания продолжала набирать темпы. Когда у В.Н. Крупенского приближенные к Юань Шикаю лица попытались выяснить его мнение относительно возможного возвращения Китая к монархическому строю, российский дипломат высказался в более или менее одинаковом смысле с английским посланником Дж. Джорданом. Это видно из текста цитируемого ниже его донесения от 26 августа 1915 г. «Я высказал мнение, что в настоящее время общее международное политическое положение не благоприятствует каким-либо переменам, могущим создать для Китая внутренние или внешние осложнения, и что мне казалось бы поэтому предпочтительным как в интересах Китая вообще, так и Президента отложить до окончания [мировой] войны осуществление мысли о восстановлении монархии... Мои слова тотчас были переданы Президенту, и два дня назад Юань Шикай прислал ко мне доверенное лицо, чтобы выразить его искреннюю благодарность за откровенно высказанное мною мнение... и сообщить, что он намерен отложить до окончания европейской войны решение вопроса о перемене государственного строя в Китае. Вместе с тем Президент поручил своему посланцу объяснить мне, что он не принимал никакого участия в воз-

никновении монархического движения и готов исполнить лишь то, что от него потребует народ во имя блага страны»¹⁰.

В тот же день, когда российскому посланнику было сделано от имени президента вышеупомянутое сообщение, Юань Шикай обратился к Совещательной палате с посланием, в котором он высказывался против изменения в настоящую минуту формы государственного правления. В этом же смысле им был послан по телеграфу ответ на петицию цзянцзюней и военных губернаторов Маньчжурии. «Уже говорят, – как сообщал В.Н. Крупенский, – что в их среде произошел раскол. Некоторыми из них ныне распространяется мысль о возможности... компромисса, который выразился бы в провозглашении Юань Шикая “императором Китайской Республики” либо в объявлении его “наследственным президентом”»¹¹.

Чтобы убедиться в попытках Юань Шикая для вида занять «нейтральную» позицию в вопросе замены республиканского образа государственного управления на монархический, достаточно обратиться к тексту его послания, направленного Совещательной палате. Судя по публикации этого важного документа в газете «Ясия жибао» от 25 августа 1915 г., Юань Шикай заявлял: «Вследствие того, что за последнее время на имя Совещательной палаты, заседающей ныне в качестве законодательной палаты, поступило прошений более чем от 20 провинций касательно изменения государственного устройства, Президент Республики вчера через посредство старшего советника Государственного департамента Ян Шици отправил на имя названной палаты послание следующего содержания: “Будучи облечен доверием населения, я уже в течение четырех лет занимаю пост Президента Китайской Республики. То обстоятельство, что за последние дни одна провинция за одной подает в Совещательную палату... петиции об изменении государственного строя, является явлением, трудно совместимым с занимаемым мною положением Президента Республики. С другой стороны, однако, будучи избран в президенты волей всех граждан Республики, я, конечно, обязан постоянно прислушиваться к их голо-

су... По моему мнению, с вопросом об изменении государственного устройства связаны многочисленные подробности [процедуры], к коим надлежит относиться со всевозможной осторожностью; всякий необдуманный шаг в этом направлении грозит серьезными затруднениями, посему я в качестве Президента Республики, на коем лежит обязанность защиты высших государственных интересов, отношусь к этому вопросу отрицательно. Что же касается петиций от населения, то важно, чтобы они были вызваны желанием укрепить основу государства и поднять государственное могущество. Если будет выяснено настроение большинства населения, то, само собой разумеется, будет найден и наилучший выход из создавшегося положения. Кроме того, в данное время как раз происходит выработка проекта постоянной конституции для Республики, а потому, если будут приняты во внимание и подвергнуты подробному обсуждению все обстоятельства, то будут придуманы и наиболее подходящие к нынешнему положению вещи меры”»¹².

Чтобы понять, насколько двусмысленным было по существу это послание Юань Шикая, мечтавшего о неограниченной императорской власти, достаточно обратиться к его реальным закулисным действиям и переговорам. Об этом писали иностранные дипломаты, в том числе В.Н. Крупенский в своей депеше от 12 августа 1915 г., в которой он сообщал: «Ссылаясь на донесения мои от 1-го минувшего июля и 5-го сего августа за № 34 и 41 касательно вероятного возвращения Китая к монархическому строю, считаю долгом сообщить, что вопрос этот продолжает весьма быстро продвигаться к разрешению в утвердительном смысле и ныне является здесь главнейшей злобой дня... Как я узнаю из близких к Президенту кругов, сам Юань Шикай все более и более открыто высказывается в пользу монархической формы правления, сторонниками которой, по его словам, являются 9/10 политических деятелей Китая (нужно заметить, что все теперешние эти деятели – ставленники Юань Шикая). При этом Президент не только выказывает себя теперь, в тесном кругу приближенных к нему лиц, готовым вступить согласно “всена-

родному желанию”, на китайский престол, но проявляет даже по временам стремление вернуться ко временам прежней неограниченной императорской власти. Доверенным его советникам удалось, однако, кажется, убедить его в целесообразности оставления в силе хотя бы внешних признаков конституционного строя»¹³.

Упомянутое выше послание Юань Шикая вместе с другими его мерами по укреплению личной диктатуры практически развязало руки его сторонникам-монархистам. 28 ноября палата Цаньчжэнюань (Совещательная палата), наделенная президентом полномочиями законодательного органа (лифаюань), представила Юань Шикаю доклад о результатах голосования относительно выбора формы государственного правления и кандидата на высший административный пост в новой системе государственного управления. В ходе выборов Юань Шикай был единогласно избран императором в связи с установлением монархического строя в Китае. Первым декретом он заявил, что не может отказаться от клятвы, данной им на верность Республике, а вторым – изъявил готовность подчиниться воле народа при сохранении прежнего порядка управления страной. 30 ноября во дворце Юань Шикая состоялся прием для высших сановников, принесших ему поздравления в связи с принятием императорского титула. Во время приема гостей Юань Шикай в форме верховного главнокомандующего стоял впереди императорского трона, а сановники по очереди совершали принятый при цинском дворе обряд «коу-тоу», заключающийся в трех земных поклонах с коленопреклонением.

В день Нового года во дворце Юань Шикая состоялся парадный прием для высших военных и гражданских чинов, представителей маньчжурского дома и монгольских князей, иностранных советников и дипломатического корпуса столицы в полном составе. Юань Шикай вышел к гостям в мундире фельдмаршала китайской армии. Присутствовавшие на новогоднем приеме китайцы приветствовали его тремя поясными поклонами, а иностранцы – наклоном головы.

В последний час уходящего старого года – 31 декабря 1915 г. (по н. ст.) Юань Шикай подписал указ о наименовании следующего года девизом Хун-сянь, что означало «великое устройство», которое, однако, не оказалось столь благоприятным из-за острой политической борьбы, разгоревшейся между Юанем и его противниками-республиканцами. О влиянии этой борьбы на провинциальное чиновничество позволяет судить донесение российского генконсула в Харбине В. Траутшольда от 8 января 1916 г., отправленное в МИД России Г.А. Козакову. В этом донесении российский дипломат, в частности, сообщал: «Местные китайские власти получили предписание во всех внутренних сношениях придерживаться нового монархического порядка, а старый республиканский сохранить лишь при сношениях с иностранцами. Однако поступающие к нам для визы китайские паспорта, а также [официальные] бумаги уже все помечены первым годом правления Хун-сянь. Интересно, что здесь наблюдается среди чиновничества и купечества единодушное сочувствие юннаньским событиям [связанным с вооруженным выступлением против Юань Шикая]... Чувствуется, что и Юань Шикай потерял здесь всякую популярность... Говорят, что увлекаются чтением революционной газеты “Миньгобао”, которая получается здесь из Шанхая по русской почте!»¹⁴

Оставляя в стороне перипетии и детали правления Юань Шикая в качестве императора в течение 83-х дней¹⁵, наполненных ожесточенной борьбой с противниками монархии, отметим, что на почве неудач он тяжело заболел и скончался, о чем иностранные дипломаты, находившиеся в китайской столице, поспешили сообщить руководителям своих стран. В их числе был и представитель России Н.А. Кудашев, прибывший в Пекин на смену В.Н. Крупенского.

Любопытное свидетельство о реакции провинциальных властей на смерть Юань Шикая находим в донесении В. Траутшольда от 1 июня 1916 г.: «Известие о кончине Юань Шикая было принято... в китайских сферах с чувством полного удовлетворения. Все верят, что это лучшая развязка пе-

кинской трагедии, что теперь конец междоусобицы и что при Ли Юаньхуне, который так же популярен на юге, как и на севере... наступит новая эра... прогресса в Китае. Телеграмма [дипломатической] миссии в Пекине о смерти Президента была получена мною 25 мая... когда я... собирался на ипподром на спортивно-гимнастический праздник коммерческих училищ...

Ли Хунмо и Мачжунцзюнь, узнав, что я имею официальную телеграмму, немедленно покинули ипподром. Они надели траур, приспустили флаги и объявили в газетах, что с 30 мая по 1 июня ежедневно от 10 до 11 час. утра в помещении Пекинского Бюро состоится... панихиды. Сегодня, проводив в 10 час. утра квантунского генерал-губернатора, мы все: чины КВЖД с генералом Хорватом, чины Заамурского округа с генералом Переверзевым во главе и др. отправились с вокзала в Бюро. Церемония была до крайности проста: она в сущности состояла из троекратного поклона портрету покойного Президента и продолжалась не более 3-х мин. Ли Хунмо тем не менее успел прослезиться¹⁶.

Любопытной характеристикой Юань Шикая как крупной политической фигуры в истории республиканского Китая откликнулся на его смерть известный в Харбине китаевед И.А. Доброловский, опубликовавший под своими инициалами «И.А.-ч» (Илья Амвлихович) статью «Смерть президента Юань Шикая» в газете «Харбинский вестник» (№ 3786 от 28 мая 1916 г.). Об его оценке китайского политического деятеля позволяют судить приводимые ниже пассажи из упомянутой статьи: «Телеграфное сообщение из Пекина о смерти Юань Шикая произвело во всем Китае огромное впечатление своей неожиданностью в момент наибольшего напряжения его борьбы со своими активными и пассивными противниками. Правда, уже около двух недель до этого печать сообщала о недомогании президента, замкнутой его жизни, прекращении приемов, изменении его делового режима и проч. Но все эти слухи принимались за скрытый ход политической борьбы...

По некоторым сведениям, Юань Шикай умер от смешения методов и рецептуры ев-

ропейской и китайской медицины. Его лечили французские и китайские врачи, причем больной по собственному выбору исполнял или игнорировал их указания, или, наконец, глотал сразу все снадобья латинской и восточной “кухни”, вызвав по этому поводу злорадное замечание одной из пекинских газет о сомнительной пользе такого лечения¹⁷.

Так прервалась жизнь, несомненно, крупной исторической личности, ловкого царедворца, временщика, либерального (?) президента, а затем диктатора с сильной и твердой волей, императора в течение [почти] 100 дней и опять президента-диктатора...

Для всех иностранцев, кроме японцев, Юань Шикай был символом всего Китая; его считали настоящим китайцем, продуктом [традиционного] уклада китайской жизни, ее политическим барометром».

Среди сообщений российской печати по поводу смерти Юань Шикая особенно ценной представляется депеша Н.А. Кудашева от 25 мая 1916 г. (№ 23), в которой говорилось: «Приезд мой в Пекин совпал с резким ухудшением во внутреннем положении Китая. Возлагавшиеся Центральным правительством большие надежды на благоприятные для него результаты трудов нанкинской конференции рухнули, не найдя никакого другого выхода из кризиса, кроме отставки Юань Шикая, которой, однако, пока не сочувствовали генералы Фын, Ни и Чжан [Фэн Гочжан и др.] – инициаторы конференции. Последовавшее затем объявление независимости Сычуани, Шэньси и части Шаньси доказало, что движение перешло и на север Китая и что таким образом абсолютно верными Юань Шикаю остались лишь две провинции Чжили и Хэнань, так как в прочих беспорядки также начались. Наконец, *полное отсутствие денежных средств у правительства*, заставившее его бросаться во все стороны, выпрашивая у различных иностранных фирм ничтожные ссуды в несколько сот тысяч долларов, и то, как говорят, под залог драгоценностей национального музея, лишь бы иметь возможность в конце концов уплатить жалованье солдатам, *не оставляло сомнений, что конец Юань Шикая близок...*

Такова была картина политического положения страны, когда неделю тому назад Юань Шикай почувствовал легкое недомогание, выразившееся в слабости всего организма, в отсутствии аппетита и бессоннице.

Под влиянием [политических] событий в понедельник в здоровье Юань Шикая произошло сильное ухудшение, и спешно вызванный д-р Бюссиер установил все признаки уремии, от которой президент и скончался во вторник, 24 мая, около 10 час. утра. Помогавший Бюссиеру ассистент не разделяет этого диагноза и на основании опыта, приобретенного долготелней практикой в Китае, видит причину смерти Юань Шикая в самоотравлении ядом, который при введении в организм вызывает все признаки уремии.

Последняя версия смерти президента частным образом разделяется [и] в китайских правительственных кругах.

Как только кончина президента стала известна, в его дворец прибыли все высшие сановники, и на состоявшемся там заседании Совета министров было решено, что в силу статьи 29-й Конституции власть должна перейти к вице-президенту Ли Юаньхуну.

Как я имел честь телеграфировать Вашему Высокопревосходительству, вчера (телеграммой № 341), об этом решении [китайского] правительства председатель Совета министров Дуань Цижуй заявил посетившим его сообщая всем союзным посланникам, прибавив, что правительство примет все меры к поддержанию спокойствия в стране и к обеспечению безопасности иностранцев. Мы выразили Дуаню наше соболезнование по случаю кончины президента и обещали нашу поддержку новому законному правительству во всех его начинаниях...

Хотя вчера в городе и наблюдалась паника среди более зажиточного населения, выразившаяся в массовой сдаче на хранение в [дипломатические] миссии и иностранные банки ценных вещей, ночь все же прошла вполне спокойно.

Теперь еще рано делать оценку настоящему событию. Одно можно лишь сказать, что *смерть Юань Шикая, принимавшего участие во всех крупных событиях Китая*

за последние 30 лет, не может пройти безрезультатной в истории [этой] страны. Китай теряет умного и энергичного деятеля, подобных которому в стране мало и которые ей крайне нужны в настоящее время...

В настоящую минуту кончина Юань Шикая имеет то непосредственное значение, что она облегчает разрешение многих вопросов, ибо главное яблоко раздора между Югом и Севером устранено. Принимая, однако, во внимание слабость характера Ли Юаньхуна и желание генералов, игравших роль в событиях последних месяцев, самим встать во главе Китайской Республики, нам следует быть готовыми к тому, что в Китае еще не так скоро утвердится прочный порядок и [появится] устойчивое правительство»¹⁸.

Последовавшие за смертью Юань Шикая политические события, связанные с приходом к власти слабовольного Ли Юаньхуна, лишь подтвердили прогноз российского посланника: в последующие годы в Китае, вернувшись к республиканской форме правления¹⁹, развернулась ожесточенная борьба за власть между различными группировками милитаристов, продолжавшаяся не один десяток лет.

Примечания

¹ Подробнее о служебной карьере Юань Шикая и оценках его действий (до и после назначения главой правительства в 1911 г.) см.: Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 323, оп. 4, д. 1314, л. 42–43; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Китайский стол, оп. 491, д. 403, л. 94; «Новое время», 9/22 февраля 1912 г.

² АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 403, л. 200.

³ Дж. Рейд, в частности, указывал, что идея создания национальной религии в виде конфуцианства имела свою цель способствовать подавлению усиливающегося беззакония и распущенности китайской молодежи, но для этого не надо было объявлять конфуцианство государственной религией.

⁴ Следует отметить, что интерес к учению Конфуция, явно обозначившийся в период кампании за сохранение его культа в Китае, проявился и в соседней Японии. Еще в январе 1911 г. в Токио вышла книга о Конфуции, написанная Саванаягой,

бывшим помощником министра иностранных дел, впоследствии занявшим пост президента Императорского университета в Токио. В этой книге значение древнекитайского философа рассматривалось во многих аспектах применительно к Японии, Китаю, Индии и странам Европы. В ней во всей полноте излагался вопрос о сыновней почтительности, поэтому она была разослана во все средние учебные заведения Японии. Как отмечала газета «Джапан викли кроникал», поместившая 26 декабря 1912 г. статью анонимного автора под названием «Китайская мораль в Японии», в этой книге, несомненно, была представлена официальная точка зрения на мораль, изучение которой в японских школах считалось весьма желательным.

⁵ Газета «Миньчжи-бао» в номере от 12 сентября по поводу торжественного празднования дня рождения Конфуция писала, что праздник этот не должен отличаться одним внешним видом, но должен сопровождаться сердечным восприятием тех идей, которые заключаются в книгах святого Конфуция.

⁶ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 865, л. 7, 12–13.

⁷ Там же, л. 11.

⁸ Среди таких деятелей российский дипломат упоминал вице-президента Ли Юаньхуна, министра иностранных дел Лу Чжэнсяна, государственного контролера Сунь Баоци и советников при президенте адмирала Цай Тингана и генерала Мунте, которые свой взгляд на изменение формы государственного устройства Китая основывали как на несочувствии китайской интеллигенции и большинства представителей прессы к старому монархическому строю, так и главным образом на опасении, что Япония может воспользоваться предполагаемой переменой для более активного вмешательства во внутренние дела Китая с целью территориальных захватов. См.: АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 41, л. 51.

⁹ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 218, л. 179, 195.

¹⁰ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 41, л. 51–52.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 53.

¹³ Там же, л. 49.

¹⁴ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 219, л. 9.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Хоу Ицзе*. Юань Шикай цюань чжуань (Полная биография Юань Шикай). Пекин, 1994; Баши сань тянь хуанди мэнь

(Мечтания Юань Шикай в течение 83 дней своего императорского правления) // Сборник статей и воспоминаний под ред. У Чанъи. Пекин, 1983.

¹⁶ АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 219, л. 101–102.

¹⁷ Аналогичной версии о причине смерти Юань Шикай придерживался и автор хроникальной заметки под заголовком: «Умер маститый президент Республики... экс-император Юань Шикай», опубликованной 27 мая 1916 г. в «Харбинском вестнике» (№ 3785). Это видно из следующего отрывка: «Лишь в последние дни политическая буря, разгравшаяся на юге Китая, пошатнула железный организм Юань Шикай. К числу других болезней прибавилось сильнейшее нервное расстройство. Лишенный европейского образования, Юань Шикай не доверял европейской науке, но был настолько умен, чтобы знать истинную цену китайской медицины. Выход из этого тупика президент нашел весьма неудачный – он принимал как президент одновременно и лекарства французских врачей, и снадобья китайских медиков, питая надежду, что какое-нибудь лекарство поможет против грозного недуга... [Такое] своеобразное лечение приблизило роковой конец, и Юань Шикай не стало. В истории Китая перевернулась новая страница». Последняя фраза в цитированном отрывке наводит на предположение, что автором заметки был также харбинский китаевед И.А. Добролювский, перу которого принадлежит опубликованная 16 декабря 1915 г. (№ 3642) в «Харбинском вестнике» статья «Избрание Юань Шикай на царство» (за подписью «И. Добролювский»).

¹⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 35, л. 22–23.

¹⁹ Для характеристики первых распоряжений администрации Ли Юаньхуна весьма симптоматично возвращение к празднику Республики – 10 октября, о чем сообщал В. Траутшольд Г.А. Козакову в донесении из Харбина от 14 октября 1916 г., в котором говорилось: «Местные китайские власти получили в этом году предписание отпраздновать день Республики – 10 октября – с особенной торжественностью, дабы подчеркнуть возвращение Китая к чисто республиканскому режиму. Как меняются времена! В прошлом году главное торжество было в день рождения Юань Шикай и все были уверены, что 10 октября уже больше никогда не будет праздноваться». См.: АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 219, л. 227.

В.В. Беляков

ГОСТИ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЯ

Воспоминания генерала Ф.П. Рерберга об эвакуации беженцев в Египет

О том, каким образом весной 1920 г. в Египте оказались около 4500 русских беженцев, известно ныне достаточно хорошо – и из архивных документов¹, и из мемуаров². Однако обнаруженные мною недавно в архиве Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» в Москве воспоминания генерал-майора генерального штаба Федора Петровича Рерберга (9.10.1868, Тифлис – 14.9.1928, Александрия)³ добавляют к картине эвакуации из России неожиданные и весьма яркие краски. К тому же они имеют и литературные достоинства.

Эпизод, в котором рассказывается о плавании беженцев из Новороссийска в Александрию и их последующем заселении в «Русский лагерь» в Телль аль-Кебире, на полпути между Каиром и Исфаилией, является лишь крохотной частью обширных мемуаров Ф.П. Рерберга. Они были написаны в середине 1920-х годов в Александрии и представляют собой несколько переплетенных машинописных тетрадей объемом свыше 1500 страниц, напечатанных через один интервал по ширине листа. Текст отрывка приводится с незначительными сокращениями.

Вечером⁴, когда уже начало темнеть, «Саратов»⁵ отдал концы, два буксира начали оттаскивать нас от пристани, и когда все провожающие во мраке наступившей темноты начали смешиваться с окружающими предметами, затрепетал старый «Саратов», заработали под кормою винты, и мы вышли в открытое море!

Вот когда можно было сказать: «Прощай, Россия!»

На следующее утро все пассажиры «Саратова», вылезая из своих помещений и подозрительно осматривая друг друга, начали понемногу знакомиться между собою, и уже к вечеру по палубе, взад и вперед, гуляли и парочки, и целые табунки беззабот-

ной молодежи. Резвились и многие дети, радуясь возможности побегать по чистой палубе и затевать детские игры.

С нами ехал весь Донской (в прежние времена имени Императора Александра III) кадетский корпус во главе со своим директором генерального штаба генерал-лейтенантом (производства либо Керенского, либо атаманского) Александром Васильевичем Черячукиным⁶...

Сколько тогда у многих было надежд! Почему-то Черячукин думал, что его корпус везут прямо в Лондон; с палубы «Саратова» он говорил кому-то из провожающих, что ему, по прибытии в Лондон, по всей вероятности, придется представляться английскому королю... Многие с завистью слушали предположения Черячукина. Все беженцы не имели никакого представления, куда их везут...

Уже с двадцать второго⁷ начались у нас на пароходе различные выборы различных уполномоченных: по дележу мяса, хлеба, чая, сахара; часть выбранных пассажиров получила название «трюмных», ибо они должны были лазить в трюмы, где и получать продукты; на эти должности устроились наши мальчишки, которые «служение обществу» соединяли с шалостями. Часть пассажиров, и главным образом пассажиров, были избраны готовить в паровой кухне горячую пищу. Надо отдать справедливость, что в первые дни получалась изрядная бурда.

23-го мы прибыли в Константинополь, под желтым флагом⁸. <...> Здесь мы узнали, что русским властям удалось исходатайствовать разрешения высадки в Константинополе всех пассажиров, кои об этом ходатайствовали. С утра на пароход прибыл представитель Добровольческой армии ген[ерального] штаба ген[ерал]-лейт[енант] Агапеев (младший брат того полк[овника] Агапеева, который 31 марта 1904 г. погиб

вместе с адмиралом Макаровым⁹ при взрыве «Петропавловска»).

От лиц, желавших оставаться в Константинополе или на островах, требовались подписки о материальной обеспеченности. К «Саратову» подошел пароход, который должен был везти пассажиров прямо на острова. У кого были достаточные деньги, тех спускали прямо в Константинополь. Среди съехавших на берег без затруднений был и профессор П.Б. Струве¹⁰. В числе лиц, получивших разрешение оставаться в Константинополе, был и я с семьей... На сборы нам было дано часа три. Засуетилась публика, получившая разрешение схода, так как многим не хотелось так далеко уезжать из России в надежде на скорое возвращение. Кинулись, кто к капитану, кто к ревизору, кто к коменданту, с просьбами распоряжения о поднятии из трюмов багажа. Но для большинства это оказалось невозможным, ибо в Новороссийске багаж был погружен в трюмы в таком хаотическом беспорядке, что не оказалось даже никакой возможности найти наши сундуки. Тогда находившийся на пароходе ген[ерал] Агапеев, по моему ходатайству, разрешил нам следовать на «Саратове» до Кипра и, когда все разгрузятся, возвратиться обратно вместе со своим багажом. Таким образом, получалось, что мы идем при нашем багаже, а не багаж при нас! Были даны соответственные бумаги. Лица, сумевшие добыть весь свой багаж, погрузились на пароходик и поехали на острова.

На другой день утром «Саратов» плавно скользил по водам Мраморного моря; погода была великолепная, и все пассажиры любовались видами, которые ровно ничего интересного из себя не представляют и в подметки не годятся видам Черноморского побережья. Самое интересное – это были следы недавней борьбы, протекшей в этих водах: остатки затонувших и выбросившихся на берег кораблей и пароходов и, как помнится, днище одного перевернувшегося броненосца.

Вплоть до Кипра путешествие ничего интересного из себя не представляло. По привычке, приобретенной в бедной разболтавшейся России, каждый день в разных трюмах и пассажирских помещениях про-

исходили разнообразные митинги, выносились какие-то никому не нужные резолюции и решения; пароход жил жизнью взбодраженных людей. На спардеке была станция радиотелеграфа, которая несколько раз в день работала. Несколько остряков начали распространять на пароходе «новости», полученные по беспроволочному телеграфу; очень скоро эти новости получили название «врадио».

В первых числах марта мы подошли к Кипру. С большим интересом смотрели мы с палубы на пустынные берега этого острова. После полудня мы заметили, что мы подошли к какому-то порту, в котором стояло всего лишь одно судно: это был небольшой английский крейсер, стоявший здесь в виде стационара. Городок, по-видимому, был очень небольшой, правее на берегу виднелись какие-то бараки. «Саратов» выкинул сигнал лоцмана, и от берега отделилась шлюпка, шедшая нам наперерез.

По принятии лоцмана «Саратов» сделал полувольт налево и вошел в порт, который с моря даже не был заметен. Нельзя было не любоваться маневром огромного парохода, который, как маленькая лодочка, влетел в порт, в котором едва два парохода могли бы поместиться, в такие узкие ворота, что издали они казались уже «Саратова». Так хороший кучер в былые времена вкатывал в ворота барской усадьбы и, круто повернув направо, подкатывал к подъезду господского дома.

Город, к которому мы подошли, оказался маленьким портовым городком Фамагуста.

Как только мы отшвартовались, тотчас на трапы была поставлена портовая стража, и никому из пассажиров не разрешалось выйти даже на трап. Почти все пассажиры «Саратова» высыпали на палубу и спардек и, любуясь маневрами маленького паровозика, таскавшего взад и вперед вагончики узкоколейки, старались угадать, куда нас закинет судьба. С вечера на пароход прибыли англичане, представители местного английского начальства, о чем-то говорили с нашей администрацией, но мы, пассажиры, ничего не знали, пока нам не объявили полученное распоряжение: завтра с утра все пассажиры «Саратова» группами по

двести человек должны следовать на берег на дезинфекцию, после чего будут отправляться в карантин: сначала в портовые сараи, а затем – в лагеря для военнопленных, когда будут вывезены из них содержавшиеся там турки.

Как только «Саратов» отшвартовался у пристани, на набережную прибыло две воловьих арбы: одна с белым хлебом, а другая – с апельсинами; оказалось, что какой-то богатый грек, узнав, что идет пароход с несчастными русскими беженцами, прислал нам в подарок полторы тысячи хлебов и столько же прекрасных, сочных апельсинов. Эта мелочь произвела такое впечатление, что у большинства пассажиров явилось желание остаться в Кипре и как можно скорее выгрузиться на берег, что должно было совершиться очень скоро, так как на другой день прибытия с раннего утра заработала кормовая лебедка и матросы с английского крейсера приступили к выгрузке из трюмов на набережную нашего багажа. Но этих признаков скорого схода на берег нашим пассажирам было мало; они устроили в трюмах митинги, на которых постановили написать местному английскому коменданту петицию с просьбой скорейшей высадки. В этой петиции были сгущены краски в расчете разжалобить английское начальство. Прося об ускорении высадки, составители петиции написали, что у нас на пароходе много больных, что если нас немедленно не сгрузят с корабля, то мы все заболеем, что мы почти сплошь покрыты вшами и т.д.

Действие этой петиции вызвало последствия совершенно неожиданные: на другой же день с утра английские матросы начали грузить наш багаж обратно с пристани на пароход; по окончании погрузки «Саратову» было приказано выйти на рейд, где и ожидать дальнейших распоряжений. Как мне потом рассказывали сведущие люди, английский комендант, получив нашу петицию, так испугался, что заразит болезнями весь остров, что тотчас приказал прекратить разгрузку и выпроводить нас из порта. Вот что наделала наша петиция. Многие из нас, не заинтересованных в высадке в Фамагусте, от души потешались над составителями петиции.

Когда мы стояли на рейде, к Фамагусте подошел «Херсон»¹¹, зашедший, как и мы, на один день в порт. На следующий день и «Саратов», и «Херсон» получили приказание следовать в Александрию, куда мы прибыли утром 7 марта. По входе в порт мы стали на бочку. Всякое сообщение с берегом было воспрещено, и мы с палубы любовались видом города. На Александрию я смотрел весьма равнодушно, так как думал, что при выгрузке останусь на пароходе и возвращусь в Константинополь. Но администрация парохода, согласившись взять с собою князя Голицына, мне отказала, говоря, что им не известно, куда пароход идет из Александрии.

Когда последовало распоряжение всем выгружаться в карантин, никакие бумаги не помогли... все ваши вещи, не обращая никакого внимания на ваши заявления, с парохода сгрузили на баржу и мы их получили уже в карантине, после обрызгивания какой-то жидкостью, причем один чемодан был разрезан и вещи из него выкрадены. С этой минуты все мы обратились в стадо каких-то бесправных животных, которых загнали в круглое здание карантина, кормили (довольно сытно), поили, мыли, но никуда не выпускали и с вами не разговаривали. За время ареста в карантине мы ровно ничего не могли узнать о том, что будет с нами дальше. Люди, говорившие по-английски, «ходили» к англичанам и, приходя от них, рассказывали нам, что по окончании срока карантина все мы будем перевезены в Каир и его окрестности, где для нас будут наняты виллы, на которых совсем не будет жарко; семейным будут предоставлены отдельные домики, а холостые будут размещены по несколько человек в каждой вилле, в качестве поваров и прислуги будут наняты арабы. Многие беженцы возбуждали различные вопросы, на которые нам никто не отвечал. Тогда был возбужден вопрос о приглашении к нам, в карантин, находящегося в Александрии русского консула некоего Петрова¹². Предложение это вызвало целую бурю споров, так как никто не знал, кто этот Петров; многие боялись, что мы попадем в руки большевистского ставленника или масона!

Но, наконец, консул прибыл. В каком-то особо избранном помещении было назначено заседание, на которое от нас было допущено три делегата; на заседании был консул и англичане. Чтобы никто не мог проникнуть в зал заседания, и для пущей торжественности, как мне говорили (я туда не ходил), у дверей помещения были поставлены часовые от кадет!

Вечером наша палата наполнилась слухами и рассказами о результатах совещания. Говорили, что консул Петров ровно ничего не знает, что он над нами издевался, что он говорил, что никаких вилл нам ровно никто не даст, говорил, что данное нам название «Гости английского короля» мы сами выдумали, что никаких вилл нам никто не предоставит, ни в какой Каир нас не повезут, а повезут в один из лагерей для военнопленных турок, освобождаемый по мере отсылки турок на родину и т.д. Многие возмущались словами консула; какие-то люди предлагали даже писать какую-то петицию или жалобу на консула, некоторые говорили, что теперь ясно, что это большевистский ставленник и провокатор, это он говорит нарочно, чтобы мы начали протестовать, чтобы испортить наши отношения с англичанами, что всем известно, что нас пригласил английский король и что все на нас должны смотреть как на гостей короля, и не может же король своих гостей располагать в лагерях для пленных и т.д.

Незадолго перед отъездом нам подсыпали для мытья и дезинфекции команду с «Херсона», от которой мы узнали, что оба наши парохода отправляются обратно в Константинополь. Таким образом судьба забросила меня в Египет.

Дня за три до отъезда нам объявили, что карантин в Александрии окончен и нас повезут в Каир, и было приказано расписать всех беженцев на два эшелона: первый поезд будет отправлен 14, а второй на следующий день. Началась суета: все хотели попасть в первый поезд, так как боялись, что первая партия расхватает себе лучшие виллы, а вторая партия должна будет довольствоваться тем, что останется. Так как большинство беженцев не доверяло генералу Хвостову, то была избрана комиссия, в которую вошли: Протасьев,

Башмаков и Манглер. На эту комиссию было возложено составить списки для обоих эшелонов. Не успела комиссия начать работу, как на нее посыпались всякие обвинения, чуть ли не во взяточничестве. Во всяком случае, по рассказам наиболее энергичных поборников справедливости, в решениях комиссии главное значение имеет не справедливость, а протекция и чины и звания беженцев; пошли толки о том, что теперь все равны, что прежние чины значения здесь иметь не должны и т.д. Вообще весь наш табор всполошился. Вечером, накануне отъезда, комиссия зашла в нашу палату проверить списки. Вместо того чтобы отвечать на ее вопросы и давать необходимые сведения, жильцы нашей палаты обступили со всех сторон Протасьева и Башмакова и начали их укорять в несправедливом отношении к порученному им «общественному» делу, пожелали их проконтролировать и потребовали, чтобы комиссия прочла нам составленные ею списки, без чего мы ей не дадим никаких сведений, а один господин, некий Фюрер, вскочил на нары и громогласно объявил, что он не выпустит комиссию из нашей комнаты, пока она не ответит на наши вопросы, и что она удалится из палаты не иначе как через его труп, а разгоряченный столь хулиганским оборотом дела некий писатель Сергей Яблоновский¹³, наговорив ни в чем не повинному и крайне корректно себя державшему г. Протасьеву кучу дерзостей и угрожая оскорбить его действием, подскочил к нему и пытался здоровой рукой схватить его за борт сюртука. Сцена была в высшей степени неприличная и достойная пера Максима Горького. Беженцы держали себя не как интеллигенты, а как подвыпившие мастеровые. Главной причиной скандала было желание услышать список, дабы силой заставить комиссию вычеркнуть из него генерала Хвостова с семьей, успевшего в течение совместной жизни на пароходе заслужить ненависть некоторых слоев пароходного населения. После энергичной ругани, которой наша палата в лице Яблоновского и Фюрера обложила Протасьева, список был прочтен и получилось полное разочарование наших «общественных деятелей»: никакого Хво-

стова и никого из членов его семьи в списке не оказалось, и наши застрельщики имели вид легавой собаки, сделавшей стойку, из-под которой вместо перепела вылетел воробей, и насколько с достоинством в этой сцене показали себя г.г. Протасьев и Башмаков, настолько осрамились Яблоновский и Фюрер.

На следующее утро счастливицы и счастливицы, с сундуками и чемоданами, пропускаемые по списку представителями нашими и английскими через карантинные ворота, шли гуськом занимать места в поданном под самый карантин поезде. Поезд был вполне шикарный, состоял из вагонов первого класса, что еще раз нас убедило, что мы – «Гости английского короля» и едем на приятную жизнь на виллах, нанятых по приказанию английского короля, только никто не знал, на какой срок наняты эти виллы?

В пути гостеприимный король угостил нас чаем с печеньем, которые английские солдаты разносили по вагонам. Мы любовались видами Египта и, пролетая мимо дач и имений богатых людей, старались догадаться, не таковы ли будут дачи, приготовленные для нас гостеприимными хозяевами. Уже сегодня многие из наших милых дам рассчитывали пить вечером чай на террасе своей виллы. Около пяти часов дня поезд остановился у какой-то большой станции; на вывеске мы прочли название ее: «Загазик». Так как мы ни разу еще не видели карты ни Египта, ни сети их железных дорог, то с первого взгляда эта надпись нам ничего не сказала. Вдруг кто-то подходит к нашему отделению и говорит: «Ваше превосходительство! Пожалуйста сюда, как вы объясните нам это обстоятельство?» С этими словами мои спутники подвели меня к карте египетских жел[езных] дорог, прибитой к стенке в конце вагона. Из этой карты мы усмотрели, что Каир мы давно проехали, что он остался много вправо и что ст[анция] Загазик, у которой мы стоим, находится на полпути между Каиром и Суэцем. Это обстоятельство несколько нас озадачило, тем более что кто-то из присутствующих вспомнил, что александрийский консул что-то подобное предсказывал. Но оптимисты не унывали. То обстоятельство,

что мы попали в Загазик, тотчас было объяснено сильной перегрузкой главного направления Александрия – Каир, почему для пропуска экстренного поезда явилась необходимость воспользоваться кружными путями, и сейчас поезд пойдет в обратном направлении и через каких-нибудь три часа мы будем в Каире. Так как до вечера оставалось не более часа, то, очевидно, сегодня мы не успеем распределиться и разместиться по предназначенным нам дачам, а завтра с утра... вдруг поезд свистнул и тронулся, но почему-то не назад, а вперед, не к Каиру, а от Каира. Несомненно было то, что наши дачи были не под Каиром. Я возвратился в свое отделение и рассказал спутникам свои сомнения в расположении нас на дачах. «Ну, вечно вы что-нибудь выдумаете неприятное!» – отвечали мои спутники и спутницы.

Минут через сорок поезд начал замедлять ход. Трудно было предположить, чтобы та местность, по которой в данное время пробегал поезд, могла принять на жительство «королевских гостей»: с правой стороны пути тянулся какой-то грязный, невзрачный канал, кое-где были видны деревушки, местность была тоскливая и неживописная; слева, насколько видел глаз, тянулась песчаная пустыня, ни деревца, ни травки. Понемногу поезд остановился. Оказалось, станция Телль аль-Кебир. Кое-кто попробовал испугать наших дам, что здесь будет высадка, но, конечно, никто не поверил такому очевидному абсурду. Но вдруг по вагону пробежал шепот испуга: среди земляных построек, возведенных какими-то кротами, с пустынной стороны пути увидели двух идущих людей, похожих на русских солдат! Но кто-то успокоил, что это, очевидно, английские солдаты. В эту минуту поезд тронулся, чувство испуга стало проходить, но ненадолго; поезд не прибавлял хода; медленно продвинулся он на восток шагов на четыреста и остановился у воинской платформы. Кто-то вошел в вагон и заданным голосом сказал: «Приехали, господа, сейчас прикажут вылазить».

Трудно описать то отчаяние, которое отпечаталось на всех лицах наших беженцев, когда, выйдя на платформу, они увидели то место, куда нас забросила судьба! Кое-где

слышались дамские всхлипывания и мужские задавленные голоса, которые спрашивали: «Как, неужели вот тут, вот в этом лагере¹⁴ мы должны жить?» В двух местах послышались истерики, у многих на глазах были слезы. Все мечтания о виллах, о вкусном чае на веранде со сказочным видом, все сразу рухнуло, перед нами была ужасная действительность: жить в пустыне, в Африке, летом, в солдатских палатках, окруженными колючей проволокой и часовыми и, вместо чая и прохладительных напитков на живописных верандах, глотать собственные слезы. Несколько дам, сквозь слезы, требовали уже посылки телеграммы английскому королю, угрожая в случае отказа наложить на себя руки! Картина была в высшей степени драматическая. Хотя я и не дама и человек военный, но, откровенно говоря, и я был несколько потрясен, сознавая необходимость коротать свои дни в африканской пустыне, и грустными глазами окидывал вид английского лагеря, разбитого на песке. Здоровые шутники были англичане, которые сумели убедить наших дам (да и многих мужчин), что мы будем жить на дачах, и отвезли нас в пустыню!

Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Фонд Ф-1, дело М-86, л. 1490–1497.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317. Консульство в Египте. Оп. 820/3. Д. 210. Л. 6–8 об., 11–16.

² См.: По морям. Из воспоминаний В.Е. Чириковой-Ульянищевой // Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, с. 182–185; На пароходе. Из воспоминаний С.М. Беляева // Русская эмиграция в Европе в 1920-е – 1930-е годы. СПб., 2005, с. 215–228.

³ Беляков В.В. Российский некрополь в Египте. М., 2001, с. 29.

⁴ 5 марта 1920 г.

⁵ Пароход Добровольного флота «Саратов» был построен в Англии в 1892 г. Водоизмещение – 8950 тонн. Каютных мест в нем было всего 76, а мест для палубных пассажиров на дальних рейсах – 1520 (Поггенволь М. Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время XXV-летнего его существования. СПб., 1903, с. 234–235). Во время плавания из Новороссийска в Александрию на борту «Саратова» находился 1401 пассажир (АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 210. Л. 12).

⁶ О пребывании Донского кадетского корпуса в Египте см.: Беляков В.В. Кадеты на Суэцком канале // Восточный архив, № 18, 2008, с. 50–54.

⁷ Февраля ст. стилия.

⁸ Желтый флаг – указание на наличие на борту заразных больных.

⁹ Макаров Степан Осипович (8.1.1849, Николаев – 13.4.1904, близ Порт-Артура) – вице-адмирал, в начале русско-японской войны 1904–1905 гг. – командующий Тихоокеанской эскадрой. Возглавлял оборону Порт-Артура. Броненосец «Петропавловск» погиб, подорвавшись на mine близ Порт-Артура. Ф.П. Рерберг приводит дату гибели адмирала Макарова по старому стилю.

¹⁰ Струве Петр Бернгардович (7.2.1870, Пермь – 26.2.1944, Париж) – видный философ, публицист, общественный и политический деятель.

¹¹ «Херсон» – один из пяти пароходов, вывозивших беженцев из Новороссийска.

¹² Петров Александр Михайлович (22.9.1876, Москва – 6.8.1946, Александрия) с 1910 г. занимал пост российского консула в Александрии. Как и другие российские дипломаты в Египте, отказался признать Советскую власть.

¹³ Яблоновский (Потресов) Сергей Викторович (1870–1953, Париж) – журналист, поэт, литературный и театральный критик. В том же 1920 г. переехал из Египта во Францию.

¹⁴ Камп (англ. camp) – лагерь.

Р.М. Валеев

**«МОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БУДЕТ... ДЛЯ ТЮРКОЛОГИИ
НЕ БЕССЛЕДНО»**

Письма Н.Ф. Катанова к Э.К. Пекарскому. 1900–1916 гг.

Научные и просветительские заслуги Э.К. Пекарского и Н.Ф. Катанова в истории российской тюркологии воистину неопределимы.

Э.К. Пекарский (1858–1934) известен как выдающийся ученый – тюрколог и языковед, крупный исследователь-этнограф. Сосланный за пропаганду народничества на поселение в Якутию, он стал заниматься изучением языка, фольклора и этнографии якутского народа. Вошел в историю мировой и отечественной тюркологии фундаментальным «Словарем якутского языка», был составителем и редактором академического издания серии «Образцы народной литературы якутов» (т. I–III, 1907–1916). Его участие в экспедиции, организованной в 1894–1896 гг. Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества, сыграло исключительную роль в сборе лингвистических, этнографических и фольклорных материалов якутского народа.

В 1905 г. Э.К. Пекарский получил разрешение жить в Санкт-Петербурге, работал в Этнографическом отделе Русского музея (1905–1910 гг.) и в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (с 1911 г.). В 1914–1917 гг. он был секретарем отделения Русского географического общества (образовано в 1845 г.) и редактором журнала «Живая старина». В 1927 г. Э.К. Пекарский был избран членом-корреспондентом АН СССР и в 1931 г. – почетным академиком.

Биография и наследие Н.Ф. Катанова (1862–1922) также имеют огромное значение для истории отечественной тюркологии. Его педагогическая и научная деятельность – неоспоримое свидетельство крупных достижений российской тюркологии, развития отечественных гуманитарных исследований на рубеже XIX–XX вв.

Важным событием жизненного и профессионального пути Н.Ф. Катанова стало

его научное путешествие в 1889–1892 гг. в Центральную Азию с целью изучения языков и этнографии тюркских народов, организованное и поддержанное Русским географическим обществом, Петербургской Академией наук и Министерством народного просвещения. По значимости собранных общегеографических, лингвистических и историко-культурных материалов эта экспедиция стоит в ряду других известных путешествий в Среднюю Азию, Монголию, Сибирь и Восточный Туркестан, предпринятых во второй половине XIX – начале XX в. Среди участников этих масштабных экспедиций были Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, братья Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовский, В.В. Радлов, П.И. Лерх, В.А. Обручев, П.К. Козлов, Г.Н. Цыбиков, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.А. Жуковский, К.Г. Залеман и др.¹

Назначение Н.Ф. Катанова 9 ноября 1893 г. преподавателем восточных языков императорского Казанского университета открыло новый этап его научно-педагогической и общественной деятельности². В целом заслуги Н.Ф. Катанова состоят в исследовании языков, традиционных и новых форм экономической и социальной жизни, быта, фольклора и духовной жизни тюркских народов Саяно-Алтая, Синьцзяна, Поволжья и Приуралья.

Особый интерес представляет многообразное эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова. Первые письма, которые он написал своим наставникам, друзьям и коллегам, датируются 1884 г. Переписка продолжалась до его смерти в 1922 г. Письма дают возможность осветить и оценить многие значимые события творческой биографии ученого, которые долгие годы оставались вне поля зрения многих исследователей, изучавших жизненный путь

студента, путешественника и профессора Н.Ф. Катанова.

Их писем мы узнаем, например, что отсутствие в Казанском университете и в Казанской духовной академии полноценных условий для изучения восточных языков предопределило окончательное решение Н.Ф. Катанова поехать поступать на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. В принятии этого решения важную роль сыграли первые наставники будущего ученого Н.И. Ильминский и В.В. Радлов³.

По прибытии в Петербург Н.Ф. Катанов 20 августа 1884 г. написал Н.И. Ильминскому: «Так как мне желательно изучать восточные языки, факультета которых нет в Казани, я решился 16 ч[исла] уехать от Вас в Питер. Ректор университета д[октор]р меди[ины] Андреевский. Он зачислил меня в студенты и обещал дать стипендию на первом же курсе, что весьма желательно для меня. Столица очень нравится мне. Итак, если надо Вам навести кое-какие справки насчет минусинских наречий, я готов к Вашим услугам»⁴.

Письмо студента Н.Ф. Катанова другу Арсению Арсениевичу Ярилову (1868–1948) от 16 октября 1884 г. передает свежие впечатления о пути из Красноярска в столицу Российской империи. «Был я в Томске, будущем рассаднике сибирского просвещения, был и в столице древнего Казанского царства – Казани. Оба города, а затем обе столицы произвели изумительное впечатление, паче всего последняя. Там, а больше всего здесь, в столице, замечательное сочетание изящества с художественным в архитектуре и прочих произведениях ума человеческого»⁵.

Огромный интерес представляют неопубликованные письма Н.Ф. Катанова, написанные известным отечественным востоковедом – В.В. Радлову (1837–1918), В.Р. Розену, Э.К. Пекарскому, С.Ф. Ольденбургу (1863–1934), К.Г. Залеману (1849–1916) и другим ученым. Опубликованы письма Н.Ф. Катанова академику В.В. Радлову в период с 17 апреля 1889 г. по 12 ноября 1892 г., написанные в ходе комплексной этнографической и лингвистической экспедиции из основных центров южной

полосы Сибири и Восточного Туркестана. В сентябре 1893 г. в своем предисловии к изданию этих писем путешественника Н.Ф. Катанова его учитель В.В. Радлов отмечал, что в них «немало сведений, новых и интересных для этнографии и тюркологии» (тюркологии. – *Р.В.*). Основположник комплексных историко-этнографических и лингвистических экспедиций в места проживания тюркских народов Сибири второй половины XIX в., В.В. Радлов обращал внимание читателя на то, что письма его ученика «представляют особый интерес потому, что написаны на местах исследований и под свежим впечатлением»⁶. Именно Н.Ф. Катанову было суждено продолжить в 1889–1909 гг. комплексные тюркологические лингвистические, фольклористические и этнографические исследования в Центральной Азии.

К сожалению, до настоящего времени не опубликованы многие письма ученого-тюрколога и не сформировалась комплексная историко-научная и источниковедческая традиция введения в научный оборот эпистолярного наследия профессора Н.Ф. Катанова. Не менее важное значение для истории российской тюркологии представляют письма Н.Ф. Катанова к Э.К. Пекарскому, написанные в первые десятилетия XX в. и ныне хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

№ 1

Казань.

22 мая 1900 г.

В город Якутск,

Его Высокородию Э.К. Пекарскому.

Извещая о получении Вашего прекрасного во всех отношениях «Словаря якутского языка» (Якутск, 1899), содержащего слова на букву «а», а – ахсат (стр. 1–128), имею честь выразить Вам за присылку сего ценного издания сердечнейшую благодарность.

Жаль только, что печатание его тянется так долго и что Академия наук не взялась за его издание, тогда как словарь и по замыслу, и по исполнению заслуживает полной похвалы и всяческого поощрения.

Чтобы отблагодарить Вас за внимание, посылаю Вам со своим близким знакомым,

иеромонахом Алексием (в мире Оконешниковым), природным якутом, часть своих трудов, печатанных в Казани и Сибири. Не могу послать своих казанских изданий, уже разошедшихся, и изданий столичных, которых также теперь нет. Прошу принять посылаемое в дар и знак признательности за Ваше внимание.

Если бы Вы пожелали печатать у нас в Казани какие-либо статьи по истории или этнографии якутов и др[угих] инородцев, для Ваших этих статей места нашлось бы везде много, напр[имер]: в «Учен[ых] записк[ах] Казан[ского] унив[ерситета] или «Известиях» Общ[ества] арх[еологии], ист[ории] и этн[ографии], председателем которого я состою.

Свидетельствуя Вам свое почтение и преданность, остаюсь Вашим покорным слугою.

Н. Катанов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 202, оп. 2, д. 195, л. 1–2. Подлинник.

№ 2

Казань, 30 ноября 1901 года.

Многоуважаемый Эдуард Карлович!

Сим имею честь уведомить Вас, что и статья В.Ф. Трощанского⁷ «Эволюция черной веры у якутов», и сопроводительное к ней Ваше письмо от 26 октября с.г. мною вчера в исправности получены. Ожидая от Вас присылки остальных 2/3 работы Трощанского, пока займусь чтением присланной вчера части. Меня очень интересовала его программа, которую я печатал и корректировал несколько лет тому назад в «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии, где я состою председателем. Настоящая работа покойного В[асилия] Ф[илипповича], по-видимому, меня заинтересует еще больше, так как в ней я нахожу много сходного с чертами шаманства южно-сиб[ирских] тюрков и урянхайцев Сев[ерной] Монголии, быт, язык и верования которых я исследовал в 1889–1892 годах. Так как Вы вполне научно и основательно занимаетесь якут[ским] яз[ыком], то мне будет весьма приятно принести Вам весною, а может и раньше, в дар мое обширное исследование об урянхайском язы-

ке (приписка Э.К. Пекарского: «Просить 1 экземпляр для В.М. Ионова»⁸. – *Р.В.*), который, по мнению моему, вместе с карагаским⁹ сходен с якутским, а потому мое исследование будет Вам, быть может, не бесполезно (приписка Э.К. Пекарского: «даже очень». – *Р.В.*) и для тюркологии не бесследно, так как Вы можете, глядя на него, многое осветить иначе, ибо Вы стоите у источника, мало исчерпанного, и к тому, чтобы черпать из него, обладаете лучшими средствами, чем многие наши рус[ские] ученые.

Что Вам не отвечают из СПб. Академии наук, то для меня ничуть не удивительно, ибо, как я могу судить по случаям, бывшим неоднократно и со мною, людям дорога своя копейка, свой досуг и свой труд, а до других им мало дела. Несмотря на это, Вы не отчаивайтесь и не бросайте дела, так хорошо начатого. Мне в качестве председателя приходится вести упорную борьбу с общепринятым здесь мнением, что инородцы обречены на вымирание, а потому (!) не следует ими заниматься. Зато честь и слава иностранцам, к[отор]ые беспристрастно и издавна изучают наших инородцев много лучше самих русских.

Преданный Вам Н. Катанов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 202, оп. 2, д. 195, л. 4–5 об. Подлинник.

№ 3

8 января 1904 г.

Многоуважаемый Эдуард Карлович!

Уведомляя Вас о получении письма от 10 декабря 1903 г., благодарю Вас за него и за Ваше доброе расположение ко мне, радуясь, что Вы моим изданием сочинения Трощанского остались довольны. Ко всем сочинениям, которые я редактирую и которые в каком-либо отношении касаются любимой мною моей родины – Сибири, я прилагаю возможное старание, чтобы они вышли в свет получше. Так я действую в противовес Петербургу, в котором я не нашел приюта благодаря старательным проискам некоторых ориенталистов, которые боялись найти во мне соперника. В.В. Радлов, как и всегда, обещался устроить мою судьбу по-

лучше, но не устроил. Теперь я должен служить за 2000 руб. в Казани и иметь каких-нибудь 2–4 слушателей с разных факультетов, и только. В начале декабря я защищал на степень магистра турецко-татар[ской] словесности диссертацию и получил таковую, но надежды на переход в СПб. никакой нет, хотя бы на ту же должность, как и здесь (VI класса). Там я виделся с Клеменцом¹⁰, Радловым¹¹ и Залеманом¹². Последние двое просят Вас прислать материалы словаря для печатания возможно больше, чтобы сразу печатать 10–12 печат[ных] листов, не меньше. Пока часть набирается, другая будет в дороге, а третья в корректуре у Вас. Радлов говорит, что Вам послано пособия около 500 руб., о получении коих Вы даже будто не известили никого. Я отстаивал крепко Ваши интересы и доказывал им, что такого знатока якут[ского] яз[ыка], как Вы, нигде нет, и что, если Вы не получите от них удовлетворения, я поищу для печатания другое место и надеюсь, что найду таковое легко, напр[имер] в Гельсингфорсе, Будапеште или Казани. Затем я резко говорил с ними о том, что они, петербургские ученые, свысока смотрят на провинциалов, эксплуатируют труды их под предлогом помощи им и никогда не принимают к сердцу чужих исследований, подлежащих к печати, если за это не будет особого вознаграждения, и доказал им это исторически, а затем выразил сожаление, что провинциалы зря обращаются к петербуржцам и тратят время на выжидание. Я лично был командирован Академией наук в разные страны Азии и собрал столь много материала, что за 15 лет Академия наук едва, при моих постоянных напоминаниях, напечатала 1/6 часть. На печатание остального понадобится еще 75 лет? Как Вам нравится? Собирал я 4 года, а будет печататься 90 лет. Из-за последнего я долго говорил с академиками, но не добился ничего, кроме упрека, зачем я так много собирал. Тогда я заявил, что более в СПб. печатать не буду. Вот почему я стараюсь относиться к разным печатаниям о Востоке со всею душою. Обо всем этом я сообщаю Вам для сведения и руководства. Если печатание всецело поручите петербуржцам, то Ваш словарь ожидает та же участь, что и мои материалы,

т.е. 10–15 лет. Академикам я ставил в упрек, что они печатают такой, в сравнении с Вашим словарем, ничтожный материал, как записи гг. Мошкова и Рыбакова, не стоящие, по-моему, ни копейки.

Дай Бог Вам успехов во всем! Если есть у Вас мелкие вещи, листов на 2–3–4, не более, то я с удовольствием проведу в печать сейчас же. Не откладывайте далеко того, что можно печатать сейчас же.

Вышлите мне для академика В. Munkacsi¹³ в Будапешт 1-й вып. «Словаря якут[ского] яз[ыка]» налож[енным] платежом, и я хочу сделать ему презент, так как он интересуется якут[ским] яз[ыком].

Свою диссертацию об урянхайском языке я доставлю Вам сейчас же, как только получу из переплета. Прошу принять ее от меня в дар и в знак глубочайшей признательности Вам за образцовые, истинно академические исследования якут[ского] яз[ыка].

Ваш Н. Катанов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 202, оп. 2, д. 159, л. 20–24 об. Подлинник

№ 4

10 апреля 1910 г.

Глубокоуважаемый Эдуард Карлович!

Только что отправил Вам поздравительное письмо, как мне принесли первую корректуру статьи Трошанского «Наброски о якутах». Боясь, как бы чтение корректуры не затянулось, посылаю Вам корректуру и оригинал (последнего 14 страниц); надеюсь, что Вы прочтете и исправите корректуру на праздниках. След[ующую] корректуру я прочту сам, согласно Вашим исправлениям. Дальнейший набор пойдет без замедления. Думаю, что с чтением корректуры и Вы не будете медлить.

Еще раз желаю Вам и глубокоуважаемой Елене Андреевне¹⁴ провести праздник в отдыхе и радости.

Как я желал видеть Вас здесь! Видно, не угодно судьбе. Проводя ст[атью] Трошанского чрез факультет, я указывал на то, что в прежнее время немало появлялось в «Учен[ых] зап[исках]» статей о Востоке (Банзарова, Березина, Ковалевского и др.) и

что поэтому ст[атья] Трошанского несколько не будет лишней и т.д.; но на это мне был один смех с замечанием, что довольно нянчиться с инородцами и что таким статьям вовсе не место в «Учен[ых] зап[исках]». Если такое презрительное отношение Вы видите со стороны ученых, чего же требовать от грубых мужиков? Я думаю, что инородцами (бытом, языком, верованиями, правом и пр.), напротив, совсем мало интересуемся, а не то чтобы нянчиться с ними. Насколько силен в России интерес к инородческим языкам, можете судить, напр[имер], по тому, что своего «Опыта исследования урянх[айского] яз[ыка]» я продал в России 3 экз., в Германии 28 и в Англии – 26. Так спрашивают и словари инородч[еских] яз[ыков], издаваемые мисс[ионерским] о[бществ]ом. У меня во время путешествия по Азии набран материал для 11 тюрк[ских] диалектов. Если не найдутся издатели, придется или отправить в З[ападную] Европу, или бросить в печку.

Будьте здоровы и благодушны оба!

Преданный Вам Н. Катанов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 202, оп. 2, д. 159, л. 53–54 об. Подлинник.

№ 5

Казань

10.07.1916 г.

Глубокоуважаемый Эдуард Карлович!

От всего сердца благодарю Вас за дорогой Ваш подарок – «Краткий русско-якутский словарь», 2-е изд. 1916 (242 стр. в 8 д.л.), в котором я нашел много интересного, что встречается только в языке урянхайцев (хотя бы напр. косун – костор). Благодарю Вас за память.

Когда я виделся с Вами в 1907 году, Вы показывали мне поправки к миссионер[ским] изданиям на якут[ском] яз[ыке]. Не дадите ли мне эти поправки и другие, если есть, чтобы представить их от Вашего имени в переводческую комиссию прав[ления] миссионер[ского] о[бществ]а для соответствующих изменений?

Как поживаете и чем теперь занимаетесь? Много ли осталось до конца якут[ско]-рус[скому] словарю? Где про-

дите лето? Неужели все в городе? Как здоровье Елены Андреевны? Не скучаете ли, как моя жена, по Сибири?

С 1 мая с.г. я не состою уже ни граждан[ским] цензором, ни военным, а потому буду иметь много времени для занятий наукою. Не удастся ли побывать мне опять в Петрограде? Как бы хорошо было! Вы интересовались город[ским] музеем. Но без фотограф[ических] снимков трудно сделать что-л[ибо] для Вас, а при нашей бедности фотография – редкость. Знаете ли, что я основал истор[ико]-этно[графический] музей и при духов[ной] акад[емии], где я состою орд[инарным] проф[ессором]? Но у нас только вещи по исламу, буддизму и иудейству (идола, снимки, рисунки, костюмы и пр.). С.Е. Малов¹⁵ видел музей и может рассказать, что музей представляет из себя, по сравнению с этно[графическим] музеем Акад[емии] Наук, 1/1000000 часть.

Мое почтение Елене Андреевне и Вам. Как жаль, что я не видал здесь А.Н. Самойловича (я ездил в Симбирск).

Уважающий Вас Н. Катанов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 202, оп. 2, д. 159, л. 66–67 об. Подлинник.

Примечания

¹ См.: Валиханов, Чокан. Избранные произведения. М., 1987; Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. Вып. 1–4. СПб., 1881–1883; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. СПб., 1870; Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами и Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883; М., 1948; Памяти Николая Михайловича Пржевальского (Ст. и речи). СПб., 1890; Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949; [Радлов В.В.] Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, собр. В.В. Радловым. Ч. 1–10. СПб., 1866–1907; Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1–2. СПб., 1888–1902; Обручев В.А. Краткий обзор экспедиций, снаряженных имп. Русским географическим обществом для исследования материка Азии с 1846 по 1896 // Известия Восточно-сибирского отдела имп. Русского географического общества. 1897. Т. 27; Козлов П.К. Трехлетнее путешествие (1899–1901 гг.)

по Монголии и Тибету. Экспедиция РГО. СПб., 1913; *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. 1907–1909: Экспедиция в Нагорной Азии. М. –Пг., 1923 и др.

² См.: Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 14, оп. 1, д. 8933, л. 50; Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977, оп. Совет, д. 8904.

³ *Покровский И.М.* Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. XXXII. Вып. 2. С. 247.

⁴ НАРТ. Ф. 968, оп. 1, д. 119, л. 11–11 об.

⁵ Николай Федорович Катанов. Письма. Абакан, 2006. С. 10.

⁶ Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Читано в заседании историко-филологического отделения 9-го января 1890 года. СПб., 1893. С. 1.

⁷ Трошанский Василий Филиппович (1843–1898) – деятель революционного движения в России, член центральной группы «Земли и воли», участник студенческих сходов в Санкт-Петербурге, в 1880 г. приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы, в 1886 г. отправлен на поселение в Якутскую область, занимался исследованием быта и верований якутов.

⁸ Ионов Всеволод Михайлович (1851–1922) – революционер, с 1883 г. отбывал каторгу в поселении в Якутии, в ссылке близко сошелся с Э.К. Пекарским, в 1894–1896 гг. принимал участие в Якутской экспедиции Д.А. Клеменца, в 1900–1910 гг. – учитель начальной школы в Якутске, в 1908–1910 гг. редактор ряда газет в г. Якутске («Якутская мысль», «Якутский край» и др.), активный участник деятельности Якутского отделения Общества по изучению Сибири, оставил заметный след в истории отечественного якутоведения.

⁹ Карагасы – современный народ тофалары, тофаларский язык.

¹⁰ Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914) – революционер, в 1879 г. сослан в Минусинск, занимался геологией, археологией, этнографией, историей Сибири, участник ряда экспедиций Академии наук в Центральную Азию, с 1903 г. зав. этнографическим отделом Русского музея имп. Александра III, с 1910 г. в отставке.

¹¹ Радлов Василий Васильевич (1837–1918) – востоковед-тюрколог, этнограф, переводчик. Один из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

¹² Залеман Карл Германович (1849–1916) – иранист и тюрколог, адъюнкт Академии наук (1886), экстраординарный академик (1889), ординарный академик (1895), директор Азиатского музея (1890–1916 гг.)

¹³ Мункачи Бернарт (1860–1937) – венгерский языковед и этнограф, академик Венгерской АН (1910). Основные труды в области сравнительно-исторического языкознания, тюркологии, иранистики и этнографии, изучал финно-угорские и тюркские народы Поволжья и Сибири.

¹⁴ Кугаевская Елена Андреевна – супруга Э.К. Пекарского.

¹⁵ Малов Сергей Ефимович (1880–1957) – выдающийся тюрколог, знаток древнетюркских рунических и уйгурских памятников, совершил научные путешествия в Китай (1909–1911, 1913–1915 гг.).

ПАМЯТИ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ШАСТИТКО (1923–2009)

Когда предыдущий номер «Восточного архива» был уже сдан в печать, редакция получила печальное известие: на 87-м году жизни скончался замечательный востоковед и очаровательный человек, один из отцов-основателей нашего журнала доктор исторических наук Петр Михайлович Шаститко. Мы публикуем воспоминания о нем коллег, с гордостью считающих себя учениками Петра Михайловича.

«МОИ ГОДА...»

Петр Михайлович Шаститко готовил банкет по случаю своего 60-летия. Приглашено было множество гостей – друзья, однокашники, коллеги по институту. Приглашен был и я, но из деликатности и по молодости я отказался от этой чести, вызвавшись помогать в организации – расставлять столы в институтской столовой, чего-то закупать и т.п. «Володя, – обратился ко мне юбиляр, лукаво улыбаясь, – у нас будет на вечере музыка – проигрыватель, магнитофон, и у меня возникла интересная идея. Купите для меня пластинку Кикабидзе “Мои года – мое богатство”, мы ее поставим, Кикабидзе будет петь, а я возьму микрофон и, открывая рот, буду делать вид, что пою». Зная о таланте Петра Михайловича по части всяких розыгрышей и приколов, я охотно согласился и отправился в близлежащий магазин «Мелодия» на Кировской. Заказанная песня была одним из хитов народного любимца – киноактера и певца Бубы Кикабидзе, поэтому я очень удивился, когда продавщица на мою просьбу холодно ответила: «Кикабидзе нет!». Поблизости из подходящих магазинов – «Детский мир» и «Книжный мир», в них существовали отделы грампластинок. Поехать куда-либо еще уже не оставалось времени, праздник скоро начинался. Побежал в «Детский мир», там пластинки не оказалось, а вот в «Книжном» она была! Но пел Кикабидзе... на грузинском языке. Что было делать! Я купил пластинку. Петру Михайловичу я предложил спеть под эту фонограмму, сказав, что все равно все знают слова песни, а так получится даже еще смешнее. Он подумал минуту, а потом ответил, что по-грузински все-таки петь не сможет. Жаль, забавно было бы на это посмотреть!

А пластинка у меня сохранилась. Я ее даже недавно видел – и вспомнил эту забавную историю. Четверть века назад желание спеть эту песню в день 60-летия представлялось мне очередной шуткой Петра Михайловича, и только.

Немножко отвлекусь и напомним, что слова упомянутой песни сочинил Роберт Рождественский. Петр Михайлович любил стихи, и современные стихи – в частности. Однажды я помогал ему готовить к изданию книжку «События и судьбы», эпиграфом к ней стояли строфы Виталия Коротича. Мы с издательским редактором посмеялись – кого это Петр Михайлович цитирует, какого-то Коротича... Книжка выходила в 1985 г., и имя поэта и журналиста, ставшее через год широко известным, мало кто еще знал, а вот Петр Михайлович читал стихи Коротича наизусть.

Петра Михайловича я заметил сразу же, начав трудовую деятельность в ИВАНе. Здание института в Армянском переулке, нарядное и величественное снаружи, внутри было узким и тесным – все сотрудники, растекаясь по отделам, просачивались по одним и тем же двум главным коридорам – одному внизу и одному на втором этаже. И всегда по присутственным дням я видел солидного, седого, но еще не старого человека – он выделялся из общего потока. Двигался медленно, важно прихрамывая, опираясь на красивую резную палку, шел не с краю, а по середине коридора, всегда элегантно одет – как правило, в светлый костюм, из нагрудного кармашка которого выглядывал кончик шелкового платка. С ним здоровались почти все идущие навстречу, а он широко в ответ улыбался и радушно

раскланивался. А иногда я замечал его в дерматиновых дверях институтского парткома. И тут, как казалось мне, он отличался от других – людей пасмурных и партийных даже внешне. Да, важная, должно быть, персона, догадывался я, не зная ни его лично, ни его фамилии.

Спустя год с небольшим наш отдел ждал назначения нового начальника. Сотрудники все гадали: «Кто?», но так и не смогли догадаться. И вот, сразу после заседания дирекции, к нам в комнату будто влетел взволнованный Нафтулла Аронович Халфин, наш великий завсектором, и почти выкрикнул: «Я знаю, кто! Отгадайте!». В ответ было названо какое-то напрашивавшееся имя – «Нет!», другое имя – «Нет!», и, выждав минуту, он торжественно и радостно произнес: «Петя, Петя Шаститко!» А еще через пару дней, когда новый начальник предстал перед своими сотрудниками, я узнал хорошо знакомое лицо.

В то время, в 1978 г., мне было неполных 24 года, а Петру Михайловичу – 55, это мой нынешний возраст. Но между подобными «сверстниками» нет никакого сравнения! Мое поколение выросло, жило и живет в весьма «устроенную», благополучную и мирную эпоху, что подтверждается и тем, что казавшиеся или кажущиеся те или иные трудности со временем уходят и забываются. Действительность представляется простой и естественной, бывшей всегда и данной на вечные времена. Но время, в которое пришлось жить поколению предшествующему, поколению Петра Михайловича, уверен, забыть невозможно. Он не только стал хорошим его «летописцем», но и постоянно, долго, до самой кончины размышляя о нем, пытался дать оценку и ему самому, и своему месту в этом редкостном по трагизму времени. И как важно, что живая связь времен осуществляется такими людьми, как важно, что они еще есть или – увы! – уже были, но ты их увидел, застал.

Несмотря на тогдашнюю благостную застойную пору, покоя и «застоя» в полученном отделе Петр Михайлович перенести не мог. Сразу же устроил «перестройку» («перестройщиком» был прирожденным, и не даром его всегда, еще со студенческих лет, тянуло к себе подобным). Он любил затевать что-то новое, неординарное, и с ним было интересно работать. По прошествии лет калейдоскоп побывавших в отделе гостей, заседаний авторских коллективов, сделанных докладов, защищенных диссертаций, совершенных командировок, выпущенных книг кажется очень ярким.

Пронизывает и обрамляет эту картину энергия, а также доброта и тепло, исходившие от моих начальников, старших современников – Шаститко и Халфина. Они делились с нами и своим невероятным чувством юмора, и оптимизмом, которыми были щедро наделены.

О проделках и того, и другого ходят легенды, особенно о «розыгрышах» Петра Михайловича. Не только на отдельных вечеринках, на которых только один он мог быть тамадой, не только в первоапрельских выходках, байках и анекдотах – озорство этого человека проявлялось во всем. Хотя бы даже в смешно надуваемых щеках – если он был с чем-либо не согласен или когда ему становилось скучно, он не морщился и не тускнел – у него округлялись щеки (а я, как только замечал во время разговора, что щеки его припухают, пытался поскорее поменять тему или вообще стусеваться). Помня, что ему трудно подниматься по лестнице, я охотно выполнял его поручения («Володя, не считите за труд...»), в частности, пригласить к нему в кабинет того или иного коллегу из другого отдела. Так, однажды он попросил меня позвать к себе из отдела Индии Н.И. Пригарину. Я отправился, но пока шел туда, заглянув по пути в библиотеку, успел забыть, кого надо пригласить, и пригласил вместо профессора Н.И. Пригариной профессора С.В. Прожогину – фамилии-то похожие! Та бросила свои дела и явилась к удивленному Петру Михайловичу, который, с готовностью пообщавшись и с ней, меня, таким образом, не выдал, а потом весело посмеялся над моей рассеянностью.

Петр Михайлович, ученый по духу и по убеждениям, поддерживать и сохранять любой научный росток стремился интуитивно (не важно – входило ли то или иное исследование в круг его интересов и знаний). Понятно, почему так легко, надежно и благополучно было мне жить в его отделе.

Владимир Воловников

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

В один из осенних дней 1984 г., кажется, это было в октябре, вскоре после поступления в аспирантуру ИВ АН СССР, мой научный руководитель Нафтулла Аронович Халфин сказал, что представит меня начальнику отдела. Между двумя комнатами секторов Отдела историко-культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока была еще одна дверь, мимо которой я уже не раз проходил, не обращая внимания. Именно в эту дверь, кабинета начальника отдела, мы с Халфиным и вошли. «Кабинетом» помещение можно было назвать условно: это была маленькая комнатка, где кроме письменного стола, двух кресел и книжных полок уже ничего не могло больше разместиться. За столом спиной к окну сидел человек, которому Халфин меня и представил. Тот в свою очередь протянул мне руку: «Петр Михайлович Шаститко». Смотрел он на меня серьезно, как мне показалось, даже сурово, слегка надувая щеки – в знак не то задумчивости, не то неудовольствия. Но как же преобразилось его лицо, когда он узнал, что я штатный сотрудник архива, да еще такого, как Центральный государственный военно-исторический! Могу без преувеличения сказать, что Петр Михайлович просто просиял: глаза засветились, он широко улыбнулся. Работу архивистов он вообще ценил необычайно высоко, считая, что не может быть настоящего историка без знания архивных материалов, исключая разве что только археологов (один из секторов отдела был археологический), но и им полезно побывать в архиве. Что же касается ЦГВИА, то оказалось, что время своей исследовательской работы там, в читальном зале, в середине 1950-х он считал лучшими годами жизни.

Таким образом, я сразу попал в фавор к Петру Михайловичу, и своего расположения ко мне он не изменил до последних дней. Мы договорились, что я организую и проведу экскурсию по «восточным» материалам архива для сотрудников отдела. Хотя я в это время еще недостаточно хорошо знал фонды, содержащие документы по Востоку, я с готовностью взялся за их выявление. Это сослужило мне добрую службу: я стал «погружаться» в тему своей будущей диссертации. Когда же на экскурсию в архив пришла довольно многочисленная группа сотрудников института (включая археологов, которых Петр Михайлович сумел заинтересовать), я продемонстрировал им действительно интересные материалы. Правда, первооткрывателем не стал: в «листах использования» некоторых дел значилась фамилия Шаститко (на что я с удовольствием обращал внимание слушателей), а уж фамилия Халфина присутствовала практически везде.

Так получилось, что у Петра Михайловича вскоре случился очередной инфаркт, и мы с Володей Воловниковым поехали в Кунцевский кардиологический центр его проведать. Петр Михайлович старался держаться бодро, но выглядел плохо: бледность и очевидная слабость заставляли думать, что если и выживет, то к работе вряд ли скоро сможет вернуться. Если память мне не изменяет, это было ранней весной 1985 г. Но такова была воля к жизни и духовная сила этого человека, что он победил и отвоевал у судьбы еще почти четверть века! И не просто существования, а свершений. Впереди были серия монографий «Россия и страны Востока», инициатором и организатором которой был Петр Михайлович, сборники документов «Российские путешественники в Индии», «Русско-индийские отношения в XIX в.», «Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.», две коллективные монографии из серии «История отечественного востоковедения»... Плюс его собственные работы по Индии и русско-индийским отношениям, написанные в соавторстве с А. Володиным и Т. Загородниковой, воспоминания о друзьях и коллегах и, наконец, последняя книга «Век ушел». Не уставать от жизни, а трудиться до последнего вздоха – таков был девиз Петра Михайловича.

В 1987 г. ушел из жизни Н.А. Халфин. Я был на завершающем этапе аспирантуры, контуры диссертации вполне обозначились, но в организационном плане болезнь и кончина Нафтуллы Ароновича лишала меня надежд на защиту: кому нужен аспирант с «чужой» темой?! Петр Михайлович вошел в мое положение, согласившись стать «шефом». В ин-

ституте он знал всех и его все знали, что обеспечивало решение организационных вопросов. Но и научное руководство не было формальным: Петр Михайлович добросовестно прочитывал все, что я ему приносил, делал свои замечания, порой в деликатной до смешного форме: «Миша! Я сейчас скажу глупость, но вы меня поправите...». Он говорил, что ему интересно читать мою работу, что он узнает много нового для себя, а это полезно всем и всегда. Петр Михайлович был начисто лишен высокомерной самонадеянности и не боялся признаться в незнании чего-либо, а ведь это и есть первый признак мудрости.

После моей защиты наши отношения с Петром Михайловичем не прервались и, по большому счету, не изменились. Он видел во мне своего «агента» в архивном мире, часто консультировался по нахождению тех или иных сведений в различных архивах. В РГВИА мне даже удалось разыскать послужной список его деда по материнской линии – подполковника царской армии Талат-Келпша. Конечно, в конце 1990-х, когда Петр Михайлович уже передвигался на инвалидной коляске, наше общение приняло в основном форму телефонных разговоров. Несколько лет мы не виделись. Но вот когда в Посольстве Индии была устроена презентация сборника «Русско-индийские отношения», Елена Константиновна (жена П.М. Шаститко. – *Ред.*) попросила меня помочь доставить Петра Михайловича вместе с креслом в зал Индийского культурного центра. Он был необычайно элегантен, даже в инвалидном кресле: безукоризненный темный костюм, белоснежная сорочка с галстуком-бабочкой, «щеточка» седых усов – лорд адмиралтейства или вице-король в отставке, не меньше! Казалось, что все должны встать, когда мы вкатим Петра Михайловича в зал. Кстати, он рассказывал, что однажды в каком-то индийском городе ему были оказаны явно преувеличенные почести, что удивило более именитых коллег в составе делегации. Все объяснилось ошибкой в списке делегации, где после фамилии вместо инициалов П.М. поставили М.П. (MP – Member of Parliament).

Последний раз мы виделись в марте 2008 г., когда вместе с Володей Воловниковым приехали проведать Петра Михайловича у него дома, в новой просторной квартире. Хозяин был весел, гостеприимен, полон энергии. Выпили за нас, за друзей и коллег, за нашу работу, за новые планы, которые Петра Михайловича, несмотря на преклонный возраст, никогда не покидали.

Михаил Рыженков

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые авторы «Восточного архива»!

Просим вас оформлять материалы для журнала в соответствии со следующими требованиями.

1. Объем статьи не должен превышать 1,0 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами). Текст набирается на компьютере в программе «Word». Размер шрифта – 14, интервал между строчками – 1,5. Выставляются переносы слов, а также номера страниц (справа вверху). Сноски концевые. Предоставляются как распечатка (авторами из Москвы), так и электронная версия (диск, дискета). Текст можно отправить также по электронной почте на адрес редакции.

2. Необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, его ученую степень и ученое звание, место работы и занимаемую должность, адрес электронной почты.

3. Сноски необходимо оформлять следующим образом. В тексте знак сноски ставится непосредственно за словом, кавычками или скобкой, в зависимости от того, к чему она относится. Например: В конце книги от руки приписана фраза¹. «Привет Вам»². «Привет Вам, Николай Иванович»³.

4. Написание сноски: автор – *курсивом*; сначала фамилия, а затем, через пробел, инициалы без пробела. Затем – название книги, место и год издания, том, номер страницы. Например: *Петров И.Н.* История гарема. М., 2008, т. 12, с. 163.

5. При первом упоминании архива его название дается полностью, например, Государственный архив Российской Федерации, в круглых скобках – сокращение (ГАРФ). В дальнейшем название архива дается в сокращении. Далее через запятую следуют: номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа. Например: ГАРФ. Ф. 121, оп. 6, д. 104, л. 25. Названия фонда и дела приводить не обязательно.

6. При повторной ссылке на источник дается фамилия автора, далее – «указ. соч.», номер страницы. Если были ссылки на два или более сочинения одного и того же автора, то, кроме его фамилии, дается и название сочинения, можно с некоторыми сокращениями. Если ссылки на один и тот же источник следуют одна за другой, то во второй ссылке достаточно указать «Там же» и дать номер страницы или листа.

7. Просьба перед подачей материала убедиться в отсутствии лишних пробелов между словами, включив кнопку «Непечатаемые символы».

8. Обратите внимание на употребление пробелов:
- после сокращений всегда пробел;
 - после знаков препинания всегда пробел;
 - после № всегда пробел;
 - до и после тире – всегда пробел.

9. Дописывания или расшифровка слов в тексте заключаются в квадратные скобки. Пояснения автора заключаются в круглые скобки и оформляются так: «Был хороший (теплый. – *Авт.*, или инициалы автора, тоже *курсивом*. – *И.П.*) день». Опущенные фрагменты документов отмечаются знаком <...>.

Редакция не имеет возможности выплачивать гонорары авторам. Материалы, получившие положительные рецензии членов редколлегии, публикуются бесплатно

РЕДКОЛЛЕГИЯ

¹ «Как Вы себя чувствуете?»

² Там же.

³ Николай Иванович Петров (1905–1995).

НАШИ АВТОРЫ

АВЕРЬЯНОВ Юрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: avanta_yuriy@mail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры Востока Института востоковедения Казанского государственного университета. E-mail: east.inst@ksu.ru

ВОЛОВНИКОВ Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук, профессор Рурского университета (г. Бохум, Германия). E-mail: volovnikov@gmx.de

ГОРЯЧКИН Геннадий Васильевич – доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: 26562@starnet.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

ЛЕЛЮХИН Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: udasina2@yandex.ru

МОРОЗ Ирина Тимофеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович – кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов. E-mail: milen360@migmail.ru

СМИЛЯНСКАЯ Ирина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник – консультант Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru

ХАКОВ Дженгиз – доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник Института балканистики Болгарской академии наук. E-mail: zangieva@ur.rage.ru

ХОХЛОВ Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru